

народный журнал

№ 4, 2024

Северяне

НАСЛЕДНИКИ ВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Перелистывая уже готовый к передаче в типографию номер «Северян», удивляюсь обилию памятных дат, вдохновивших на написание того или иного материала. У нашей страны настолько богатая история, что даже в рамках инфоповестки одного-единственного малонаселённого региона можно регулярно выдавать подборки статей об открытиях, воинских и трудовых подвигах, достижениях и свершениях.

И не нужно думать, будто всё самое-самое случилось здесь лишь в эпоху освоения нефтегазовых месторождений. Со времён «златокопящей» Мангазеи наш край играл важную роль в освоении новых земель, задавал вектор экономического развития всей страны. Оттого и происходили порой немыслимые с точки зрения современного человека ситуации: царский духовник крестил в Придворном соборе Зимнего дворца самоедского старшину из далёких Обдорских земель, а крёстным отцом того северянина был Великий князь Михаил Николаевич Романов. Новообращённый потом переписывался и с ним, и с видными государственными деятелями страны, и даже сыграл важную роль в спасении экспедиции Павла Крузенштерна. Вот насколько ямальское уже тогда было неотделимо от общероссийского...

Задолго до первых фонтанов нефти и газа необъятный Обский Север виделся богатейшим источником «живого серебра». Когда грянула Великая Отечественная война, промысловикам поставили задачу «взять рыбу штурмом», кратно нарастить объёмы её добычи, накормить и фронт, и тыл. А чтобы потребности не расходились с возможностями, на Ямале высадили десант ихтиологов, сделавший всё возможное, чтобы упорядочить бурную хозяйственную деятельность. Ста-

раниями учёных развился зимний лов, открылись новые промыслы, но что ещё более важно: начала формироваться культура рачительного отношения к природным богатствам. Парадоксально, но и поэтому тоже страна имеет такую мощную сырьевую базу. Если бы не активная гражданская позиция учёных, экологов-общественников, скороспелый проект Нижне-Обской ГЭС мог воплотиться в жизнь. И плескались бы тогда над месторождениями бурные мутные воды. Но здравый смысл восторжествовал, развитие Обского Севера пошло по другому пути. Теперь Ямал готовится к полувековым юбилеям Нового Уренгоя и Ноябрьска, а герои-первопроходцы вспоминают о тушении первых газовых фонтанов и в формате «было-стало» описывают стремительное развитие арктической цивилизации. 🇷🇺

**Главный редактор
«Народного журнала «Северяне»
Андрей Баландин**

СОДЕРЖАНИЕ

6

17

48

94

СТРОГАНИНА

- 6** **Ольга КИПРИНА**
Шедевральное настроение

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

- 14** **Наталья РУССКИХ**
Модистка
- 17** **Андрей БАЛАНДИН**
*Как северяне
с гитлеровцами бились*
- 25** **Андрей БАЛАНДИН**
Звезда ямальского героя

НАУКА

- 30** **Иван БЫЧКОВ**
*Чёрная львинка – уборщица
и кормилица*
- 34** **Андрей ГОЛОВНЁВ**
Арктическая утопия
- 40** **Владимир ПЛЕХОВ**
Новые паруса. Стихотворение

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- 42** **Алексей МАТВЕЕВ**
*Счастливая звезда
Владимира Цыбенко*

- 48** **Анастасия ЛАПСУЙ**
*Чумовые беседы
о народной медицине*

- 58** **Ирина РАМИЕВА**
Как рыбу «брали штурмом»

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ

- 64** **Вячеслав СОФРОНОВ**
Ненецкий крестник великого князя
- 73** **Татьяна МУШТАЕВА**
В журналистику «приехал» належке

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

- 80** **Владимир ЗОЛЬНИКОВ**
*Так рождались
грандиозные проекты*
- 87** **Марина КАШМАКОВА**
*СМУКИ, или Альма-матер
ямальского искусства*
- 92** **Светлана ГРЕБЕНЩИКОВА**
Северные зарисовки
- 94** **Евгений СОБОЛЕВСКИЙ**
*«Вода в кратере остывает,
поднимается туман, тихо...»*
- 100** **Виктор МУРЗИН**
*Тюменский миллиард.
Стихотворение*

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

- 102 Вячеслав СОФРОНОВ**
*И совсем она не колючая...
Эта проволока...*
- 109 Юрий КУКЕВИЧ**
Исход

- 116 Галина БАЛОГ**
Венгерские яблоки
- 120 Олег СЕЛЕДЦОВ**
*Новогоднее чудо
Стихотворение*

Обложка (стр. 1) – художественная работа Веры Пацевой «Хозяйка тундры». 2023. Холст, масло
Обложка (стр. 2, 3) – фото Александра Романова
Обложка (стр. 4) – художественная работа Веры Пацевой «Мишка». 2023. Цифровая живопись

АНО «Ямал-Медиа»
629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-27-19
E-mail: yamal-media@yanao.ru
Генеральный директор **Марья Андреевна Зулинова**

С народный журнал Северяне

№ 4 (101), 2024

Издаётся с 19 февраля 1999 года

Главный редактор **Андрей Вячеславович Баландин**

Над номером работали:

Галина Севли, Луиза Мифтахова — художественные редакторы
Ольга Юркевич — корректор

Адрес редакции:

629003, ЯНАО, г. Салехард, мкр. Б. Кнунянца, д. 1, каб. 106
Тел.: (34922) 4-44-77. E-mail: severyane@yamal-media.ru

16+

ЯМАЛ
медиа

Соучредители: Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Республики, д. 72). Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Издатель: Департамент внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (629008, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, пр-кт Молодёжи, д. 9, каб. 708)

Отпечатано в типографиях:

АНО «Ямал-Медиа»,

Юридический адрес: 629003, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, мкр. Богдана Кнунянца, 1, каб. 106

Фактический адрес: 629007, Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард, ул. Чубынина, 39А

Тираж 300 экз. Заказ № 1521

ООО «Типография ФортДиалог»
620085, г. Екатеринбург,

ул. Монтёрская, д. 3/81А, оф. 323
тел./факс (343) 228-02-32.

Тираж 7260 экз. Заказ № 2430696

Дата выхода в свет: 05.10.2024 г. Распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ72-00566 от 20 апреля 2012 г. выдано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области,
Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре
и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Редакция оставляет за собой право отбирать поступающий
материал для публикаций, а также сокращать и редактировать.
Рукописи и фотоснимки не возвращаются и не рецензируются.
При перепечатке материалов ссылка на «Северян» обязательна
(Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Полные версии каждого номера «Северян» можно найти на интернет-сайте
www.libraries-yanao.ru (корпоративный информационно-библиотечный портал ЯНАО),
на сайте **красныйсевер.рф** (общественно-политическая газета «Красный Север»)

СТРОГАНИНА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

ШЕДЕВРАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ

Ольга КИПРИНА

г. Тюмень

Можно ли быть художником и фотографом одновременно? Хватит ли сил и времени, чтобы самореализоваться сразу на двух творческих площадках – сполна излить душу холсту и ухватить за хвост Жар-птицу ускользающего мгновения? Знакомьтесь, Вера Пацева из Салехарда одинаково хорошо управляется с палитрой и зеркалкой. Подобно обоерукому воину она впечатляет, завораживает, поражает...

Наша героиня с детства обожала библиотеки. Часами перебирая книги и журналы, она искала иллюстрации, подолгу их рассматривала, вникала в технику живописцев.

ФОТО: ВЕРА ПАЦЕВА

– Так вышло, что не специальная, а художественная литература разных жанров послужила для меня учебным пособием, – вспоминает северянка, и добавляет: её единственные учителя – это бабушка и мама, очень талантливые, самобытные, творческие личности.

Бабушка была самоучкой, что не мешало ей готовить будущих студентов для поступления в художественные учебные заведения. На пару с дочкой – мамой Веры – они рисовали афиши для фильмов и концертов. А первой полностью самостоятельной работой нашей собеседницы стал образ русалочки Ариэль, навеянный известным диснеевским мультфильмом.

Первая выставка, первый успех

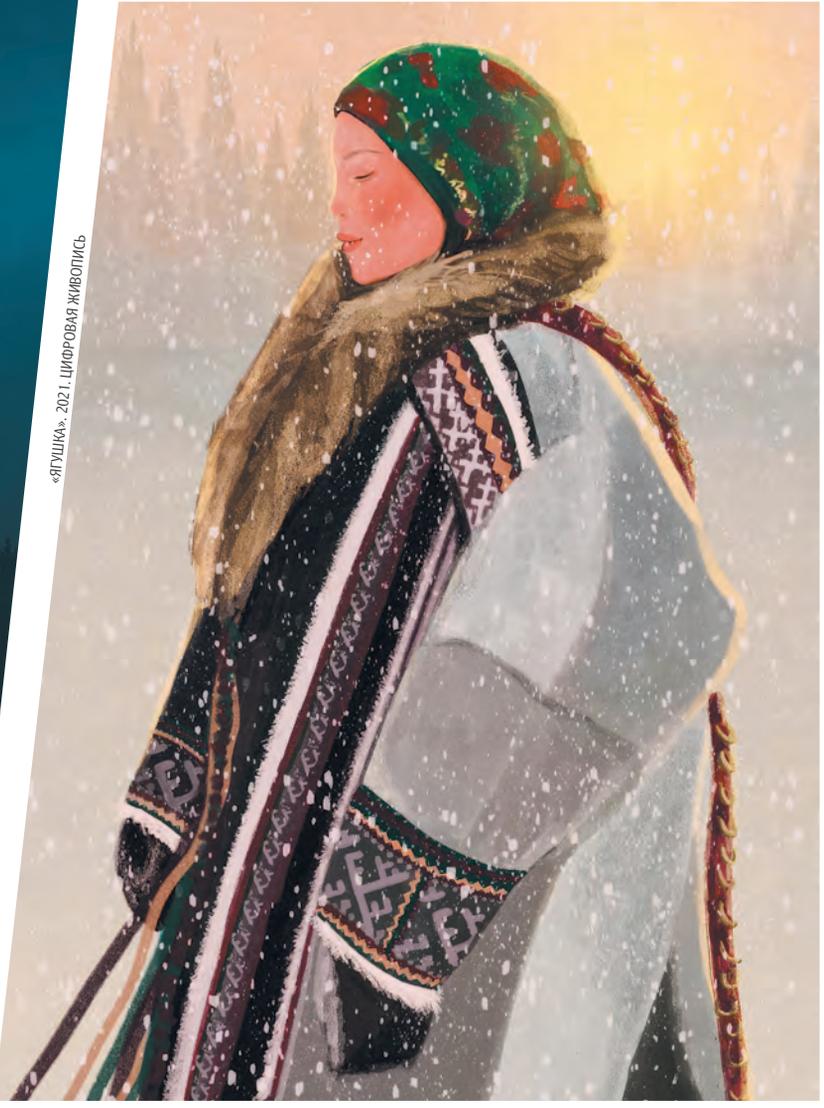
Возможно, мы никогда не узнали бы о художнике Вере Пацевой, но шесть лет назад по воле случая она оказалась на Ямале. Так уж сложилось, что именно здесь она получила возможность творить в полную силу.

– До переезда в Салехард я жила в Екатеринбурге, работала фотографом в различных журналах, создавала рекламные образы для

Вера Пацева: «Умение рисовать – это навык, который нужно развивать. Как в спортивном зале мы тренируем мышцы, так и в живописи мы можем совершенствовать свои способности. Главное – пробовать и не сдаваться при первых трудностях»

«ШАМАН», 2020. ЦИФРОВАЯ ЖИВОПИСЬ

«ЯГУШКА», 2021. ЦИФРОВАЯ ЖИВОПИСЬ

«ЧУМ», 2022. МАСЛО, ХОТЛЕТ

«ПЕРВЫЙ СНЕГ», 2024. ЦИФРОВАЯ ЖИВОПИСЬ

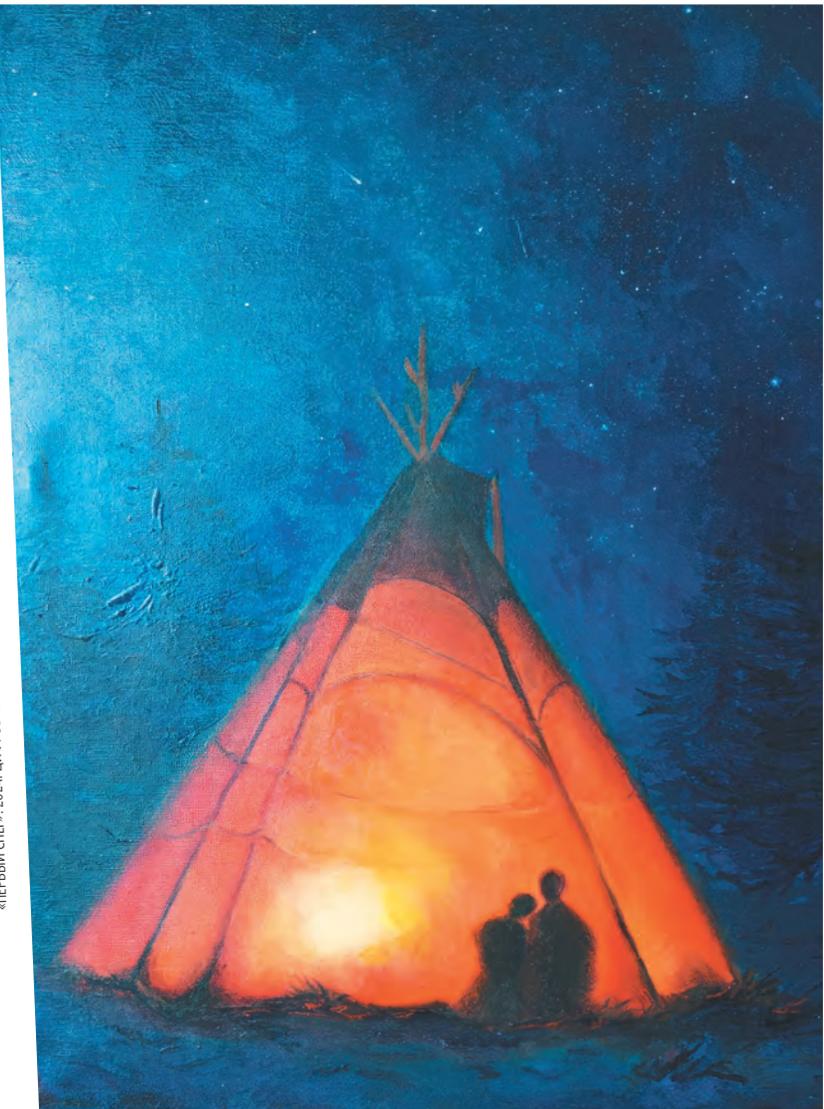

ФОТО: ВЕРА ПАЦЕВА

Северянка часто применяет свои художественные и фотографические навыки в жизни. Недавно она увлеклась модой и вместе с единомышленниками сшила небольшую коллекцию одежды

магазинов. А вот времени на живопись почти не оставалось: работа, дом, дети, кружки, – признается художница.

Однажды знакомый попросил её написать для коммерческой организации двенадцать картин о северах. Вера выполнила заказ в технике цифровой живописи, но гонорар так и не получила – фирма заказчика прекратила существование. Потом эти картины увидели знакомые сотрудники музейно-выставочного комплекса имени Шемановского в Салехарде и предложили организовать первую персональную выставку. Проект удался, открыв перед нашей героиней массу возможностей.

– По сути, с той выставки и началась моя карьера художника, – отмечает Вера Пацева.

«ТАИНСТВЕННЫЙ ЛЕС», 2023. ХОЛСТ. МАСЛО

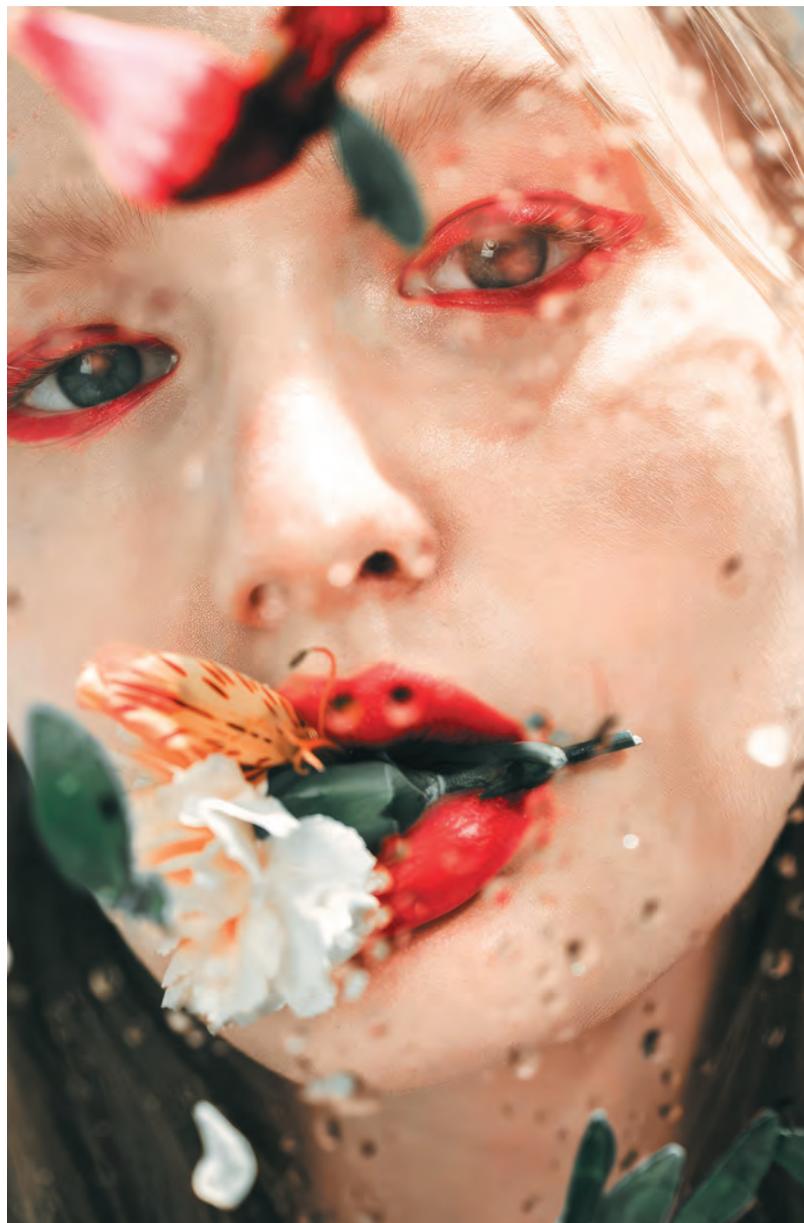

ФОТО: ВЕРА ПАЦЕВА

Вере Пацевой до сих пор интересна фешен-фотография, потому что она выходит за рамки простого показа одежды, аксессуаров, косметики. Это тоже творчество

ФОТО: ВЕРА ПАЦЕВА

ФОТО: ВЕРА ПАЦЕВА

Ямал произвёл на Веру большое впечатление. Здесь она снова взялась не только за фотообъектив, но и за холст и кисти

– После неё меня стали узнавать, а картины – покупать.

Цифровая живопись – не единственная техника, в которой работает наша землячка. В своей мастерской она пишет и маслом, и акрилом. А недавно ей выпал шанс расписать одиннадцатиметровую стену в студии йоги. Это был её первый монументальный опыт.

– Я изобразила горный пейзаж. Сначала переживала, как поведёт себя незнакомая краска, какие возможности даст для работы. Немного боялась размера «полотна», – признаётся собеседница. – Однако всё удалось. Заказчики остались довольны, а я получила огромное удовольствие от процесса. Хотя внутренний критик не дремлет, и я понимаю, что могла бы сделать лучше...

Кстати, работая над этим заказом, Вера часто вспоминала картины своего любимого художника Николая Рериха, его мастерство в изображении гор и передаче цвета.

«Замечаю красоту вокруг»

О фотографии Вера тоже не забывает. Говорит, что навыки, приобретённые за годы

работы с камерой, очень помогают в написании картин.

– Как фотограф, я не могу не видеть оттенки человеческих эмоций и красоту всего сущего. Даже просто гуляя по городу, подмечаю, как свет падает на листья, как они шелестят на ветру. Сосредоточившись на таких моментах, забываю о городском шуме, повседневной суете, растворяюсь в них. Это и есть моё вдохновение.

На вопрос, кто же она больше – художник или фотограф, Вера лишь пожимает плечами. Для неё одного без другого не существует.

– Фотография и живопись тесно связаны. Они отражают картину, эмоции и ощущения как самого себя, так и окружающего мира, – продолжает собеседница. – Больше всего люблю изображать природу, животных, людей. Мне нравятся темы, которые несут успокоение, созидание, доброту и теплоту. Наверное, поэтому я позиционирую себя как художник-иллюстратор. Мне не важна техника. Важно восприятие. Я могу написать не так художественно, как этому учат в школах, но сумею передать теплоту, эмоцию и ощущение в картине.

ФОТО: ВЕРА ГАЛЕВА

Фотосъёмка уже давно стала искусством. Она требует серьёзной подготовки и мастерства

Творчество как терапия

Год назад наша героиня вышла на новый уровень – открыла мастерскую для взрослых. В непринуждённой и доброжелательной атмосфере посетители отдыхают от трудовых будней и запасаются ресурсом для новых свершений – с кисточками или мелками в руках.

– Некоторые приходят, чтобы посмотреть, подходит ли им живопись как инструмент для самовыражения. Потом кто-то уходит, кто-то остаётся, – отмечает Вера. – Часто люди говорят, что не умеют рисовать, называют себя «криворучками». Эти оставшиеся с детства установки мешают раскрыть истинные возможности. На занятиях мы проговариваем такие моменты и начинаем творить. Всё, что требуется от человека, – это немного усилий над собой. Я же должна пошагово и доступно объяснить, с чего начать.

Недавно в мастерской появилась и детская группа. Об этом её хозяйку просили молодые мамы, посещающие занятия.

– Стараюсь, чтобы здесь не было строгости и регламента, как в художественной школе. Дети сами диктуют правила (смеётся). Конечно, сначала идёт изучение основ, но выбор материалов остаётся за ними. Пусть это будет блестящая ручка, золотые краски или акварель. Моя задача заключается в том, чтобы они могли самовыражаться как хотят. Только так любовь к творчеству не угаснет.

Кроме всего вышеперечисленного, наша героиня ещё и дипломированный арт-терапевт.

– Всегда знала, что живопись, как и любое другое творчество, благоприятно влияет на человека. Мне хотелось углубиться в эту тему, поэтому пошла учиться. Сеансы арт-терапии, которые я проводила, строились в щадящем режиме. Глубокая работа – это прерогатива психолога. Моя же задача – не навредить. Поэтому я использую только ресурсные, позитивные техники, направленные на работу со страхами и тревожностью. Однако на этот род деятельности времени почти нет. 🙌

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ИЛЛУСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

МОДИСТКА¹

Наталья РУССКИХ

с. Горки, Шурышкарский район

Тяжело нам в войну пришлось. Ужас ведь как жили тогда, всего не расскажешь, да и вспоминать об этом не хочется. Как выстояли, как все испытания прошли, откуда силы брали, мы и сами не знаем...

Бывало, когда совсем туго становилось, и Бога вспоминали, и высшие силы на помощь звали, и молитвы шептали. И ведь помогало. Много таких историй произошло, только не все рассказывают. А ещё друг на друга смотрели и сравнивали, кому тяжело, а кому ещё тяжелее приходится. Хорошие моменты тоже были. Они надежду вселяли, души отогревали, сердца добротой наполняли и веру давали, что всё наладится, что победим зло великое, не дадим ему землю нашу испоганить и души наши тоже не отдадим.

Кушеват – посёлок маленький, всё у всех на виду, все друг друга с детства знают. И как люди в эти трудные времена открывались, только диву даёшься. Доброта и участие многим примером были и поддержкой, стыдно было тогда свои слабости проявлять, грех было жаловаться – всем доставалось лиха военного. Даже детям. И нашим, и тем, ленинградским, которых у нас от войны спасали². А они нас избавляли от отчаянья, от безнадёжности, даже, может, и от злобы. Доброте учили и человечности. Они смогли, и мы сможем – так многие думали.

Марта Яковлевна, директор детдома, тоже так считала, когда утешала кого-нибудь из поселковых или советы свои мудрые давала. Она ведь детям этим матерью не была. Она для них ангелом-хранителем стала. Сама худющая, иной раз от боли в ранах её корёжит, но не жаловалась никогда. Достались ей такие заботы, которые не каждой матери по плечу. Всё выдюжила. Ещё и нас поддерживала, примером стойкости для многих была. За первое лето худо-бедно ребятишек подняла, к зиме уж на людей походить стали – по капельке, по ложечке, по крошечке к жизни вернула. Сама в посёлке своей стала. Уважение заработала добротой своей и отзывчивостью.

Нашлась помощница!

После того, как в детдоме всем посёлком Новый год встретили, озаботилась Марта Яковлевна, где одежду для ребят взять. Так-то их мало-мало снабжали: валенки привезли осенью, пальтишки тёплые и кое-что из одежды нужное – север всё-таки, тепло одеваться надо. А ребятишки растут. Конечно, и перешивали, и заплатки ставили – чего только не ухитрялись делать. А всё равно не хватало.

Как-то в начале лета (уже тепло) выхлопотала Марта Яковлевна ткани. Вот радости-то было! Собрались наряды шить, а не на чем. Прикинули, что если вручную, то до осени не управятся. Машинку бы швейную, да где её взять? Тут как раз Поля Шахова заглянула. Она, когда поселковая пекарня не справлялась, пекла для детдомовцев хлеб. Они с поварихой Ильиничной так договорились. Вот та ей и шепнула новость. Поля тоже захотела на ткани посмотреть. Поцупала, сказала, что материя хорошая – добротная одежда получится. Она сама шить мастерица была, и машинка у неё имелась, ещё с приданным своим привезла.

Женщины пожаловались Поле, что на руках-то долго шить придётся, так она

¹ Материал основан на реальных событиях. Подготовлен в рамках краеведческого проекта «Наше Семигорье» и вошёл в цикл «Были и сказы нашего Семигорья». Место действия – деревня Кушеват Шурышкарского района, упразднённая в 2006 году.

² История ленинградского детдома в Кушевате изложена в № 4, 2023 г. и № 3, 2024 г.

тут же выход нашла. Предложила, чтобы ей готовый крой приносили, она сострочит. У неё как раз в тот момент большой заказ на ватники был. Поля хорошо стёжить умела, вот и шила тёплые вещи для фронта. Ей заказы давали, выполнять их в срок нужно было. Сказала, что найдёт время – ночи-то сейчас светлые, керосин жечь не надо. Ещё посоветовала, чтобы штанины подлиннее кроили – так побольше запаса на подгибку останется, а потом мальчишки подрастут, можно распустить запас-то.

Бригадир в сарафане

На другой день с утра пораньше ещё одна помощница появилась. Новости у нас ведь как на крыльях распространялись, и радио

не надо было. Это бабушка Акси́нья Ивановна пожаловала. Она в Заречке жила, зырянка. В молодые годы они с мужем каслали, а под старость, до войны ещё, в Кушевате осели. Сама щупленькая, росточка небольшого, а ещё тот командир – с места указания выдавать начала.

Первым делом деду Пахомову велела машинку швейную приволочь, ей уж не под силу было самой такие тяжести таскать. Потом ткани перещупала-перемяла. Одобрив, сказав, что хорошая материя, долго носиться будет. Начала работу распределять – кому что делать: кому кроить, кому строчить, кому мерки снимать. Ну, прямо бригадир в сарафане.

И ведь всё одномоментно у неё получилось. Женщины и опомниться не успели, как у каждой уже фронт работы определился. А бабка тараторит – не переслушать. Еле остановили, даже Марта Яковлевна вмешалась, культурно объяснила, что в первую очередь надо, а что и подождать может.

А у Акси́ньи уже новая идея. Заявила:

– Какие хотите штаны шить, такие и шейте, а я платьями для девочек займусь, и в жизни эту работу никому не доверю!

Дед Пахомов как раз машинку принёс. Услышал эти речи, хмыкнул только и спросил, не зырянские ли сарафаны Акси́нья девчонкам шить собралась. Мол, у них учительницы все городские, сами рукодельницы, поболее мод-то видели в своём городе, поди лучше знают, как платья эти шить. Чуть не обидел Акси́нью Ивановну таким недоверием. А она на своём стоит. Начала Марте Яковлевне объяснять, что ткань хорошая, но ведь вся одного цвета. И будут девчоночки все одна на другую похожие ходить. А они ведь разные, тут надо особенности каждой учитывать.

Сто слов в минуту у старушки, и никто понять не может, что она хочет. Тогда она девочку одну вывела.

– Посмотрите, – говорит, – вот у Тани плечики узкие, шейка длинная, значит, ей надо воротничок стойкой делать и рукава фонариком поднять – тогда красиво получится. А вот у Маши шейка короткая и

ИЛЛУСТРАЦИЯ ОЛЬГА ЛАМЛО

лицо круглой формы, здесь надо воротничок углом кроить. Вот этой девочке надо воротничок круглый, да ещё присборить немного, этой – сборку по талии гуще пустить, для той – прямой фасон использовать, но под поясок.

И вовсе это не ерунда, сказала, а очень даже важно.

– Платья должны радость приносить. Не трудно ведь эту радость сделать. Тем более расхода ткани лишнего не будет, а времени свободного у меня много. Справляюсь.

Учительницы восхитились и уважением к Аксинье Ивановне прониклись, называли её модисткой и объяснили, что слово это обозначает. А та довольная была, что оценили.

Капелька тепла и швейная машинка

Все потом диву давались – откуда у бабульки такие способности, где таких знаний-то набралась, ведь всю жизнь по тундре с оленями кочевала, а вот поди ж ты – модистка, фасоны откуда-то знает! Марта Яковлевна только руками развела – не поспоришь с доказательствами, поддержала и одобрила такой подход. Только дед Пахомов опять ввернул что-то про моду и зырянские сарафаны, но его и слушать не стали. Он, видимо, из-за ревности Аксинью-то донимал. А то! Раньше он всей ребятне дедушкой был, а тут вдруг неожиданно бабушка появилась. Да ещё с пылом, с жаром за работу принялась.

Учительницы, конечно, рядом, помогают и мерки снять, и с кроем, и на машинке строчат. Где надо вручную шить, старшие девочки на подхвате. Младшие тут же вертятся – к бабушке ластятся, наряд её зырянский рассматривают да обрезки ткани аккуратно складывают на будущие заплатки.

А Аксинье Ивановне ещё одна идея покоя не дает. Решила Марте Яковлевне юбку сшить. Но та как отрезала: никаких юбок, только детям одежда. Уж как наша модистка ни убеждала, ни спорила, ни доказывала, даже сердилась – всё бесполезно было. Никаких юбок – и точка. Вот и оставалось

Аксинье Ивановне только горестно вздыхать, глядя на старую юбку Марты Яковлевны. Уж так хотелось ей всех нарядить, весь мир вокруг красивее сделать, но не вышло в этот раз.

Машинка с утра до позднего вечера стрекотала. К осени с работой управились, приодели ребятешек. Все такие благодарные были и бабушке Аксинье Ивановне, и Поле Шаховой. Не только за помощь благодарили, но и за доброту, за отзывчивость, за то, что в трудную минуту плечо подставили и детям радость сделали. Великое дело – людям радость приносить, на этом жизнь и держится! И не трудно это совсем. Всего-то и надо было платье придумать да в каждый стежок частичку души вложить, каждую девчонку по-своему нарядить, похвалить, приобнять да по головке погладить. Всего лишь капелька тепла, заботы да швейная машинка. 🧵

ИЛЛУСТРАЦИЯ: ОЛЬГА ЛАМЛО

КАК СЕВЕРЯНЕ С ГИТЛЕРОВЦАМИ БИЛИСЬ

Андрей БАЛАНДИН

г. Салехард

Меньше года осталось до знаменательной даты – 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. К началу 2024-го в нашей стране оставалось в живых около 12,5 тысяч участников тех далеких событий. Так что и об обороне Москвы, и о штурме Берлина мы, уже почти как правило, узнаем не из общения с ветеранами, а из документальных фильмов, исторических очерков, книг. Одним из самых верных способов услышать голоса военной эпохи остается чтение документов 1941–1945 годов. Взять, к примеру, наградные листы – в них и дух времени, и культура речи, и порой весьма эмоциональное описание подвигов. Многие из них достойны не только подробного рассказа, но и экранизации.

Как известно, значительная часть призванных с территории Ямало-Ненецкого национального округа сражалась на ленинградском направлении. Многие из них ныне покоятся в братских и безымянных могилах на подступах к Северной столице и Пискаревском кладбище. Но были и те, кто воевал на других фронтах, прошагав полями сражений до самого гитлеровского логова. И то, что в реальности повидали эти люди,

не снилось самым хвастливым представителям Голливуда.

Универсальные музыканты

Взять, к примеру, во многом схожие истории двух салехардских музыкантов: легендарного капельмейстера Бориса Манна¹, основателя первого духового оркестра на полярном круге, и старшины музыкального

Первый подвиг салехардец Павел Суворов совершил ещё в начале войны. В жарком бою, заняв место выбывшего пулемётчика, он положил более восьмидесяти гитлеровцев

ФОТО: WARALBUM.RU

¹ Подробнее о судьбе Бориса Манна читайте в журнале «Северяне» № 1, 2024 г. и в журнале «Ямальский меридиан» № 10, 2024 г.

взвода Павла Суворова, призванного в ряды РККА ещё в 1939 году. Они долгое время ходили по одним и тем же улочкам окружной столицы и, будучи ровесниками, вполне могли быть дружны или хотя бы знакомы. В пользу этого предположения говорит и то, что в период с 1934 по 1939 год Манн подготовил для Красной армии одиннадцать квалифицированных музыкантов, один из которых, Михаил Светлов, стал капельмейстером полкового оркестра². Всего же за этот промежуток времени через его коллектив прошло более 100 воспитанников, совсем немало для провинциального городка!

Как бы там ни было, но старшина музвзвода Суворов при необходимости охотно исполнял для наступающего противника образцово-показательные пулемётные концерты. Первый раз это случилось ещё в июле 1941 года, когда «панцеры» 3-й танковой группы вермахта прорвались к берегам Дриссы. Командир взвода, где служил Павел Андреевич, получил ранение, среди бойцов началось «замешательство», и тогда наш земляк лёг за станковый пулемёт... Позже однополчане насчитали на подступах к его «Максиму» 84 вражеских трупа. Неплохо в довоенном Салехарде готовили пулемётчиков и снайперов!

Сам герой в том бою был дважды ранен и эвакуирован в ближний тыл. Однако спокойного лечения не получилось: налетели вражеские «юнкеры», и наш земляк получил контузию. Вскоре он и его товарищи по

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Борис Манн героически сражался с врагами. В июне 1945 года он участвовал в историческом параде Победы в Москве

медсанбату попали в окружение. Сколотив из ходячих бойцов небольшую группу, Суворов дважды выводил её из вражеского кольца...

Затем новое окружение, партизанский отряд, диверсии на коммуникациях противника, а после зимнего отступления немцев – возвращение в регулярную армию.

Спустя несколько месяцев после выхода этой заметки Борис Григорьевич сам отправился на фронт

Бойцам Действующей Армии

Мы, члены союза работников политпросветучреждений города Салехарда плем Вам, доблестным бойцам героической Красной Армии и Военно-Морского Флота, наш пламенный привет и выражаем уверенность, что вы честно выполните задание нашего правительства и навсегда уничтожите фашистскую гадину, осмелившуюся напасть на нашу Советскую Родину.

В дни героических боев мы душой и сердцем с вами, дорогие товарищи. Армия и народ, тыл и

фронт у нас едины, как никогда. Наша Армия непобедима.

В знак горячей любви к вам, дорогие товарищи, мы отправляем вам посылки: гармонии, папиросы, одеколон, платки, носки, воротнички и пр. По первому зову нашей партии и правительства мы с оружием в руках будем вместе с вами защищать великие завоевания Октябрьской революции.

По поручению членов союза работников политпросветучреждений

Б. Манн.

² Газета «Омская правда» № 75, 1939 г., газета «Красный Север» № 45, 1939 г.

Как следует из документов, Павел Андреевич представлялся к ордену Ленина и медали «За отвагу», но из-за ранений и частой смены частей так и не смог их получить. Награда за былые подвиги – орден Красной Звезды – нашла старшину музвзвода лишь в 1944-м, когда он, пройдя дорогами войны тысячи километров, служил в рядах элитной 1-й стрелковой Брестской Краснознамённой дивизии. Второй орден он заслужил в конце войны, когда по собственной инициативе устроил засаду на прорывавшихся из окружения гитлеровцев. С тремя бойцами и ручным пулемётом старшина уничтожил до 70 фашистов. Чуть позже подошли советские танки и довершили разгром вражеской колонны. Около 50 немцев сдались крошечной группе Суворова...

Подвиг капельмейстера

Бесстрашно сражался с врагами и бывший беспризорник, воспитанник военного капельмейстера Борис Манн. Подобно Павлу Суворову, ему время от времени тоже приходи-

лось выполнять несвойственные музыканту задачи. К примеру, тащить по труднодоступной гористой местности имущество медицинского батальона, а потом вместе с сослуживцами развёртывать дивизионный медпункт, заниматься эвакуацией раненых. За два дня, карабкаясь по скалам, фронтовые музыканты вынесли с позиций 67 истекающих кровью бойцов.

Или вот ещё эпизод, рассказанный журналистам уже после войны самим Манном³. Представьте картину: Карельский фронт, ночь, в заснеженном лесу наши бойцы готовятся к штурму финских позиций. Ситуация напряжённая: где-то в ближнем тылу врага без вести пропала наша разведгруппа. Сведений об огневых точках противника нет. Атаковать придётся вслепую.

И вдруг в кромешной мгле грянули звуки полкового оркестра. Борис Манн вывел свой взвод на передовую, дразня и провоцируя финнов на огонь.

По словам отважного дирижёра, в ту ночь его бойцы успели исполнить и «Варяга», и «Ка-

Дело Манна продолжило жить и после его отъезда из Салехарда. На фото – проводы новобранцев в армию, 1951 год

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МКВ ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

³ Газета «Черноморский гудок» от 23 февраля 1968 г.

тьюшу», а противник неосмотрительно отстрелялся на звук не только из винтовок и автоматов, но и из орудий. А через полчаса по выявленным огневым точкам отработала наша дивизионная артиллерия. Итог: вражеский бронеколпак разбит, подавлено два миномёта, наша пехота устремляется в пробитую брешь...

В наступлении оркестру приходилось ещё не раз примерять на себя чужие обязанности, и даже «в порядке самодеятельности» присоединяться к атакующей роте. Сам же Манн однажды упросил начальника разведки включить его в группу поиска. Успешно! Бойцы притащили из-за колючки тощего капрала.

Закончил войну наш герой уже в Норвегии. Там, на пепелище сожжённого фашистами посёлка, он дал свой первый зарубежный концерт, а слушали его местные рыбаки.

Северянин – гроза люфтваффе

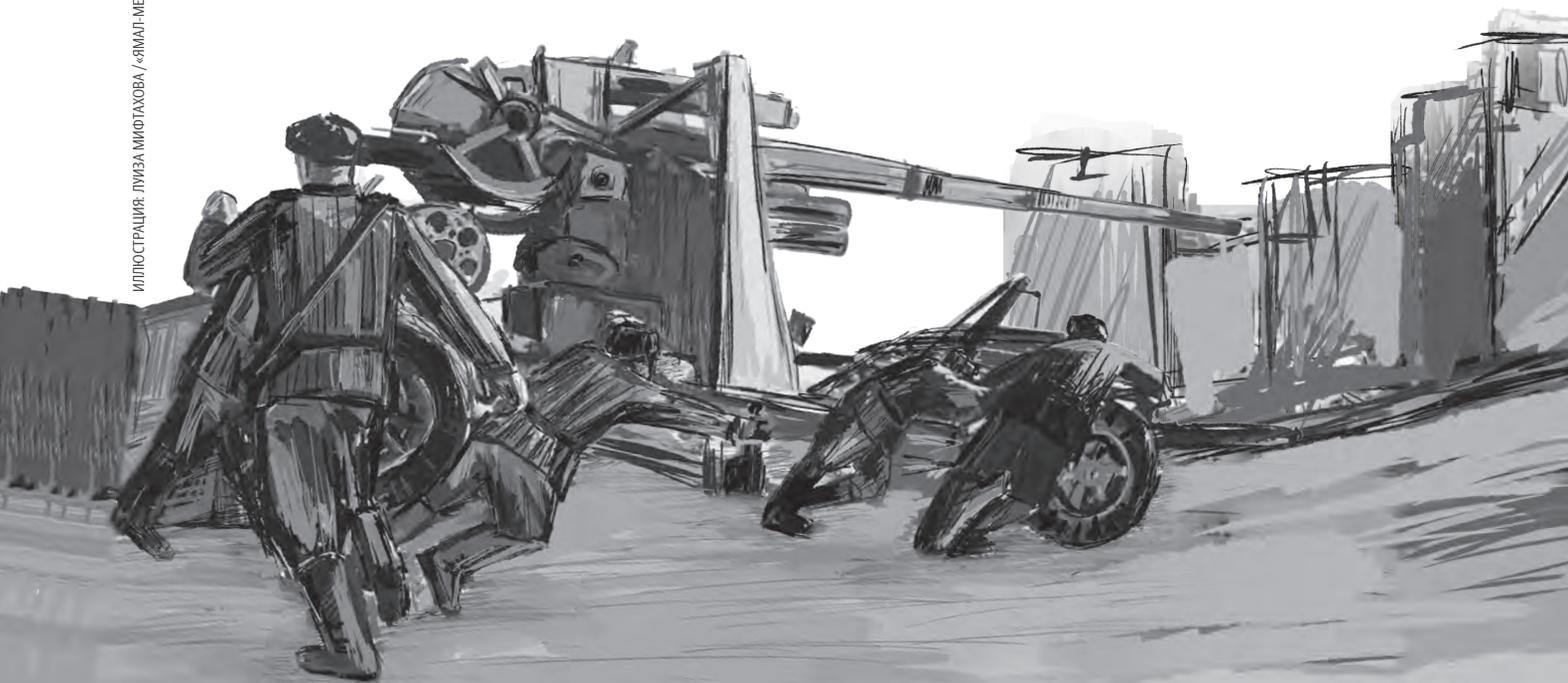
Меткий огонь ямальцев косил не только пехоту противника, прошёлся он и по военно-воздушному флоту третьего рейха.

Летом 1942-го Салехардский РВК призвал в ряды РККА Александра Черкашина. После соответствующей подготовки, получив звание младшего сержанта, наш земляк отправился на Ленинградский фронт, где влился в ряды бойцов 465-го зенитно-

артиллерийского полка. Свой первый подвиг он совершил 4 апреля 1943 года, когда на позиции его части противник обрушил залпы артиллерии и группу бомбардировщиков. Сухие строки наградного листа гласят, что наводчик Черкашин «не дрогнул и открыл губительный огонь по стервятникам». В результате один Ю-88 был сбит, второй получил повреждения и, дымя, ушёл за линию фронта.

Уже на следующий день зенитчики стали свидетелями воздушного боя: вражеский Вф.109 вынырнул из-за облаков и атаковал одиночный Як-1. Этот тактический приём был популярен в люфтваффе и нередко заканчивался победой вражеского аса. От верной гибели советский «ястребок» спасла точная наводка черкашинской зенитки – «мессер» задымил, вошёл в пике и с грохотом воткнулся в землю.

23 сентября Александр Романович вновь отличился. В тот день над нашими позициями появились два FW-190. По поведению вражеских истребителей было понятно, что они нацелились на разведку наших позиций. Сбить их не удалось, но зенитные снаряды, выпущенные расчётом ямальца, разорвались так близко, что «фоккеры» предпочли не испытывать судьбу и ретировались. 13 мая 1944 года наш земляк ещё раз подтвердил репутацию отличного зенитчика, когда заменил раненого командира орудия и, невзирая на артобстрел, отразил три налёта пикирующих бомбардировщиков. Вражеские

Ю-87 пытались закрутить над советскими позициями смертельную карусель, но, потеряв от огня зенитки Черкашина два самолёта, скрылись. Такое количество сбитых самолётов на один зенитный расчёт – не частое явление в советских ПВО.

Были среди ямальцев и другие асы противовоздушной обороны. К примеру, в наградном листе командира зенитного орудия Петра Гречко значится аж восемь самолётов противника, причём пять из них были сбиты в коротком промежутке с 3 по 15 августа 1943 года.

Северянин – гроза панцерваффе

Да, немецкой бронетехнике от ямальцев тоже досталось! Причём не только от артиллеристов и танкистов.

Военный переводчик, гвардеец Алексей Звягин из Надымского района, воевал с 1943 года. В апреле победного 1945-го, когда история отсчитывала последние недели гитлеровского режима, наш земляк принял последний бой. Случилось это на железнодорожной станции в Австрии, где против идущих на прорыв немцев пришлось бросить в бой штабные подразделения стрелкового

полка. Гвардии мл. лейтенант административной службы Звягин возглавил горстку писарей, которым предстояло отразить натиск танков и бронетранспортёров. Чтобы остановить вражеские «панцеры», у них, практически как в 1941-м, были только гранаты...

Скупые строки наградного листа гласят, что десять бойцов встретили идущую впереди пехоту метким огнём и заставили залечь. Тогда гитлеровцы пустили вперёд танк и БТР. Звягин подполз к танку с гранатой и удачным броском подорвал его. При этом сам он был ранен, но продолжил руководить боем и даже поднял десять своих бойцов в атаку. Пулемётная очередь вражеского бронетранспортёра оборвала жизнь героя. За этот подвиг Алексей Звягин награждён орденом Отечественной войны первой степени, посмертно.

Общий вклад в Победу вложили ямальские противотанкисты – элита артиллерии. Строгие чёрные шевроны бойцов ИПТАП⁴ с перекрещёнными стволами орудий смотрелись весьма эффектно, а их обладатели вызывали у фронтовиков глубочайшее уважение.

Старший лейтенант Яков Кислицин из Шурьшкарского района служил именно в такой части, командовал батареей «сорокопяток». Весной 1944-го, когда он совершил свой под-

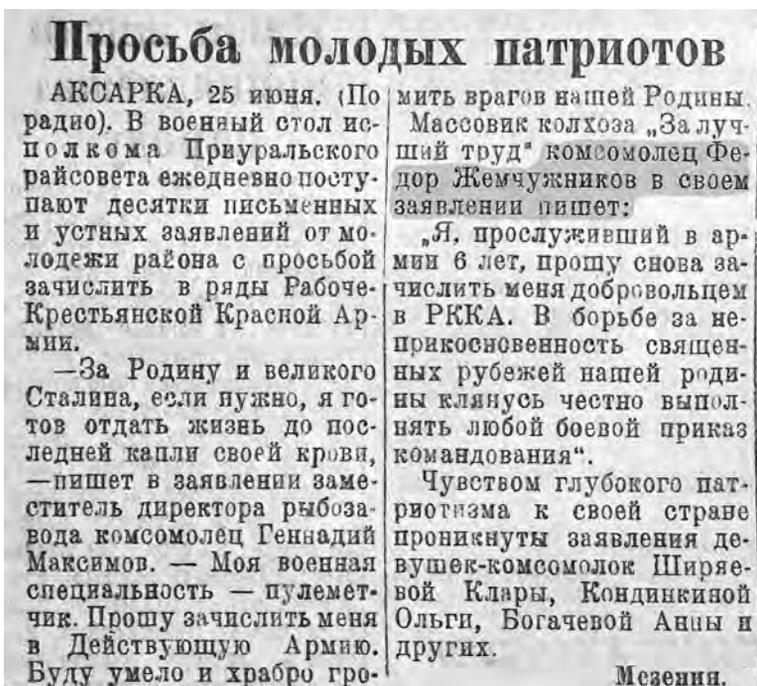
⁴ ИПТАП – аббревиатура, обозначающая в годы Великой Отечественной войны истребительный противотанковый артиллерийский полк.

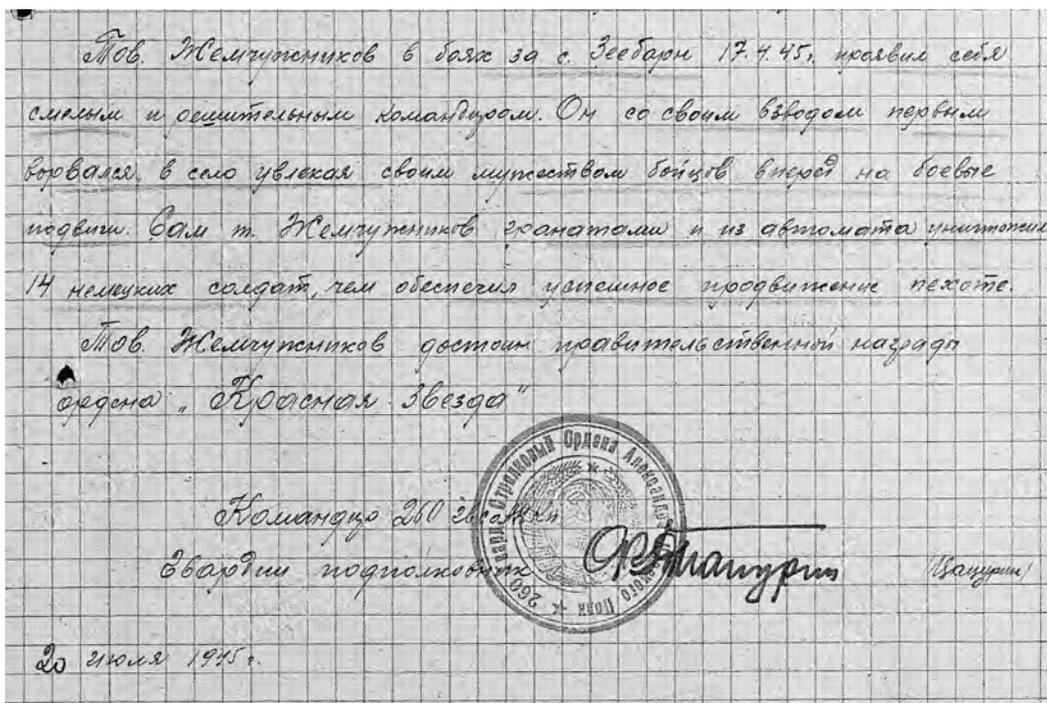
виг, 45-миллиметровые пушки годились разве что для борьбы с легкобронированными целями и огневыми точками. А тут вдруг тревога поутру – немецкие танки прорвались, заходят нашему полку во фланг и тыл. Под началом у Кислицина было всего три пушки и 25 человек личного состава. Если подпустить танки поближе и бить из засады почти в упор, можно и толстокожую «Пантеру» остановить. На фронте знали о таких случаях.

Итак, в шесть утра 9 марта 1944 года на Северо-Восточной окраине Тернополя противотанкисты заняли оборону. Через час послышался лёгкий шум моторов. Наши наизготовку. На дороге показался вражеский транспортёр с 88-миллиметровой зенитной пушкой. Немцы эффективно применяли эти дальнобойные орудия не только в ПВО, но и для борьбы с танками.

В июне 1941 года салехардский комсомолец Фёдор Жемчужников поклялся доблестно защищать Родину и записался добровольцем на фронт. О том, что слово своё он сдержал, гласит наградной лист: в одном из апрельских боёв победного 1945-года взводный Жемчужников истребил четырнадцать гитлеровцев

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ «НАРЫНЯ НИЖНЯ» № 79 ОТ 26.06.1941

Кислицин распорядился захватить ценный трофей. Когда вражеский расчёт поравнялся с засадой, на него со всех сторон устремились наши бойцы. Стреляя из автоматов и пистолетов, они перебили часть прислуги и захватили оружие вместе с боекомплектom. Вскоре оно стояло на перекрёстке

улиц, а вдалеке уже слышался гул и лязг приближающихся танков. С северной окраины города на наши позиции надвигалось шесть «тигров» и до роты автоматчиков.

Прячась за домами, панцергренадёры подошли почти вплотную и были встречены дружным огнём иптаповцев. Яков Кислицин

встал за трофейную зенитку и с первых же выстрелов уничтожил вражеский танк. Из люков «Тигра» ударили тугие гулкие струи пламени, и через мгновение он с грохотом отбросил башню – детонация!

Как следует из наградного листа, тот бой длился весь день. Батарея Кислицина отбила четыре контратаки и помимо танка уничтожила противотанковое орудие, несколько пулемётов и более 80 гитлеровцев. За этот бой наш земляк был награждён орденом «Красного Знамени».

У каждого своя долина смерти

Чтобы стать героем, вовсе не обязательно отлично стрелять из пулемёта или крутить на истребителе фигуры высшего пилотажа. Многие ямальцы были награждены правительственными наградами за вынос раненых с поля боя, обеспечение бесперебойной связи, ремонт оружия, исправное содержание лошадей и даже за охрану архива особой важности.

Подполковник медицинской службы Моисей Штейн ушёл на фронт по призыву Салехардского ГВК с партбилетом в кармане и опытом участника Гражданской войны. Служил он в РККА и в относительно мирные 1925–1938 годы. Свою награду Моисей Иосифович получил лишь пройдя «Долиной смерти» под Мясным Бором, где в окружении героически сражалась и погибла Вторая ударная армия. Вот что об этом написал его командир: *«Тов. Штейн первым добился полной санитарной обработки всех раненых и больных в ГОПЭПе (головное отделение полевого эвакуационного пункта, – прим. автора), чем предупредил распространение вшивости и сыпного тифа среди раненых и больных в госпиталях. В период тяжёлых боёв под Мясным Бором личным примером и самоотверженной работой умело обеспечил эвакуацию раненых из медсанбатов в госпитали, чем спас жизнь многим сотням раненых и больных».*

Нет ничего удивительного в том, что, рассмотрев представление Штейна к медали «За боевые заслуги», в штабе решили: он достоин более высокой награды – ордена Красной Звезды.

Среди награждённых ямальцев немало тех, кто вынес с поля боя десятки раненых, как, например, санинструктор Вера Ермакова. Наградной лист гласит, что она *«в боях с противником под гор. Киевом, несмотря на сильный пулеметный и минометный огонь противника, оказывала помощь раненым бойцам, вынесла в укрытия 30 военнослужащих с их оружием».* За этот подвиг Вера Дмитриевна была награждена медалью «За боевые заслуги».

Ещё больше человеческих жизней (более 50!) спас старшина медслужбы Григорий Комлик. Надо сказать, он оказался универсальным воином; одинаково хорошо исполнял обязанности санинструктора и бойца разведвзвода: *«При прорыве блокады Ленинграда, действуя в разведке, лично уничтожил четырёх немцев, первым бросился в траншею, захватил пленного и доставил его в штаб».* За смелость и отвагу Григорий Никитич был награждён орденом Красной Звезды.

С «иконостасом» на груди

Среди призванных Салехардским военкоматом есть обладатели редких наград. В их числе кадровый военный (в РККА с 1938 года) капитан Михаил Рыбьяков – кавалер ордена Александра Невского. В январе 1943 года при прорыве блокады Ленинграда ему пришлось вести батальон в атаку по открытой, насквозь простреливаемой местности. Документы гласят, что он *«умело организовал боевые порядки и, несмотря на превосходящие силы противника, выбил его с переднего края...»* В феврале 1943 года под Синявино батальон Михаила Фёдоровича оборонял высоту 43,3. Два дня противник штурмовал эту важную точку, бросал в бой бронетехнику. Итогом противостояния стало уничтожение нескольких «панцеров», захват исправного танка и группы пленных.

Гораздо большее число северян удостоилось орденов Славы. Некоторые из них успели получить этот почётный орден в двух степенях. Среди них – снайпер 234-го гвардейского стрелкового Черноморского полка Семён Березин, ушедший на фронт ещё в августе 1941 года. К концу войны его грудь украшал целый «иконостас» правительственных наград,

о нём писали фронтовые газеты. В январе 1945 года жена героя – Устинья Георгиевна Попова – принесла в редакцию «Красного Севера» его фотографии и несколько писем-треугольников. Стараниями журналиста история сохранила словесный портрет гвардейца: *«Мы видим волевое лицо крепкого, физически развитого мужчины с густыми, плохо причёсанными волосами. Это бывший звеньевой, бригадир Шугинского рыбозавода... Бывалый солдат Семён Березин – душа роты. Он умеет воевать и бить немцев. Этому искусству он учит своих боевых друзей»*⁵.

Что ж, судя по наградным листам, эти слова лишены преувеличений, ведь обе награды Семён Маркович сумел заслужить менее чем за месяц! 19 июля 1944 года в боях под Брестом он *«первым ворвался в село, сразил из автомата шесть гитлеровцев, ещё пять взял в плен»*. А уже 15 августа повторил свой подвиг на территории Варшавского воеводства: *«Первым ворвался в траншею противника и в завязавшемся бою убил восемь солдат противника»*. Дошли до наших дней и трогательные строки из его писем жене: *«Скоро вернусь с победой – жди меня, да не думай, что я старею. Напротив, чем больше я воюю, тем моложе, красивей и милей для тебя. Ты сейчас жена кавалера Славы двух орденов, сделай всё, чтоб о твоей работе говорили только хорошее, и мне будет приятно обнять тебя. А я приеду, как добьём немецкого зверя в его берлоге...»*

Оленевод-огнемётчик, автоматчик, связист

Представители коренных малочисленных народов Севера сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны и, вопреки расхожему мнению о тяге к снайперскому бою, одинаково хорошо владели всеми видами оружия! Взять, к примеру, совершенно удивительный наградной лист на старшего сержанта Александра Салиндера. В августе 1944-го, будучи бойцом 32 отдельного батальона ранцевых огнемётов, он одним из первых ворвался в траншею на окраине литовской деревни Ростковщизна и огнём своего

РОКС-3 испепелил две пулемётные точки и пять фашистов.

Состояли коренные северяне и в расчётах знаменитых «Катюш». Из наградного листа на гвардии рядового Ивана Яптика следует, что в марте 1945-го его реактивная установка трижды выезжала на стрельбу прямой наводкой и залповым огнём отразила контратаку противника. За этот подвиг Иван Алексеевич был представлен к медали «За боевые заслуги».

Служили ненцы и в подразделениях связи. Так, телефонист взвода оптической разведки Ефим Салиндер *«с 9 февраля по 2 марта 1944 года, обслуживая проволочную линию связи, ежедневно в очень короткий срок сращивал десятки порывов провода непосредственно под артиллерийским и миномётным огнём противника»*. Смертельно опасное занятие позволило товарищам Ефима Ивановича разведать местоположение двух десятков артиллерийских и миномётных батарей противника, включая длинную вереницу установок ракетного залпового огня Nebelwerfer. Огонь всех этих орудий мог ещё долго сдерживать наступление наших частей, но, благодаря усилиям ненца-телефониста и его товарищей, вражеские батареи были подавлены огнём нашей артиллерии.

Наш земляк Василий Ного попал на фронт лишь в конце марта 1945-го и за считанные недели успел получить орден Славы III степени и медаль «За отвагу». О первом подвиге Василия Тимофеевича сказано: *«В ночь на 15 апреля 1944-го, во время форсирования Дуная, тов. Ного в числе первых переправился на другой берег и в бою за город уничтожил двух мотоциклистов противника»*. А вот выдержка из второго наградного документа: *«В бою за северную часть Штольберга тов. Ного занял наблюдательный пункт на крыше двухэтажного дома, обстрелял проходящую пехоту противника... в результате уничтожено пять немецких солдат»*.

По данным архивного фонда Военного комиссариата ЯНАО в годы войны в РККА призвали 8 982 ямальца. С фронтов не вернулись 2 282 человека.

⁵ Газета «Красный Север» № 6, 1945 г.

ЗВЕЗДА ЯМАЛЬСКОГО ГЕРОЯ

Андрей БАЛАНДИН

г. Салехард

История Великой Отечественной войны знает немало случаев, когда, совершив подвиг, герой оставался без заслуженной награды или в ожидании ордена получал лишь медаль. Вдвойне неприятно было тем, кто представлялся к высокому званию Героя Советского Союза и успевал поделиться радостным событием со всей родней, но получал в итоге, к примеру, орден Красной Звезды.

В длинном перечне героев без звезд есть и наш земляк Сергей Усанин. Вот только в отличие от других ему за такой поворот судьбы не было ни досадно, ни обидно. Наградной лист на высшую степень отличия был подписан всеми его командирами, вплоть до легендарного командарма Якова Крейзера и члена Военного совета 51-й армии Александра Халезова. Подписан и... заменен в итоге на орден Красного Знамени. Сергей Дмитриевич об этом так и не узнал. Всего через два дня после совершенного им подвига он был убит...

По пояс в ледяной воде

Сухие строки наградного листа гласят, что в ночь на 2 ноября 1943 года миномётный взвод лейтенанта Усанина со всем

вооружением по пояс в ледяной солёной воде первым форсировал Сиваш. Кстати, в документе не отражены сложные погодные условия того перехода: шёл дождь, задувал сильный ветер и начинался прилив. Идти же пришлось по вязкому илистому дну.

Примерно на полпути один из бойцов провалился в яму и начал тонуть, но отважный лейтенант поспешил ему на помощь, взвалил на себя и нёс до самого берега. Покончив с переправой, навьюченные миномётами и ящиками с боеприпасами бойцы стремительным маршем вышли на указанный рубеж и заняли оборону. В тот день немецкая пехота при поддержке бронемашин предприняла на позиции усанинцев четыре контратаки, но успеха не имела. За стойкость на поле боя и личный героизм Сергей Дмитриевич Усанин,

НЯРЪЯНА НГЭРМ

„КРАСНЫЙ СЕВЕР“

Орган Ямало-Ненецкого окружного ВКП(б) и окружного Совета депутатов трудящихся

№ 224 (2205) | Среда, 3 ноября 1943 года | Г.р. Салехард, Омской области

Выходит по вторникам, средам, пятницам, субботам, воскресеньям

От Советского Информбюро Оперативная сводка за 1 ноября

В течение 1 ноября в районе между рекой ДНЕПР и побережьем СИВАША наши войска продолжали преследовать отступающего противника и заняли более 60 населенных пунктов, в том числе крупные населенные пункты НИКОЛАЕВКА, МАРЬИНСК, ЗАПАДНЫЕ КАИРЫ, ЛЮБИМОВКА, ЧЕРНЕНЬКА, ПРЕОБРАЖЕНКА, МАКАРОВКА, ПЕРВО-КОНСТАНТИНОВКА, СТРОГАЯОВКА, ПЕРЕКОП, ИВАНОВКА, НОВО НИКОЛАЕВКА, НОВАЯ ПОКРОВКА, ГРОМОВКА, БЛАГОВЕЩЕНКА, ЗАХАРОВКА, НОВАЯ, ДМИТРИЕВКА и железнодорожную станцию САЛЬКОВО. На ПЕРЕКОПСКОМ перешейке наши войска стремительным ударом опрокинули противостоящие части противника, преодолели Турецкий вал и прорвались к АРМЯНСКУ. Таким образом, пути отхода по суше для войск противника, расположенных в Крыму, отрезаны нашими войсками. Поспешно отступая под ударами наших войск, противник несет огромные потери в живой силе и технике. Только за 31 октября и 1 ноября нашими войсками захвачено в плен более 6.000 солдат и офицеров противника.

В излучине ДНЕПРА, юго-западнее ДНЕПРОПЕТРОВСКА, наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжали наступление и заняли несколько населенных пунктов.

На КРИВОРОЖСКОМ направлении наши войска продолжали отбивать контратаки крупных сил пехоты и танков противника.

На остальных участках фронта — усиленная разведка и артиллерийско-минометная перестрелка.

В течение 31 октября наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 85 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 17 самолетов противника.

ВЫРЕЗКА ИЗ ГАЗЕТЫ «НЯРЪЯНА НГЭРМ» № 224 ОТ 3 НОЯБРЯ 1943 ГОДА

призванный в 1942 году из Яр-Сале, был представлен к званию Героя Советского Союза...

В 1940 году к 20-летию штурма Перекопа в СССР выпустили серию почтовых марок. На одной из них красноармейцы по пояс в воде катят на фоне разрывов трёхдюймовое орудие. Тогда никто и подумать не мог, что всего через год здесь вновь развернутся ожесточённые бои. Только в этот раз части РККА будут не на Врангеля наступать, а обороняться от полчищ Манштейна, и враг ценой немалых потерь пробьётся вглубь полуострова... Но пройдёт два года — и в сложнейшей обстановке воины-освободители стремительным броском мастерски собьют немецкие части с удобных позиций. Этому поспособствовала и неразбериха во вражеских войсках. План эвакуации крымской группировки, начать которую планировалось 29 октября, Гитлер так и не утвердил. Всего за день до отвода войск, когда командование германской 17-й армии ввсю «паковало чемоданы» и «жгло мосты», он издал директиву об обороне полуострова. А уже вечером 31 октября наши танкисты преодолели Турецкий вал. Днем позже первые красноармейцы форсировали Сиваш...

ации крымской группировки, начать которую планировалось 29 октября, Гитлер так и не утвердил. Всего за день до отвода войск, когда командование германской 17-й армии ввсю «паковало чемоданы» и «жгло мосты», он издал директиву об обороне полуострова. А уже вечером 31 октября наши танкисты преодолели Турецкий вал. Днем позже первые красноармейцы форсировали Сиваш...

Сталинская телеграмма

О том, каково ходить с полной боевой выкладкой через осенний Сиваш, люди старшего поколения помнят по фильму «Служили два товарища». В 1943 году таких детальных кинокартин ещё не было, зато были живы участники ноябрьского штурма 1920 года, некоторые из них служили под началом Якова Крейзера. По воспоминаниям начальника политотдела 51-й армии Семёна Саркисьяна, готовясь к переходу Сиваша, учли большой опыт. Разыскали даже семидесятилетнего старика, который был проводником у М. В. Фрунзе. И хотя здоровье не позволяло ему повторить такой переход, он подробно рассказал и о глубинах Гнилого моря, и о том, где лучше переводить через него войска. В итоге наше командование избрало для переправы участок шириной три километра между мысами Кутаран и Джангара, относящийся к так называемому западному Сивашу — его наиболее глубокому участку¹.

Дальнейшие события показали, что командующий германской 17-й армией генерал-полковник Енеке меньше всего ожидал атаки советских войск через Сиваш. Гитлеровский вояка исходил из реалий современной войны, полагая, что без артиллерии и танков (их переправе мешали малые глубины залива) наши полки и дивизии не решатся на переход через столь широкую водную преграду. А они не только решились, но и отбивали контратаки вражеской бронетехники, имея в наличии лишь миномёты, противотанковые ружья и гранаты. Наша артиллерия на южном берегу залива — одна «сорокопятка» и два 57-миллиметровых про-

¹ С. М. Саркисьян «51-Армия», Воениздат, 1982 год, стр. 169.

ВАТЧИ-
ародов
любви-

ика
овного Со
начил тов.
на Федоро
ым и Пол
м в Колум-

вление
ассейна

охлади 750
ремеслен
школ ФЗО
олодые сле
штукатуры,
плотники
е в восста
шенных не
упантами
и, электро
ных домов.
ных много
е в начале
юцких шах
ургов Укра-

ет с собой
оборудова-

(ТАСС)

и снова
и вузов

гим возоб
у многочи
и технику
ка, восста
разгрома
оккупанта-

вооветери
ально ратив
и 5 техни
ую восста
ступили к
энергети
чно хими
еты инду
ститута, на
пострадав-

и техни
ска при
оо студен-

(ТАСС).

омденных
Ибасса

из фашист
рующихся
донбасских
ним интере
екции об
войне Со
против не
тов. Лек
у прочтены
еевке, Бу
ловке. На
новке при
ю человек.
дают лек
тросов.
(ТАСС).

тивотанковых орудия появились лишь вечером 3 ноября. Их туда перетащили буквально на руках.

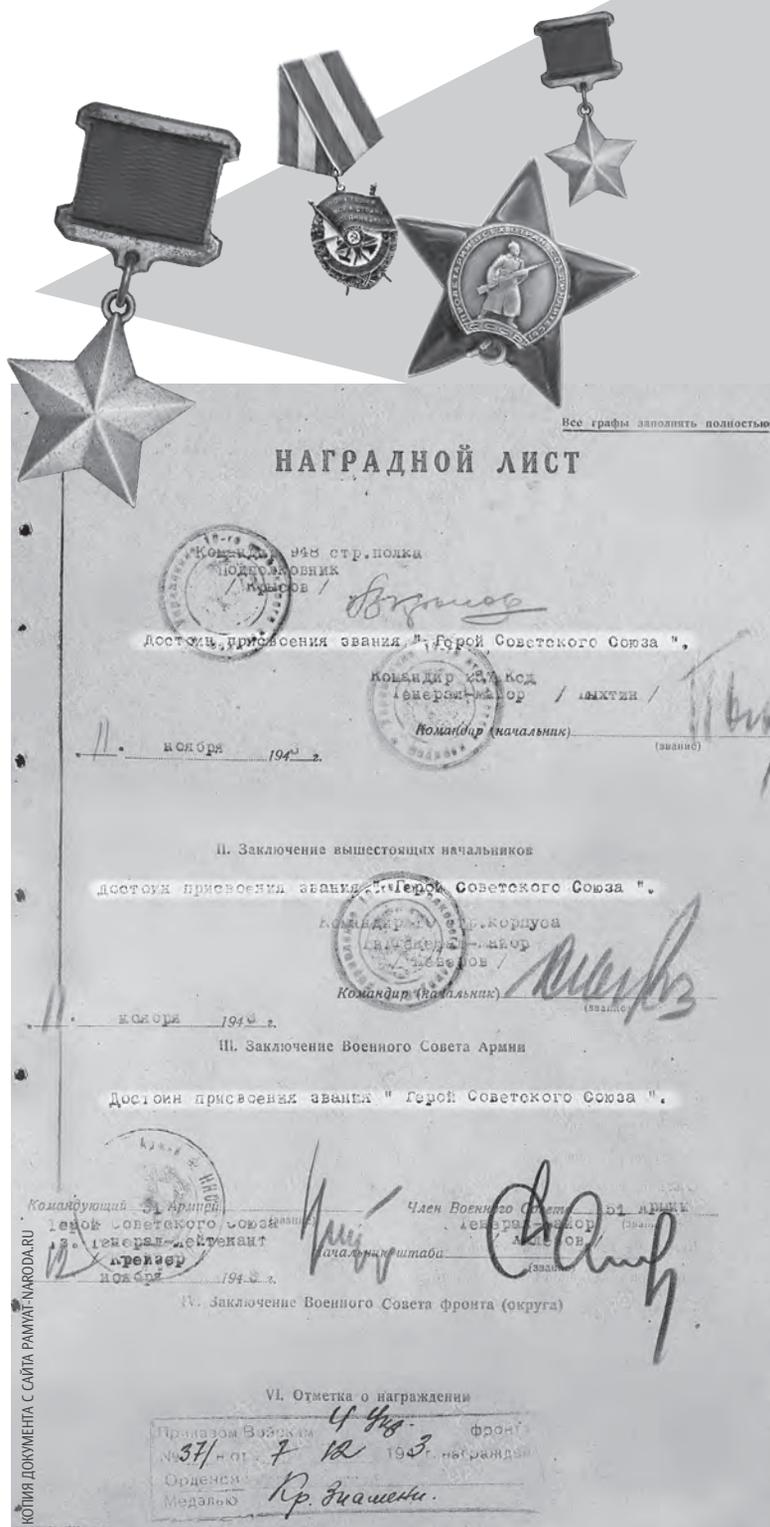
В ставке ВГК по достоинству оценили этот успех. Об этом свидетельствует телефонограмма штаба 4 Украинского фронта от 2 ноября 1943 года: «Командующему 51-й армии Крейзеру. Командирам: 19-го танкового корпуса Васильеву, 4-го гвардейского кавалерийского корпуса Кириченко. Товарищ Сталин приказал: всех отличившихся командиров частей и соединений, бойцов, сержантов и офицеров, не считаясь с нормами, отличившихся при форсировании Сиваша, преодолевших Турецкий вал и овладевших Ишуньскими позициями, немедленно представить к званию Героя Советского Союза». Документ подписан начштаба фронта генерал-лейтенантом Сергеем Семёновичем Бирюзовым² и доведён до бойцов и офицеров отличившихся частей³.

Достойны награждения...

А дальше произошло то, что по сию пору вызывает вопросы у ряда исследователей. Представленные к высокому званию солдаты и офицеры получили награды рангом ниже.

Несколько лет назад на одном из сетевых ресурсов разбирали аналогичную ситуацию. Всё в ту же ненастную ноябрьскую ночь командир стрелкового отделения сержант Здоровец форсировал Сиваш, неся на себе ящик патронов. При этом он успевал помогать грузёным под завязку товарищам. А 4 ноября он возглавил контратаку, отбросив подоспевшие части противника на исходный рубеж. Напомню, в тот же день погиб Сергей Усанин⁴.

Так что же случилось, почему даже после сталинской телеграммы представления, подписанные командирами полков, дивизий, корпусов, а потом и командующим армией были скорректированы на уровне Военного Совета фронта⁵?

Примерно так выглядит оборотная сторона наградных листов бойцов и командиров, представленных к высокому званию за форсирование Сиваша. Под заключением Военного Совета фронта стоит штамп с указанием врученного ордена

² Архив МО СССР, ф. 4УФ, оп. 3000, д. 359, л. 8.

³ С. М. Саркисян «51-Армия», Воениздат, 1982 год, стр. 170–171.

⁴ Как следует из открытых источников, наш земляк похоронен на гражданском кладбище села Каранки Красно-Перекопского района. В 1948 году село переименовали во Власовку. К 1986 году этот населенный пункт полностью обезлюдел.

⁵ 4-м Украинским фронтом командовал генерал армии Фёдор Иванович Толбухин.

Можно сколько угодно рассуждать о критериях присвоения высокого звания, но за Сиваш его не дали даже Поликарпу Ефимовичу Кузнецову, начальнику разведотдела штаба 1-го стрелкового корпуса. А ведь его заслуги в успехе операции неоспоримы и на стадии её подготовки, и в процессе реализации. Днем(!) 1 ноября, ещё до начала движения первых штурмовых отрядов, отважный подполковник с группой добровольцев-автоматчиков форсировал Сиваш. Его задачей была ближняя разведка места высадки. Примечательная деталь: группа Кузнецова переправилась за 1 час 45 минут. Но они несли только провизию, автоматы и боекомплект. Выходит, что ямалец Усанин, Здоровец и их товарищи провели в ледяной воде никак не меньше двух часов. Им-то пришлось нести гораздо больший груз!

Однако вернёмся к подвигу разведчиков. Убедившись в безопасности выбранного района, Кузнецов подал дымовой сигнал о начале переправы передовых отрядов, а сам двинулся с бойцами вглубь полуострова. Как следует из наградного листа, разведчики навели панику в передовых частях противника в районе с. Бююк-Киат, взяли 18 пленных, перехватили автомобиль с двумя офицерами, которые сообщили ценную информацию о группировке противника. В некоторых источниках упоминается, что речь шла о выдвигении к Сивашу немецкой дивизии, усиленной танками и артиллерией. Кроме того, наши бойцы «затрофеили» большой обоз. Однако и в этом случае «Золотая Звезда» была заменена на орден Красного Знамени.

Вода разъедала тела до язв

Не получил геройское звание и рядовой Старостенко, совершивший десять рейсов через залив! Обнаружив переправу, гитлеровцы обрушили на неё огонь артиллерии, а он, по пояс в ледяной воде, таскал с

сослуживцами гружёные боеприпасами и артиллерийскими орудиями паромы. При этом на один такой «бурлацкий» рейс порой уходило по полдня. Ледяная соленая вода разъедала тела бойцов до язв. К примеру, в наградном листе на старшего сержанта Жижова об этом сказано так: *«В течение суток тов. Жижов четыре раза переходил через Сиваш, перетаскивая имущество и боеприпасы. Ноги у тов. Жижова распухли, врач предложил отправить его в медсанбат, но тов. Жижов отказался, и остался работать не берегу».*

Ордена для героев

Примеры «понижения» наград за Сиваш можно продолжать и далее. В одной только 346 Дебальцевской стрелковой дивизии таких 61 человек⁶, в 257 Краснознаменной стрелковой – 33⁷, а в 263 стрелковой – 13⁸. То есть явление это было массовым, и все рассуждения о том, что кто-то не стал Героем Советского Союза из-за принадлежности к казачеству, нахождения под следствием или интриг сослуживцев – несостоятельны.

Командование чётко выполнило приказ Сталина, представив всех отличившихся рядовых, сержантов и офицеров к высшей степени отличия. Но это ведь не отменяет право Военного Совета фронта внести в представление коррективы и установить иную награду. Кстати, в данном случае это были не только ордена Красного Знамени, но и «полководческие» ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского.

В сущности, согласование документа на уровне разных инстанций и штабов для того и установлено, чтобы принимать взвешенные решения. Гарантирует ли этот порядок кристальную справедливость – вопрос дискуссионный. Одно неоспоримо: в ноябре 1943 года наш земляк Сергей Дмитриевич Усанин в числе многих тысяч героев шагнул в бессмертие. 🌐

⁶ Приказ войскам Украинского фронта № 36/н, 07.12, 1943 г., ЦАМО.

⁷ Приказ войскам Украинского фронта № 37/н, 07.12, 1943 г., ЦАМО.

⁸ Приказ войскам Украинского фронта № 38/н, 08.12, 1943 г., ЦАМО.

НАУКА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО
АЛЕКСАНДРОМ ЛЯЩЕВЫМ

ЧЁРНАЯ ЛЬВИНКА – УБОРЩИЦА И КОРМИЛИЦА

Так вот ты какая, муха-волшебница!

Иван БЫЧКОВ

г. Тюмень

Воспроизводство культур насекомых с заданными свойствами будоражит умы учёных. То, что ещё недавно казалось научной фантастикой, сегодня сулит впечатляющие результаты. Хотите вырастить пшеницу на песках Крайнего Севера? А может быть, желаете получить новое лекарство от рака или избавить природу от отходов пищевой и аграрной промышленности? Тогда вам стоит заняться технической энтомологией. Это перспективное научное направление сформировалось недавно, хотя человек использует насекомых тысячи лет – вспомните мёд и шёлк. А с прошлого века насекомые активно применяются в косметологии и фармацевтике, производстве кормов и биоудобрений.

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСАНДРА ЛЯЩЕВА

Александр Лящев считает, что с помощью самых неприятных на вид насекомых можно решить массу значимых проблем

Несколько лет назад при кафедре общей биологии Агротехнологического института ГАУ Северного Зауралья доктором наук Александром Лящевым была создана лаборатория промышленной энтомологии. Тема эта для него не новая, утилизацию бытовых отходов при помощи беспозвоночных животных Александр Анатольевич изучает более тридцати лет.

– Мы выбрасываем чистую органику в мусорные контейнеры, где начинают размножаться насекомые и разная микрофлора, в том числе болезнетворные микроорганизмы. Так почему бы эту богатую протеином биомассу не использовать для производства полезных побочных продуктов? К примеру, корма для домашних животных. И лучше всего для этого подойдут созданные самой природой насекомые, – пояснил «Северянам» свою

идею профессор Лящев и добавил: – Считаю изучение методов переработки биологических отходов важной государственной задачей!

Жужжащий кастинг

Нет, не вся насекомая рать годится для научных опытов и прибыльных производств. Поиск подходящего для исследований вида – важнейшая часть всего комплекса работ. Взять, к примеру, назойливых домашних мух, что ползают по нашим обеденным столам, – они главные разносчики бактерий. На «смотре» у учёных они были явными аутсайдерами и с ходу провалили «кастинг». У их зелёнобрюхих навозных «сестриц» шансов оказалось чуть больше, но и они по разным причинам в проект не вписались. Не оправдали надежд и перспективные с виду мучные жуки, и даже практически безопасные дождевые черви получили от ворот поворот. У последних оказался критический недостаток – аммиак для них смертелен. А что за отходы без аммиака?

Путём долгих отборов учёные лаборатории остановились на чёрной львинке. Эта субтропическая муха длиной в 2–2,5 сантиметра (в два раза больше надоедливой домашней цокотухи) оказалась удивительно адаптированной к употреблению любых биологических отходов. Кроме того, ни она сама, ни продукты её переработки не содержат болезнетворных микробов. Оказывается, в организме этой мухи вырабатывается более полусотни антипептидов, обеспечивающих человеческому организму антибактериальную защиту. А главное – львинка безопасна для наших биоценозов – вырвавшись на волю, привыкшая к жаре тропическая муха при температуре ниже 27 градусов не размножается и гибнет.

В борьбе с сальмонеллёзом

По словам Александра Лящева, в лаборатории проводились специальные исследования по переработке куриного помёта – базы размножения различных патогенных микроорганизмов, в том числе печально знаменитой сальмонеллы. Так вот, в полученной из личинок мухи белково-липидной муке и биодоброениях не было обнаружено равным сче-

Кто бы мог подумать, что благодаря мухам можно и корма производить, и щедро удобрять скудные ямальские почвы

Трудоёмкий исследовательский процесс сулит многообещающий результат

Именно личинки перерабатывают отходы

том ничего опасного – все патогены оказались уничтожены!

Да, надо пояснить, что переработчиком биоотходов является не сама муха, а её личинки. На протяжении двух и более недель они поедают предложенное «меню», а в самом позднем возрасте на стадии взрослой личинки и предкуколки их бланшируют, высушивают и измельчают.

– В итоге мы получаем из отходов жизнедеятельности самой личинки зоогумус, который при созревании становится биодобрием, а из личинки – протеин и жир, – поясняет наш собеседник. – Протеин, или белково-липидная мука, идёт на корм животным, а из жира в дальнейшем можно получить биодизель.

Причём если из первоначального объёма рапсового масла, используемого сегодня для производства биотоплива, получается примерно 30–35 процентов дизеля, то из такого же объёма жира чёрной львинки – около 90–95 процентов.

– Личинка мухи полностью съедает любые пищевые отходы, но результат зависит от их качества и состава, – продолжает профессор. – Поэтому мы в данный момент экспериментируем с субстратом, ищем наиболее эффективное соотношение белков и углеводов. В дальнейшем при производстве обязательно потребуется некоторая предварительная подготовка отходов, иначе может получиться или плохо сбалансированный белково-липидный корм, или мука будет с большим преобладанием жира. Скорость переработки отходов также зависит от сочетания субстрата и его качественной составляющей.

Сейчас исследования находятся на стадии практических испытаний, основные эксперименты ведутся на птичьем помёте, который обычная птицефабрика вырабатывает десятками тонн. Учёные лаборатории промышленной энтомологии создают мини-фабрику на базе утепленного контейнера. Всё делается в миниатюре с расчётом на 8–9 тонн разовой загрузки. Главная задача – отработать и синхронизировать автоматические процессы, чтобы будущему оператору нужно было только в одно «окошко» подать субстрат, в другое – личинок – и через две недели получить готовый продукт переработки.

ФОТО: ИВАН БЫЧКОВ

Почему бы эту богатую протеином биомассу не использовать для производства полезных побочных продуктов?

Чтоб муха-цокотуха деньги принесла...

По экспериментальным подсчётам, из 8–9 тонн пищевых отходов (всё зависит от соотношения в них белков и углеводов) получается около двух с половиной тонн биодобрием, более тонны личинок, идущих на белково-липидную муку, из которой далее можно выделить жир на биодизель. А предприниматель, который этим займётся, получит ещё и деньги за утилизацию отходов! Речь о гигантских фабриках по переработке биоотходов пока не идёт – экспериментаторы считают, что неплохо для начала иметь несколько установок, приспособленных для нужд того или иного населённого пункта.

Опыты профессора Лящева и его сотрудников этим не ограничиваются. Задача учёных – доказать представителям различных отраслей перспективность их ноу-хау. Взять, к примеру, одну из проблем, стоящих на пути сельскохозяйственного освоения Крайнего Севера, – отсутствие плодородных почв. Ну, плохо растут на ямальских песках картошка и помидоры!

– Мы провели ряд успешных экспериментов, – говорит Александр Анатольевич.

– За лабораторией территория с песчаным грунтом – почти как на Ямале, была поделена на несколько участков, куда внесли биоудобрения из расчёта от половины до трёх килограммов на квадратный метр и засеяли пшеницей, которая очень привередлива к почвам. К середине августа экспериментальная пшеница достигла высоты 70 сантиметров, а контрольная едва дотянула до 40, к тому же её колос был в два раза меньше. Самым оптимальным оказался объём 10–15 тонн на гектар.

Важно понимать, что торфа в таких случаях вносится в разы больше, только его придется изымать из природы, а производством биогумуса природа, напротив, обогащается!

Ваше слово, товарищ студент!

– Но и это ещё не всё. У нас планируются эксперименты по выращиванию газонной травы на песках, – продолжает рассказ профессор. – В случае успеха мы получим ещё один недорогой метод рекультивации повреждённых песчаных почв. Мы уже рассчитали «экономику»: производство биогумуса дешевле любых химических удобрений. Вообще, экспериментов с продуктами переработки биоотходов проводится много, и о них ещё рано говорить, но...

Половина Азии давно с хрустом грызёт различных букашек, дошла эта мода и до России. По подсчётам учёных, сейчас в мире более двух с половиной тысяч видов насекомых так или иначе идут в пищу человеку и на корм животным. И не только – из калифоридов (падальных мух) начали делать лекарства для борьбы с раком и сердечными заболеваниями. Появились и препараты для выработки антивирусного иммунитета.

В рамках реализации студенческих проектов бакалавры и магистранты кафедры участвовали в разработке кормов для домашних животных и биоудобрений. Например, Ярославом Бурматовым был разработан злаково-фруктовый батончик для собак на основе белково-липидной муки, содержащейся в сухих кормах. Магистрант Глеб Мажаров создал добавку из белково-липидной муки в натуральную еду для собак и кошек – её подсыпают в корм как приправу. У собак просыпается столько энергии – можно в кос-

мос посылать! А студентка-бакалавр Екатерина Пушкарева разрабатывает биологические удобрения с заданными свойствами и приемы использования их для сельскохозяйственных растений.

– Мы – учёные, мы подаем идею, разрабатываем её и доводим до внедрения, – рассуждает Александр Анатольевич. – А вот практическая реализация – задача других специалистов. Нам нужно двигаться дальше, изучать, исследовать, открывать... Ждём молодёжь для научных изысканий, у нас очень интересная программа обучения, завершив которую понимаешь, что энтомология – это не только вездесущие мухи, но и прекрасные бабочки. 🐛

Эксперимент удался! Благодаря биоудобрениям, разработанным тюменскими учёными, на песчаном грунте выросла отличная пшеница

Удачным получился и эксперимент по производству корма для кошек и собак. Он богат белками

АРКТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ¹

Андрей ГОЛОВНЁВ,

член-корреспондент РАН, профессор, доктор исторических наук
г. Санкт-Петербург

Романтическая и трагическая история поиска Земли Санникова стала самой красивой отечественной легендой XX века. Она известна по роману Владимира Обручева (1924) и фильму Альберта Мкртчяна и Леонида Попова (1973), для которого была написана песня композитора Александра Зацепина на слова Леонида Дербенёва про «миг между прошлым и будущим». Эта северная легенда, несмотря на её отдаленность и «оторванность от жизни», оказалась удивительно русской и даже по-своему советской.

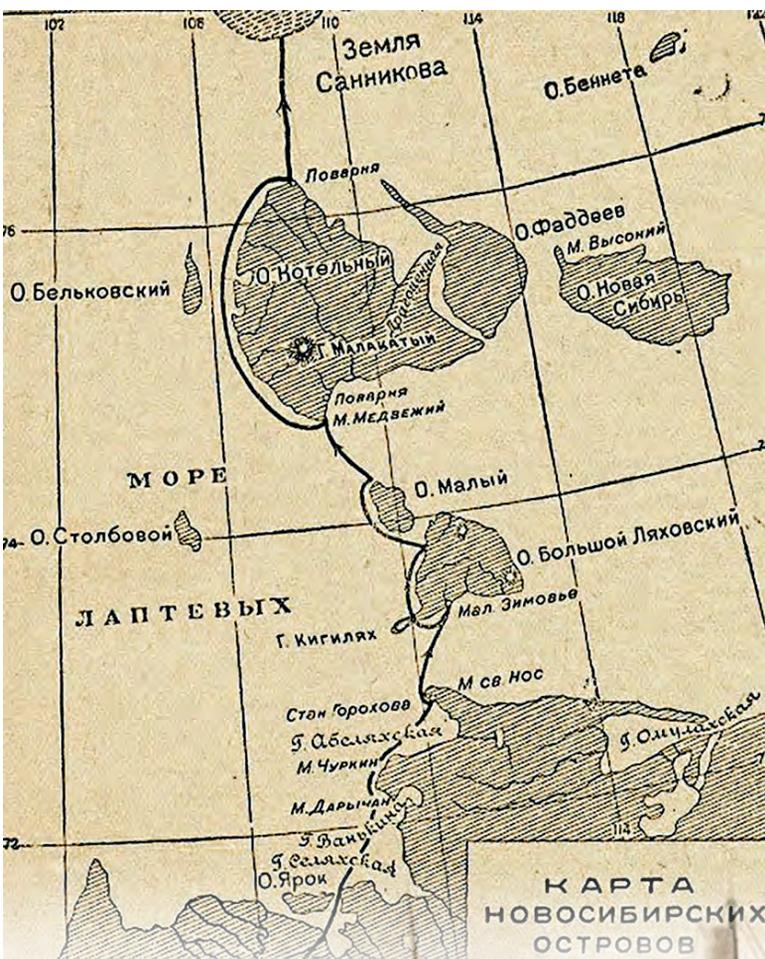
Мифы о диковинных островах в Студёном море известны многим северным народам. Среднесибирская Арктика из-за тяжёлой ледовитости осталась в стороне от путей древних и средневековых мореходов Северной Евразии: льды Карского моря остановили викингов, Восточно-Сибирского – эскимосов. Тем более загадочной с двух концов Евразийского континента казалась недостижимая земля-миф, населённая не то карликами, не то великанами.

Викинги полагали, что открытые ими северные страны – Бьярмия, Гренландия и Америка – смыкаются отдалёнными пустынными пределами где-то на далёком севере. С закатом культуры викингов интерес к северным землям в Европе остыл, и в течение ряда столетий европейские географы вторили стареющим скандинавским легендам. Наследники викингов в деле арктического мореплавания, русские поморы, продвигались по Студёному морю всё дальше на восток, но были по-прежнему убеждены, что слева по борту, где-то за непроходимыми ледяными полями, лежит обширная суша. Примерно так же размышляли европейцы – Герард Меркатор на своей карте обозначил Новую Землю вытянутой вдоль всего арктического побережья Евразии.

Впрочем, не только коренные обитатели Арктики, но и светила европейской науки предполагали, что Ледовитый океан таит

в себе чудеса, в том числе высокую чёрную скалу-магнит (Rupes Nigra et Altissima) с окружающими её островами, ледовыми полями и гигантским водоворотом. Европейцы и американцы искали в Арктике мифические земли Джиллиса, Петермана, Харриса, Брэдли, короля Оскара. Русские мореходы открывали в Студёном море остров за островом и не теряли надежды найти среди льдов землю, согреваемую вулканами, изобилующую сокровищами, мамонтами и другими диковинами. В 1760-е гг. к северу от устья Колымы сержанту Степану Андрееву привиделся «остров весьма немал» (Земля Андреева), промышленнику Никите Шалаурову – «великая земля с горами о семи верхах». Некоторые видения оказались реальностью, и вскоре среди арктических льдов были открыты острова Ляховские, Котельный, Столбовой (Крестовый), Фаддеевский, Новая Сибирь, Врангеля. Иные остались миражами, в том числе загадочная Земля Санникова, которую в 1810 г. с острова Новая Сибирь разглядел купец Яков Санников. Подтолкнули к поиску неведомой земли наблюдения за птицами, улетающими от кромки материка дальше на север, и за дикими оленями, уходившими туда же по льду Студёного моря. К этому добавилось обнаружение среди Ледовитого океана «великой сибирской полыни» (открытой воды на границе дрейфующих льдов и ледового припая), вызвавшей

¹ Отрывок из книги Андрея Головнёва «Северность России». Санкт-Петербург. МАЭ РАН. 2022.

у Санникова и руководителя геодезической экспедиции Матвея Геденштрома иллюзию согретого вулканами чудо-острова с оттаявшим вокруг него морем. К тому же Санников обнаружил на островах Новосибирского архипелага россыпи костей невиданных зверей, обломки древних деревьев и несколько каменных изделий.

«Раз наступить ногой и умереть!»

Первая попытка пройти морем к Земле Санникова лейтенанта Петра Анжу (1821–1823 гг.) завершилась известием, что такой земли «нет на N от Новосибирских островов». В 1880-е годы интерес к Земле Санникова вспыхнул с новой силой в связи с активностью американцев у Новосибирских островов: Джордж Де-Лонг задумал пройти к Северно-

В июне 1900 года барон Толль на шхуне «Заря» отправился в плавание из Кронштадта

му полюсу, и его яхта «Жаннетта» в сентябре 1879-го вмёрзла во льды у острова Геральд и дрейфовала в арктической пустыне 21 месяц. В мае 1881-го она была раздавлена льдами в западной части Восточно-Сибирского моря, но прежде Де-Лонг успел нанести на карту два новых острова – Жаннетты и Генриетты.

Экипаж высадился на дрейфующую льдину, и с неё 27 июля 1881 года был открыт ещё один остров, названный именем Беннетта. Де-Лонг почти спасся, достигнув материка, но здесь, в безлюдной дельте Лены,

его и шедшую с ним часть команды ждала голодная смерть.

Тринадцать уцелевших членов экспедиции донесли до мира известие о новых островах, названных архипелагом Де-Лонга.

Вскоре последовал ответ Петербурга: в 1884 году к Новосибирским островам двинулась экспедиция Александра Бунге, нанёсшая на карту Землю Бунге между островом Котельным и полуостровом Фаддеевским и открывшая путь на архипелаг человеку, с именем

ФОТО ИЗ ЖУРНАЛА «НИВА» № 52 ЗА 1913 ГОД

Чтобы поднять на борт ледокола моржовую тушу, судно подходило вплотную к льдине, на которой лежало добытое для пропитания животное. Из мяса моржей команды «Вайгача» и «Таймыра» готовили битки – неаппетитные на вид, но вполне приятные на вкус

ФОТО: PUBLIC DOMAIN

Участники экспедиции Толля на борту шхуны «Заря»: в верхнем ряду третий слева – А. В. Колчак. Второй ряд: Н. Н. Коломийцев, Ф. А. Матисен, Э. В. Толль, доктор экспедиции Г. Вальтер, астроном Ф. Зееберг

Известный киноактёр Олег Даль, сыгравший в приключенческом фильме «Земля Санникова» авантюриста Евгения Крестовского, определённо похож на барона Толля. Хотя, как известно, в этом фильме исторических персонажей нет

КАДР ИЗ ФИЛЬМА АЛЬБЕРТА МЯГЧЕНА И ЛЕОНИДА ПОПОВА «ЗЕМЛЯ САННИКОВА», 1973 ГОД, КИНОСТУДИЯ «МОСФИЛЬМ»

которого связано дальнейшее драматическое развитие сюжета о Земле Санникова: весной и летом 1886 года Новосибирские острова обследовал геолог Эдуард Толль. С острова Котельного он различил на севере «контуры четырёх гор, которые на востоке соединялись с низменной землей». Несколько лет спустя, готовя решающую экспедицию, Толль писал: *«При рассказе о виденной мною в 1886 году Санниковой земле на Нот острова Котельного мой проводник Джергели, семь раз летовавший на островах и видевший несколько лет подряд эту загадочную землю, на вопрос мой, «хочешь ли достигнуть этой далекой цели?», дал мне следующий ответ: «Раз наступить ногой и умереть!» (Толль 1894: 17)».*

На заседании Совета РГО 30 марта 1898 года барон Толль крушил остатки сомнений: *«В ясные солнечные дни с северной оконечности острова Котельного, в группе Новосибирских островов под 76° с. ш., виднеются четыре горы, чуть поднимающиеся над северным горизонтом – это Земля Санникова, ещё не достигнутая никем».*

«Дерзайте, лейтенанты!»

Все последующие годы научная общественность бурлила спорами и ожиданиями. Президент Академии наук великий князь Константин Константинович лично курировал подготовку экспедиции. Откликнулся на ажиотаж вокруг Земли Санникова и император Николай II: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать она будет. Дерзайте, лейтенанты!» (Синюков 2009: 196). Накануне нового года и века, 31 декабря 1899 года, он

согласовал снаряжение экспедиции «для исследования земли Санникова и других островов, расположенных за Новосибирским архипелагом» (Зырянов 2012: 41, 42).

В июне 1900-го барон Толль на «Заре» отправился в плавание из Кронштадта. Осенью 1901 года случилось невероятное – «Заря» прошла по открытой воде море Лаптевых от Таймыра до острова Беннетта. Но с борта корабля не удалось различить очертаний Земли Санникова. Толль отошёл на исходную позицию, к острову Котельному, откуда после очередной зимовки, в начале лета 1902 года, на собачьих упряжках и байдарках с тремя спутниками отправился на поиски заветного берега.

По плану «Заря» должна была при первой возможности последовать за Толлем и встретить его у острова Беннетта. Но на этот раз попытки капитана Матисена пробиться на север или восток через тяжёлые льды были тщетны. «Заря» ушла к матерiku и была брошена командой в безлюдной бухте Тикси, где летом 1912 года её, лежащую на мели, нашли моряки ледокольного транспорта «Вайгач».

«Партия, конечно, вся погибла»

Шок в академии сменился лихорадочной подготовкой спасательной операции. На поиски Толля была брошена лучшая команда Северного флота во главе с Александром Колчаком, которая в тяжёлой ледовой обстановке 1903-го прошла по следам пропавшей экспедиции. Протискиваясь на вельботе среди льдов, Колчак совершил отчаянный рейд

от Новой Сибири к Беннетту. Здесь он обнаружил покинутое зимовье и записку Толля о плане перехода на Новую Сибирь. Колчак последовал в указанном направлении, обшарил берега Новой Сибири, но напрасно. В январе 1920 г. на допросе в Иркутске незадолго до расстрела он вспоминал: «Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду и в то, что ему всё сойдёт... Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Беннетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам... Предложил пробраться на землю Беннетта и, если нужно, даже на поиски барона Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, но другого выхода не было...

Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где выбрал себе четырёх спутников из мезенских тюленепромышленников. Со мною согласились идти ещё двое из моих матросов из экспедиции – Бегичев и Железняков.

...На собаках я поехал к устью Тикси, взял с «Зари» один из хороших китобойных вельботов, на собаках протащил обратно в Устьянск и в начале мая вместе со своими шестью спутниками, Олениным и партией местных якутов и тунгусов, которые были как каюры, с транспортом 160 собак вышел из Устьянска на остров Котельный... В июле месяце море вскрылось, и я на вельботе... вышел на северо-западную часть Новой Сиби-

ри... Передохнув на Новой Сибири, мы отправились дальше на север... добрались до земли Беннетта 5 августа... Мы нашли грудку камней, в которой находилась бутылка с запиской... тот краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толля...

...Барон Толль сначала решил перезимовать, надеясь на [осеннюю] охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весной, с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна, и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придётся умереть там с голоду. Тогда, в конце ноября 1902 г., барон Толль решился на отчаянный шаг – идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40... Документ его кончается такими словами: «Сегодня отправились на юг; все здоровы, провизии на 14 дней». Партия, конечно, вся погибла». (Допрос Колчака 1925: 7–10)

Колчак рапортовал о гибели Толля, а также о том, что Земли Санникова не существует.

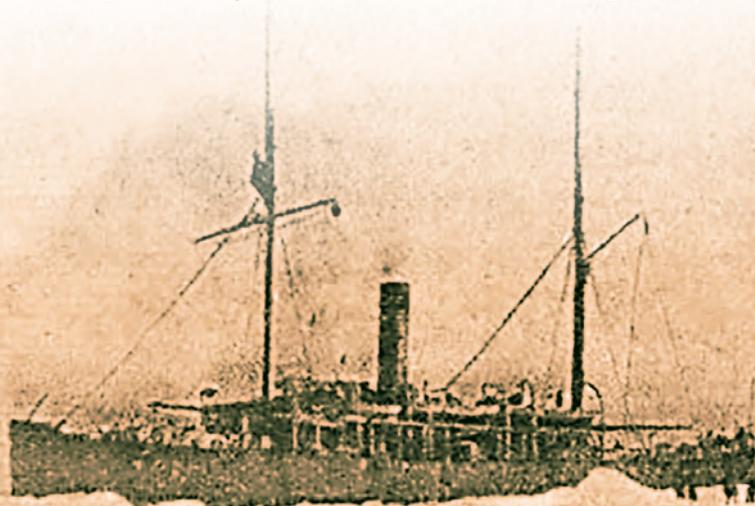
Впрочем, легенды живут своей жизнью и не торопятся умирать. История таинственной земли не закончилась, а лишь дополнилась версией о чудесном спасении Толля. Где? На том самом затерянном острове, который он настойчиво искал.

Под плотным слоем лёсса

Десять лет спустя на поиски Земли Санникова вышла экспедиция Бориса Вилькицкого на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач».

В августе 1913 года был открыт новый архипелаг – Северная Земля. Вилькицко-

Суда русской географической экспедиции «Таймыр» и «Вайгач» после открытия Земли Николая II. В 1926 году большевики дадут этому архипелагу новое имя – Северная Земля

го ждал триумф, но мечта о другом острове гнала его назад к островам Де-Лонга. Обнаруженный там скалистый островок получил имя Вилькицкого и подкрепил веру в последующие открытия.

14 августа следующего, 1914-го, года лейтенант Алексей Жохов различил на горизонте силуэт неизвестного острова. Никто не подозревал, что в тот момент на карте Новосибирских островов была поставлена последняя точка. Вскоре везение оставило Вилькицкого, и его суда вмёрзли во льды у мыса Челюскина.

Сложная зимовка окончилась почти благополучно – умерли всего двое. Среди похороненных на мысе Могильном был и лейтенант Жохов. На его кресте прикреплена доска со строками стихотворения, которое он написал своей невесте, а последнему открытому острову присвоено его имя.

Землю Санникова продолжали высматривать с ледоколов и самолётов даже после того, как съёмкой со спутников старой легенде² был подписан окончательный приговор. Поразительно то, что вместе с надеждой на обнаружение новых островов таяли уже открытые: к середине XX века с карты Новосибирского архипелага исчезли острова Васильевский (после 1913 г.) и Семёновский (к 1948 г.), много раньше утонули отмеченные Дмитрием Лаптевым острова Меркурия и Диомида. История будто потекла вспять. Правда, время от времени появлялись новые

земли-призраки – дрейфующие в Ледовитом океане ледяные острова с тёмными нагромождениями твёрдых пород, издали повторявшими облик скал, оврагов и долин. Так вели себя сколотые и унесённые морем шельфовые ледники Канадского Арктического архипелага. Растаявшие острова Новосибирского архипелага тоже, вероятно, состояли из льда, перекрытого плотным слоем лёсса.

Будь «земля-невидимка» найдена, она упокоилась бы на географической карте, а оставшись легендой, к тому же украшенной именами Толля и Колчака, она стала достоянием, с позволения сказать, нематериального культурного наследия Севера России. В этом отношении поиски не окончены, но уже сейчас ясно, что своей гипнотической популярностью легенда обязана своей северности. Духовность (мистика, утопия) Севера и раньше ярко проявлялась в образах Соловецкого монастыря, Выговской пустыни, Валаама и других северных святынь. А в начале XX века страна, «беременная» революцией, бредившая богостроительством и богоскандальством, искала идиллии и утопии среди труднодоступных морей и пустынь (Беловодье, Шамбала и др.). Самой недосягаемой, но оттого ничуть не менее притягательной была мистическая Земля Санникова в Студёном море. Так в начале XX в. северный пантеон пополнился новыми героями, а образ Севера приобрёл, вдобавок к соловецким, притягательные оттенки арктической утопии. 🌐

² В конце прошлого века легенда неожиданно воскресла в археологической версии: на острове Жохова, который по расположению совпадал с Землей Санникова, был обнаружен археологический памятник, датируемый ранним мезолитом (Питулько 1998). Выяснилось, что девять тысяч лет назад на острове обитали охотники на белого медведя и оленя, переезжавшие с материка на собаках. Археология подтвердила реальность легенды о Земле Санникова, но с поправкой на девять тысяч лет. Эта новая версия легенды легла в основу моего фильма «Остров Жохова» (2002).

Новые паруса

Владимир ПЛЕХОВ

г. Киров

Шью уж который день
Новые паруса я.
Видишь, в порту стоят
Быстрые корабли.
Жажду скорей к воде,
Но не тебя бросая,
Просто открою я
Новый клочок земли.

С фронта, в обзор ветрам,
Вышью твой тонкий профиль.
Наперекор молве
И поперёк глупцам.
В шествии по волнам
Я, несомненно, профи.
Но без тебя, поверь,
Тягостно парусам.

Коль без имён земель
В доступе не осталось,
Ту, что прекрасней всех,
Я назову тобой.
Но не вернусь к зиме,
К лету – попозже малость.
Выйдешь во всей красе,
В модных своих сабо.

Знаю, зажжёшь маяк
Жёлтых цветков акаций,
Чтоб не разбил прибой,
Чтоб не попал на мель.
Ждать буду вечно я
Будущих навигаций,
Чтобы назвать тобой
Сколько смогу земель.

2024

АРКТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ВЛАДИМИРА ЦЫБЕНКО

Алексей МАТВЕЕВ

г. Новый Уренгой

Всё ближе юбилей газовой столицы – в 2025 году крупнейшему городу Арктического региона исполнится пятьдесят лет. Мы уже рассказывали о происхождении топонима «Уренгой» («Северяне» № 4, 2023 г.) и о легендарном зимнем десанте первопроходцев к месту рождения нашего юбиляра («Северяне» № 1, 2024 г.). И вот теперь, уже имея общее представление о тех событиях, обратимся к самым истокам – подвигу сейсмопартии под руководством Владимира Лаврентьевича Цыбенко. Результаты её работ зимой 1964–1965 годов дали миру структуру Уренгойского нефтегазоконденсатного месторождения, предопределили возникновение огромного северного города. Итак, начнём!

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ЦЫБЕНКО

Владимир Цыбенко в 1978 году

Лето 1964 года было жарким. 10 июля в далёкой Великобритании вышел в свет альбом группы The Beatles «A Hard Day's Night», с которого началась массовая битломания. На концертах ливерпульской четвёрки особо экзальтированные юные британки, по-

прав нормы викторианской морали, срывали с себя верхнюю одежду, а после преследовали на улицах четырёх одинаково одетых мужчин, дабы прикоснуться к прекрасному.

В те дни в восточной части Ямало-Ненецкого национального округа стояла жара; злобствовали комар и мошка. Срывать с себя одежду здесь никому бы и в голову не пришло, даже если бы на пригорке вдруг появились Пол, Джон, Ринго, Джордж и сбацили свой «Вечер трудного дня».

Река Пур в тот год начала рано и быстро мелеть. Это природное явление особым образом повлияло на дальнейшие события в Надым-Пуровском междуречье. Обмелевшая водная артерия не позволила доставить на юг в посёлок Пурпе две баржи с оборудованием для Пуровской группы геофизических партий. Суда поставили до следующей навигации недалеко от пункта Уренгой, в котором тогда проживало всего-навсего... восемь человек.

На баржах, в числе прочего, был один трактор, два буровых станка, пять балков. Этот «особый» груз чрезвычайно интересовал героев нашего рассказа.

Вот о чём надо песни слагать!

В начале сентября к берегу Пура в районе Уренгоя причалил катер с пятью пассажира-

Снежана Орлова. «Сейсморазведчики в районе будущего города. 1964 год». Холст, масло. 2020 год

ми на борту. Они осмотрели вставшие на причал баржи, оценили фронт работы и сделали то, что ливерпульской четвёрке и не снилось: с помощью домкратов, брёвен и веры в светлое будущее подняли из трюма трактор и опустили его на берег! Вот о чём надо песни слагать!

Эти богатыри были работниками сейсмической партии «сп-22» треста Ямалнефтегазразведка¹. Руководил ими Владимир Цыбенко. Он доложил руководству, что к зиме всё скопившееся на баржах имущество может быть готово к использованию. Цыбенко предложил провести геофизическую разведку от посёлка Уренгой на запад в сторону посёлка Ныда.

Необходимость работы сейсмической партии в этом регионе назрела давно. Ещё в 1954 году в Пур-Надымском междуречье работала партия М. Н. Бойцова, а затем в

1956–1960 годах – партия А. В. Андреева из Всероссийского нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института. Многочисленные поверхностные наблюдения позволили исследователям предположить наличие в недрах группы поднятий, которую они назвали Пуровской. Появилась гипотеза о том, что здесь, на глубине до трёх километров, есть огромные выпуклые складки горных пород, в куполах которых образовались природные ловушки для углеводородов – нефти, газа и газоконденсата.

В 1955 году на обширной территории между Обью и Енисеем Сибирский геофизический трест провёл аэромагнитную съёмку. Она подтвердила вероятность поднятий антиклиналей² на участке Пур-Надымского междуречья.

¹ Мартынова С. Стабильное предприятие // Энергия Ямала. – Екатеринбург: ОАО «Средне-Уральское книжное изд-во», 2001. – С. 386.; Цыбенко В. Л. «Обувь свою мы пока не сносили» // Энергия Ямала. – Екатеринбург: ОАО «Средне-Уральское книжное изд-во», 2001. – С. 830; Цыбенко В. Л. Открытие века – Уренгой // Советское Заполярье (Тазовский район ЯНАО) – 7 апреля 1981 г. – С. 2.

² Антиклиналь (Anticlinal) – это аркообразная складка горных пород, направленная вверх (в форме продолговатого купола), в которой может накапливаться нефть или природный газ.

Южная жилая часть

Даёшь антиклиналь!

В 1960 году Надымская опытно-производственная электроразведочная партия 11/60 Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции под началом Юрия Копелева вылетела на гидросамолёте в посёлок Ярудей, оставшийся после строительства № 501 «сталинской» железной дороги Чум – Салехард – Игарка. Один отряд провёл электроразведку методом магнитотеллурического профилирования западнее населённого пункта, а второй пошёл на восток до урочища «станция Ягельная» по оставшемуся профилю транспо-

лярной магистрали. Руководил этим отрядом фронтовик Анатолий Бисеров. В его распоряжении был гусеничный транспортёр «ГАЗ-47». Горючие и продукты полевикам доставлял будущий Герой Социалистического труда, пилот вертолёт Ми-1 Николай Белобородов³.

В результате работ отряд электроразведчиков Бисерова на участке «река Танопча – посёлок Уренгой» выявил в недрах антиклиналь протяжённостью более ста километров. То есть они первыми обнаружили то, что ранее только предполагалось!

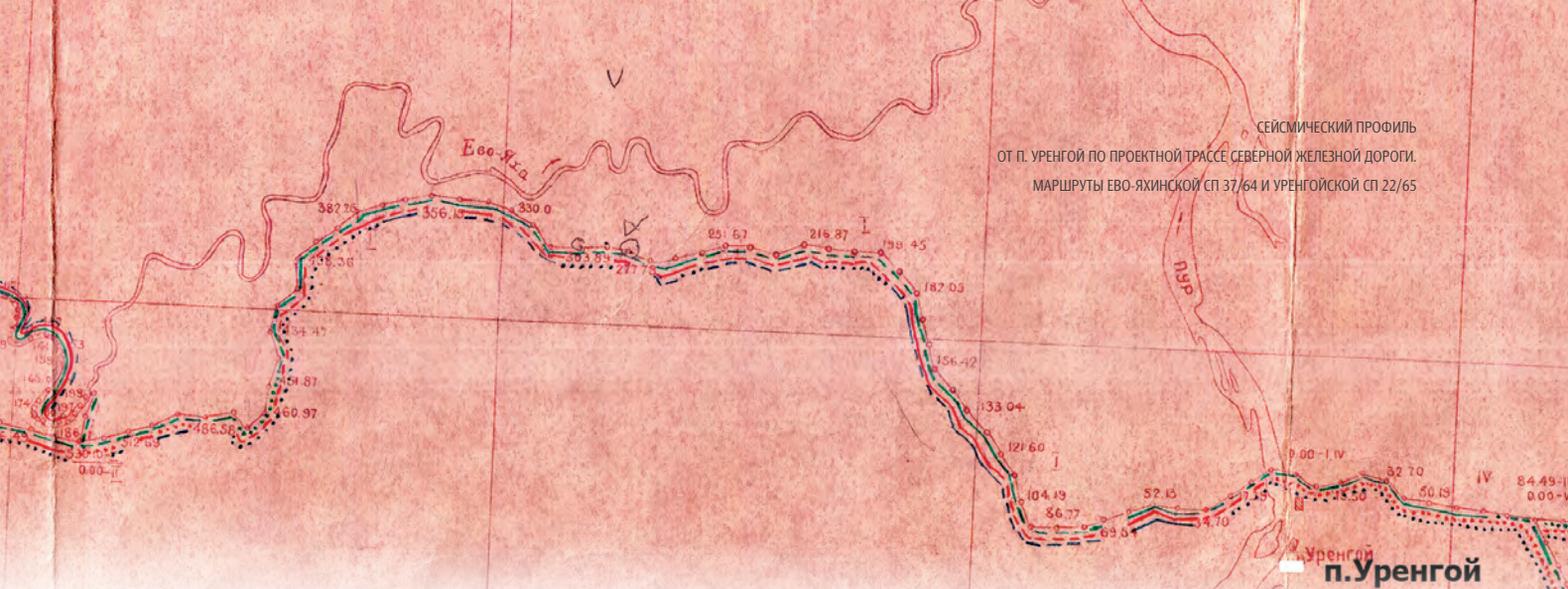
В итоге геофизических изысканий 1954–1960 годов тюменские геологи выделили к за-

Сложно представить, что пятьдесят лет назад на этом месте была редкая лесотундра

ФОТО: СЕРГЕЙ ЗУБКОВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

³ Козлов В. По уренгойскому валу // Энергия Ямала. – Екатеринбург: ОАО «Средне-Уральское книжное изд-во», 2001. – С. 78; Патрикеев Н. Б. Молодёжь в летописи открытий (1950–1970). Историко-публицистический очерк. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003 – С. 72.

паду от Уренгоя крупную положительную геологическую структуру, которую одни назвали «Нижне-Пуровский вал», другие – «Уренгойский вал». Наверняка они помнили гипотезу о «Пуровском хребте», которую ещё в начале 1940-х годов выдвинул геолог Владимир Сакс.

Смелость берёт месторождения

В 1961–1963 годах партия Анатолия Бугаева провела площадную съёмку Надым-Пуровского междуречья методом магнитотеллурического профилирования. Геофизики подтвердили наличие здесь месторождения! В 1963 году Копелев написал начальнику Тюменского территориального геологического управления Юрию Эрвье докладную записку. В ней он обосновал возможность и необходимость бурения первой опорной скважины на Уренгойском вале. Однако предложение Юрия Копелева было отвергнуто Львом Ровниным и Львом Цыбулиным – главным геологом и главным геофизиком Тюменского территориального геологического управления. Они указывали на то, что по этому району нет данных сейсморазведки. В 1963 году Эрвье пришлось отказать Копелеву⁴.

Но уже в 1964 году воля природы и осознанная необходимость свели в посёлке Уренгой баржи с оборудованием и команду отчаянных сейсморазведчиков. Не все верили в их успех. Несколько раз приходил приказ свернуть работы. В газетном интервью 1981 года Владимир Цыбенко рассказывал о событиях 1964–1965 годов так: «Приходилось кипятиться, доказывать, что в таких условиях можно кое-что сделать. Это уже позже открытия последовали одно за другим, труд-

но было сыскать маловеров. А ведь тогда их было много. Но были и люди, которые беззаветно верили в богатство нашего края, смело шли на риск... И вот среди таких я в первую очередь называю Бованенко Вадима Дмитриевича, бывшего начальника Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции, Иванова Валентина Ивановича, нынешнего главного инженера треста «Ямалнефтегазгеофизика». Это прежде всего они поддержали нас в нашем стремлении испробовать свои силы на уренгойской земле и впоследствии не раз оказывали и практическую помощь».

Благодаря помощи Бованенко и Иванова в посёлок Уренгой прибыло ещё четырнадцать человек. В их числе были супруга Владимира – Тамара Цыбенко – и четырёхлетний сын Андрей.

Солярку в Уренгой доставляли самолётами из Красноселькупа. Взрывчаткой поделились коллеги из Пуровской группы в Тарко-Сале.

Балки стонали под ударами стихии...

Когда в начале 1965 года окончательно промёрзли реки и болота, отряд сейсмиков выдвинулся из посёлка Уренгой на запад. Маршрут от реки Пур был проложен вдоль действующей линии связи Москва – Игарка, установленной здесь ещё в 1949–1950 годах. Работа кипела. С каждым километром отрабатанного профиля отряд разведчиков удалялся от базы.

Погода была к первопроходцам беспощадна. Вот что писал Владимир Цыбенко много лет спустя: «Слепая яростная пурга надолго овладевает природой. Пронзительный, наждаком раздирающий лица снег. Страшно

⁴ Соломина Л. В. «Лето 1960-го для разведочной геофизики на Ямале было пиковым» (О применении новых методов разведки месторождений углеводородов на севере Западной Сибири в конце 1950-х – начале 1960-х гг.) // Архивы Урала. – 2024. – № 28. – С. 359–395.

открыть глаза. Позёмка тут же заравнивает тракторный след. А впереди, согнувшись почти пополам, медленно, но упорно идёт человек, указывая путь трактору. Балки дрожат и стонут под ударами ветра, кажется, вот-вот развалятся. Снег полосами через щели в стенах и окнах, ложится на стол, нары...»⁵

В 1980 году ямальский журналист и краевед Виктор Мурзин написал яркое стихотворение «Сейсморазведочная работа»:

Переворачивается балок,
Падает, комкая снег.
Переворачивается балок...
Нет! – он кричит во сне.
Нет! – просыпается ото сна.
«Что с тобой? – шепчет спросонья жена.
– Это не поле, это не профиль.
Дома ты. Хочешь поставлю кофе?..»
Да. Он действительно дома.
Постель белизною сплит.
Внушительно и знакомо
Ковёр под ногами лежит.
«Надо же! Снова приснились ребята.
Который там час?.. Вставать рановато.
Вот так всегда!.. В поле снишься ты,
А дома – челночные наши следы».

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЛЕОНИДА СОКОЛА

О «железном докторе» и бессонном трактористе

Ветеран геологии, геофизик Леонид Сокол в своей работе «Родная партия» ярко и ёмко описал самых колоритных участников тех далёких событий: «Прораб буровых работ Иван Кобель только один сезон проработал в «сп-22», но что это был за специалист, можно судить хотя бы по тому, как его звали потом в Тарко-Сале: «железный доктор».

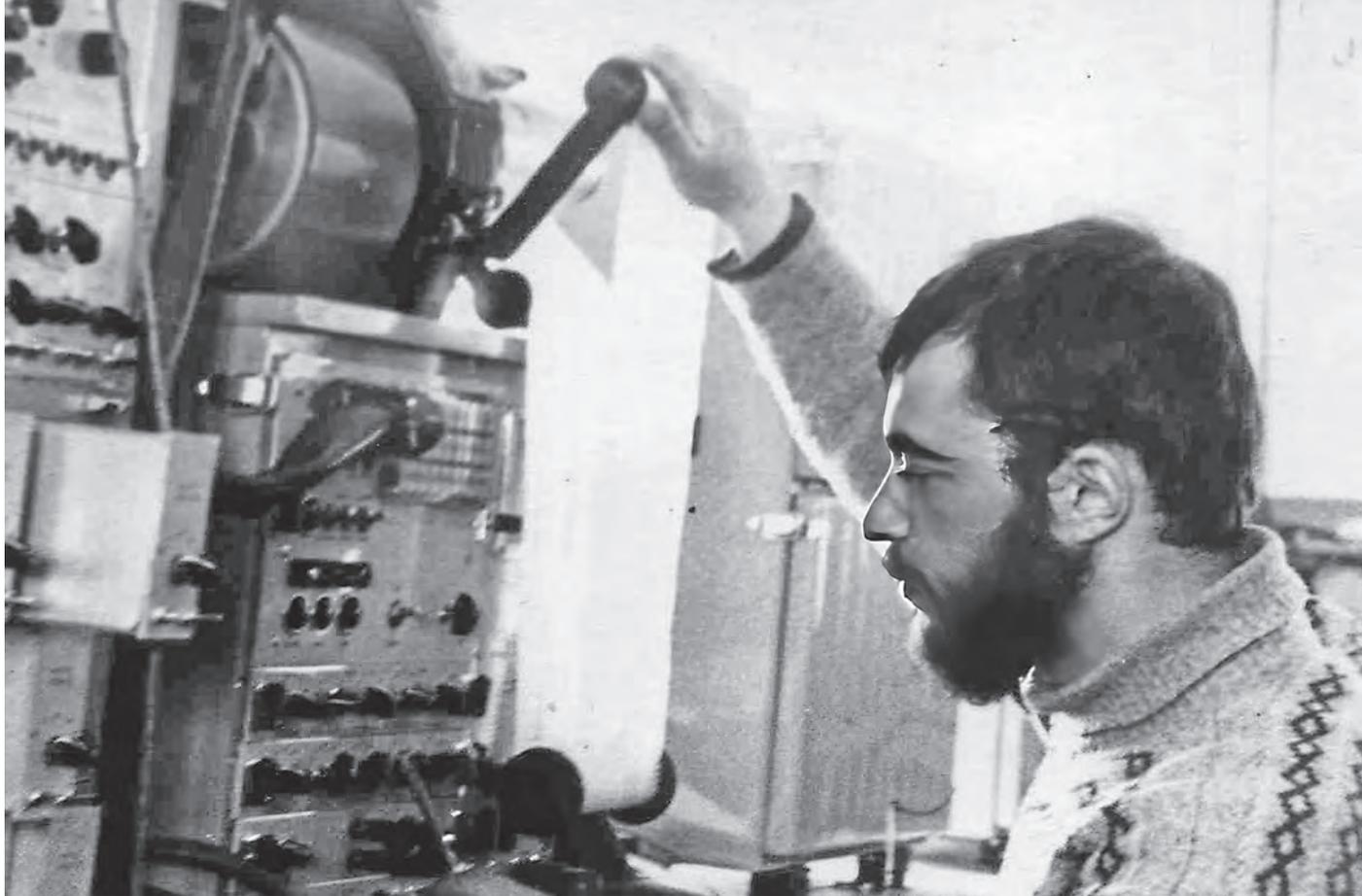
Ребят из этой партии – Ваню Кваскова, который очень интересно рассказывал о своей службе на Кубе во время Карибского кризиса, Гену Орлова и других – я хорошо помню и сейчас, но главный герой сезона, безусловно, – тракторист Геннадий Савельев. Трактор в отряде был один. Ему приходилось днём разматывать косы, перетаскивать балки, а на ночь ехать в Уренгой за десятки, а потом и за сотню километров, чтобы привезти солярку или взрывчатку. Но Гена выдержал.

Радиостанция в отряде была РПМС (кто ещё помнит такие?), мощностью меньше ватта, и, если случались трудности с прохождением, оператор Валера Дьячков накидывал пару крючков на медные провода проходившей вдоль зимника линии Москва – Салехард – Игарка, звонил в Уренгойский линейный технический участок и просил позвать Цыбенко. Обычно тут же в Уренгой звонили соответствующие ведомства и говорили, что на таком-то километре вас подслушивают. За линией строго следили: когда устанавливалась правительственная связь, шла команда: «Самолёт вылетел» – и всех срочно отключали».

Кстати, Леонид Евсеевич до сих пор хранит скан-копию исторической схемы маршрута сейсмопартии Владимира Цыбенко зимой 1965 года. На ней, помимо прочего,

Леонид Сокол на сейсмостанции в районе посёлка Уренгой, 1970 год

⁵ Цыбенко В. Л. Открытие века – Уренгой // Советское Заполярье (Тазовский район ЯНАО) – 7 апреля 1981 г. – С. 2.

Леонид Сокол очень хорошо знал сейсморазведчиков легендарной партии «сп-22», п. Уренгой, 1969 год

обозначен фрагмент речного сейсмического профиля, который ранее сделала в 1964 году партия Вадима Темникова⁶.

В этом документе интересны три момента.

Во-первых, в районе современного Нового Уренгоя место слияния рек Ева-яха и Седэ-яха в начале 1960-х годов было чуть восточнее современного.

Во-вторых, отряд Владимира Цыбенко, двигавшийся от посёлка Уренгой, почему-то значительно удалился на юг после реки Марелова-яха и вышел на территорию будущего города в районе современного перекрёстка улиц Крайняя, Таёжная и Южная магистраль.

В-третьих, скважина – первооткрывательница Уренгойского нефтегазоконденсатного месторождения Р-2 была заложена в 1966 году не на профиле работы сейсмиков.

И ожила земля

Итоги работ зимнего сезона 1964–1965 годов выглядели так. Геофизический отряд Владимира Цыбенко западнее посёлка Уренгой пересёк крупную гравимагнитную аномалию. При этом на глубине около километра был выявлен перегиб толщиной примерно

250–300 метров, с большой долей вероятности богатый на нефть или газ.

Теперь уже всем стало ясно – нужны площадная сейсморазведка и разведочная скважина. И они последовали.

В течение 1965–1967 годов значительными силами трестов «Ямалнефтегазразведка» и «Ямалнефтегазгеофизика» вся площадь Уренгойского поднятия была изучена. Были построены структурные карты по основным горизонтам, выданы рекомендации для разведочного бурения. А 6 июня 1966 года работники Уренгойского участка глубокого бурения Нарыкарской нефтегазразведочной экспедиции, пробурив скважину Р-2, доказали наличие на глубине 1147–1259 метров продуктивного газосодержащего пласта. Так было открыто Уренгойское месторождение.

– Можно сказать, что сама логика систематического изучения «белых пятен» на геологической карте страны и, в частности, севера Западной Сибири непременно должна была привести к открытию крупнейшего в мире газового месторождения, – считает Леонид Сокол. – Но, как часто бывает в геологическом поиске, Удача и Провидение позволили дать дополнительный толчок разведке и совершить открытие по крайней мере на год раньше – благодаря сейсмопартии 22/65 Владимира Цыбенко. 🙌

⁶ Темников В. П. Отчёт о работах Ево-Яхинской сп 37/64 и Уренгойской сп 22/65 в Пуровском районе Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области в 1964–1965 гг. – Салехард: Ямало-Ненецкий геологоразведочный трест на нефть и газ, Таркосалинская нефтегазразведочная экспедиция, 1965.

ЧУМОВЫЕ БЕСЕДЫ О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Тундровая практика чжень-цзю-терапии
взбудоражила советских врачей

Анастасия ЛАПСУЙ

стойбище Верхняя Хадыга – Салехард – Хельсинки

Однажды у меня нестерпимо разболелось ухо, как будто внутри головы поселилась тысяча маленьких разбойников – гремят, шумят, грызут меня несчастную.

ФОТО: ФЕДОР ВОРОНОВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

Я положила в ухо кусочек чеснока, привязала к нему мешочек с горячей солью, да на грелке поспала. Жду облегчения, а его всё нет. Пришлось идти в поликлинику на приём к лору. Молодой доктор участливо выслушал мои жалобы и говорит:

– Я вам, конечно, помогу. Но прежде, чем мы приступим к лечению, у меня есть вопрос. Как поступили бы жители тундры в подобной ситуации? Взять, к примеру, вашу маму – что она посоветовала бы?

– Для моей мамы это вообще не болезнь, – горделиво заявила я, – она и не такое лечит...

– И всё же, представьте, что вы оказались не у меня на приёме, а в родительском чуме...

– Прежде всего мама сказала бы так: «На улице мороз, не ходи с непокрытой головой...»

– А вы что, гуляли по Салехарду без шапки и платка?

– Совсем чуть-чуть. По пути на работу перебежала через улицу, а в обед вернулась обратно. Правда, ветер в тот день был очень сильный.

– С вами всё понятно, – вздохнул доктор и выписал направление на диадинамотерапию, известную пациентам как ДДТ.

Здравствуйте, будем дружить долго-долго!

С этого дня стали мы с Борисом Ивановичем Василенко – так звали лора – добрыми знакомыми. Он взял лечение моей хронии под неусыпный контроль и попросил после каждого сеанса электролечения заглядывать к нему на приём. Он был старше меня на десять лет и участливо расспрашивал о моём юношеском житье-бытье. Например, нравится ли мне быть радиокорреспондентом, как ко мне относятся коллеги, какие книги читаю и как провожу свободное время.

Потом как-то незаметно он перевёл разговор на другую тему. Его очень интересовал вопрос: болит ли у оленеводов в чуме голова и как они с этим борются.

– Тут рецепт один: перевязать голову красной шерстяной ниточкой или узкой полоской сукна того же цвета. Затем надо прилечь, отдохнуть и, если боль не пройдёт, измерить голову. Вдруг мозги упали, – отрапортовала я.

– Как упали? Свалились что ли? – от удивления у доктора глаза полезли на лоб.

– Не пытайтесь понять. Просто возьмите ниточку и померьте голову, – успокоила я собеседника.

– А ты сама так делала? Умешь?

– Это же просто, в тундре все так делают.

– Вот отсюда поподробнее... Маргарита Васильевна, – окликнул лор медсестру, – найдите суровую нитку! А ты давай показывай.

Тонкая красная нить

Я усадила пытливого медработника на табурет и принялась за дело.

– Обтягиваем голову ниточкой над ушами и завязываем её на затылке. Вот, хорошо... Теперь надо отметить середину перевязи на лбу, на затылке и над ушами, – недолго думая, я превратила доктора в своего пациента. А он и рад стараться – сидит строчит мои объяснения в блокнотик.

– Далее надо снять ниточку на затылке, потом над ушами и измерить расстояния от отметки до отметки. Если в них есть разница, тундровики говорят, что мозги упали на ту сторону, которая длинней. Уяснили? Теперь осторожно, не причиняя боли, голову нужно подправить движением – как будто сдвигаешь мозги на место, – комментирую я свои действия и аккуратно укладываю Бориса Ивановича вместе с его блокнотиком на

В 1964 году Ямалрадио предложило столичному руководству ввести в штат окружного радиокомитета литературного переводчика. Необходимость такая назрела давно – при подготовке передач на ненецком языке местные радиийщики были вынуждены полагаться на помощь внештатников. Гостелерадио СССР отнеслось к инициативе северян благосклонно. Так на небосводе ямальской журналистики зажглась звезда Анастасии Лапсуй, воспитанницы Салехардского национального педучилища. Штатный знаток ненецкого оказался очень востребован, за качественными переводами к Анастасии Тимофеевне обращались и ученые, и врачи

ФОТО ИЗ АРХИВА АНАСТАСИИ ЛАПСУЙ

кушетку. Поворачиваю его на бок, на здоровую сторону головы, и говорю ласково:

– Успокойтесь, постарайтесь заснуть, а когда проснётесь, вас напоят горячим чаем из *лэ"мор' нодя* – листьев княженики (*Rubus arcticus*). После сна боль обычно проходит.

– Красная ниточка только для головы?

– Не только, – продолжаю просвещать доктора. – Заболит сустав руки или голеностоп – перевяжите и их.

– И сколько дней ходить с красной полоской?

– Пока не забудется боль...

– А почему цвет обязательно красный? А если я синее сукно возьму или белое?

– Красный – сильный цвет. Он как солнце, как огонь, как кровь. Сильнее солнца нет ничего. А у тех, кто с огнём силой померяется, у того кровоток здоровый – и днём, и ночью.

– Тебе завязывали такие полоски?

– Мне-то зачем? Я ж не старуха хромая...

– А ты делала так?

– Говорю вам, в тундре все это умеют. Днём, пока мужчины ездят по делам, бабушки греют возле огня свои больные косточки,

суставы, да нажимают на точку чуть ниже колена. Несколько раз, не торопясь, постукивают по коленкам и опять поглаживают их, греют... Болезнь, что мучает их, у нас называется *мэдиэ*". Кстати, тундровики часто обращаются к моей маме Марии Максимовне за помощью; меж собой они говорят, что у неё хорошие сильные руки. Когда я при ней, смотрю, что и как она делает. Знаю, как растереть, помять, расправить и погреть хворое место. *Мэдиэ*" – крошечные, невидимые, но больно кусачие, не любят, когда их тревожат, поэтому на несколько дней успокаиваются, но перед переменой погоды с новой силой наступают на моих милых бабушек. А те кряхтят, постанывают и просят о помощи. Вижу свою нужность, очень стараюсь. Пока больное колено не остыло, перевязываю красной ниточкой или полоской сукна. Мне нравится помогать бабушкам нашего стойбища, получается не хуже, чем у моей мамы.

– Очень интересно. Но почему ты об этом никому кроме меня не рассказываешь? В Салехарде тоже полно больных бабушек...

ФОТО: АЛЕКСАНДР МИШКИНД / ИЗ АРХИВА АНАСТАСИИ ЛАПСУЙ

Борис Василенко с сыном в годы работы в Салехардской окружной больнице

Арка лекар Борис Иванович

Доктор Борис Василенко оставил яркий след в истории ямальской системы здравоохранения. Работая в 1967–1982 годах врачом-отоларингологом Салехардской окружной больницы, он долгое время возглавлял передвижной медотряд, неделями кочевавший в тундре. В одну из таких поездок он и познакомился с матерью легендарной Инзеледы, Марией Максимовной Лапсуй...

Тесное общение с оленеводами и рыбаками открыло доктору окно в мир народной медицины северян. Он не раз жаловался на отсутствие специальной литературы по этой тематике, а когда представилась возможность, с удовольствием восполнил этот пробел, опубликовав шесть научных работ по гигиене, прижиганию, иглоукальванию, методам лечения тундровиков и таёжников в дореволюционной России.

«К сожалению, о народной медицине ненцев, ханты, манси мы знаем далеко не всё. Но и те сведения, что сохранились, содержат в себе достаточно много рационального, того,

– Другим такие методы могут не понравиться или навредить.

– Тебе или твоей бабушке, дедушке они только помогают, а другие чем хуже?

– Понимаете, мы из одного чума или из одного стойбища, мы верим друг другу, делаем добро...

– Значит, надо верить... А ты веришь мне, поможет моё лечение твоему уху?

– Вы врач. Вы окончили вуз. Даже большие начальники приходят к вам на приём, так что да – я вам доверяю.

Когда бабушка важнее шамана

Каждая наша встреча с Борисом Ивановичем – это несколько новых страниц в его блокнотике. Врач тщательно всё записывает, вникает в детали. Смотрю я на него и удивляюсь искреннему интересу и заботе пришлого человека о здоровье тундровиков. Некоторые его вопросы мне кажутся нелепыми, про такое у нас в стойбище даже малыши знают, а ему невдомёк. А уж когда он спросил о роли шамана в процес-

ФОТО ИЗ АРХИВА АНАСТАСИИ ЛАПСУЙ

Рыбацкий бригадир Тимофей Лапсуй трудился ударно. Его успехи отмечены множеством грамот и благодарностей. На этой фотографии, сделанной в 1975 году, он запечатлен после знакомства с доктором Василенко

что могут взять на вооружение современные врачи», – писала в 1985 году о подвижнических трудах Бориса Ивановича газета «Тюменская правда».

А вот выдержка из работы самого Василенко. Его статья «Традиционная гигиена народностей Севера» была опубликована Рижским мединститутом в 1985 году:

«Внутри оленьего волоса имеется воздушная полость, что делает мех очень тёплым, но в то же время и хрупким. Прежде ненцы не знали нижнего белья, а надевали одежду непосредственно мехом к телу. При этом все кожные выделения и грязь счищались волосками, которые затем обламывались. Сняв одежду, её тщательно высушивали и выбивали специальными колотушками, удаляя обломившиеся волоски вместе с загрязнениями.

Если учесть, что вплоть до XX века ненцы банями не пользовались, то это был единственный способ очистки кожи, притом довольно эффективный.

По свидетельству очевидцев, люди, живущие в посёлке, носящие бельё, бывающие

в бане, выглядят подчас куда менее привлекательно, чем пастухи, постоянно работающие в тундре и пользующиеся традиционной одеждой».

Уже став знаменитым, доктор передал в фонды Госархива Тюменской области опросные карточки своих респондентов. Их содержание до сих пор поражает исследователей. Взять, к примеру, анкету пятидесятилетней домохозяйки из Панаевска. В 1968 году, когда отечественные врачи уже и в космос слетали, и делали уверенные шаги в трансплантологии, эта женщина поведала доктору о том, как лечилась прижиганиями от бесплодия. Помогло!

«Говорит, что прижигания делала себе сама комочком тлеющей чаги, – записал по этому поводу Борис Иванович. – После замужества долго не было детей. Делала прижигания в левом подреберье – родила пятерых...»

Кстати, следы прижиганий – тринадцать красноречивых рубцов – засвидетельствовали и другие медработники, включая заведующего окружным здравотделом Павла Московкина.

се лечения – я чуть не рассмеялась. Мне, комсомолке, вчерашней выпускнице национального педагогического училища, живо представилась комичная картина такого симбиоза.

– Если у человека разболелась голова, чем ему поможет шаман? Что он может сделать? – хохотнула я.

– Ну, он же всё знает, – немного смутился мой собеседник.

– Да нет же, всё совсем не так... Чумовые бабушки в вопросах здравоохранения разбираются лучше шаманов и, как правило, обходятся без поселковых врачей и камланий.

Мой ответ до того поразил Бориса Ивановича, что он в сердцах выпалил:

– Инзеледа! Инзеледа! Ну до чего же я рад нашему знакомству! Как же мне не хватало такого собеседника!

– А вы знаете, что означают эти позывные? «Внимание! Внимание! Слушайте все, кто меня слышит!» – рассмеялась я.

– Знаю-знаю. Надо же, пока я мечтал о толковом консультанте и переводчице, ты сама ко мне на приём прибежала...

«Убедились в том, что у ненцев существует и практикуется прижигание, и только после этого поверили мне», – подытожил исследователь.

От себя добавим: эти манипуляции были выполнены по особой схеме, не владея исчерпывающими знаниями в области медицины, не стоит пытаться повторить этот опыт.

И всё же, сейчас таким методом на северах уже мало кого удивит, популяризация народной медицины сделала своё дело. По словам наших коллег из национальных печатных изданий ЯНАО, прижигание практикуется не только в стойбищах, но и в отдалённых населённых пунктах. А в далёком 1968-м Борис Василенко писал:

«Ненец, 74 года, оленевод, кочует, п. Тарко-Сале, Вынгапур. Знает о лечении прижиганиями, видел неоднократно и на себе испытывал... Ему когда-то по поводу головных болей делали прижигание папиромой в височной области с двух сторон, с тех пор голова никогда не болела...»

И, возможно, самое удивительное:

«Нами осмотрен 91 житель тундры (все ненцы), среди них 76 взрослых и 15 детей,

Главное – правильно спросить

Доктор Василенко, как мне помнится, был неплохим психологом. Начал знакомство с близкой мне темой. То, как родители справляются с хворями моих братьев и сестёр, меня волновало более чем.

Со временем я прониклась к нему большим доверием, рассказала о всей своей родне, подробно поведала о талантах Марии Максимовны Лапсуй, моей матери – поющей сказочницы и незаменимой помощницы молодых мамочек при родах. Я так увлеклась, что неожиданно для самой себя ляпнула:

– А хотите, я вас с ней познакомлю?!

– А мама не будет против?

В январе, в период самых сильных морозов, разболелся мой отец Тимофей Ефимович. К счастью, день был солнечный, и с пролетавшего над стойбищем вертолёта заметили мою маму – она отчаянно размахивала возле чума красным платком, привлекала внимание экипажа. Вертушка села, пилоты

которым делали лечебное прижигание по поводу различных заболеваний. Сравнение точек, используемых для прижигания ненцами, с точками чжень-цзю-терапии показало, что в большинстве случаев как сами точки, так и их показания к применению совпадают».

За долгие годы работы в тундре наш герой снискал среди кочевников заслуженную славу, его называли «арка лекар» – большой врач. Пациенты окружной больницы в нём тоже души не чаяли, и даже если была возможность приняться у другого отоларинголога, выстаивали на приём к Василенко длинные очереди. Покинув в 1982 году Ямал, доктор руководил Музеем истории здравоохранения Тюменской области, участвовал в различных экспедициях и исследованиях, а в 1992 году вернулся в Арктический регион и вплоть до 1998 года трудился в Аксарковской районной больнице.

В 1997 году указом Президента РФ кандидат медицинских наук, Заслуженный врач РСФСР Борис Василенко награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

КОЛЛАЖ: ТАРИНА СЕВЫН / «СИАЛ-МЕДИА» / ФОТО: ФЕДОР ВОРОНОВ, АЛЕКСАНДР РОМАНОВ, ГРИГОРИЙ ПИСОТСКИЙ / SHUTTERSTOCK / FOTODIOM

увидели, в каком состоянии находится мой отец, и сразу погрузили его на борт, увезли в Салехард. Так он оказался в терапевтическом отделении окружной больницы. Вскоре туда прибежал знакомиться Борис Иванович, мужчины пожали друг другу руки. Их дружба длилась долгие годы...

Позже, облетая север округа с бригадой врачей, доктор познакомился с моей мамой, пообщался со старушками, которых она лечила, пополнил свой исследовательский материал новыми уникальными сведениями. Кажется, он был счастлив. Моя семья открыла ему целый мир, помогла увидеть тундровую жизнь глазами кочевника.

Взять, к примеру, мою маму. Живя в суровых условиях Заполярья, в ежедневных походах за дровами она научилась различать и применять травы. А помогли ей в этом... ненецкие оленегонные лайки! Да-да, природой ведь как заведено – заболает в стойбище собачка и сразу подалее от чума в тундру бежит, целебные травки ищет. Наблюдая за их поведением, за тем, какие растения они только нюхают, а какие едят, моя наблюдательная мамочка освоила азы фитотерапии, успешно применяла полученные знания при лечении людей.

Здесь не Тибет, и всё же...

Мы, ненцы, получаем в дар от природы то, что в городах стоит больших денег. Взять, к примеру, северные ягоды – они заменяют нам многие лекарства и витаминные комплексы.

Первой в тундре поспевают *мара́нга* – морошка (*Rubus chamaemorus*). Малыши понемногу лакомятся её зелёными недозревшими плодами. Матери им не препятствуют: «Раз лялька хочет, значит, организм требует».

Какими бы несмышлеными ни были тундровые детки, они и зрелую ягоду, как правило, не переедают. Внутри каждого карапуза сидит маленький «регулятор». Если же у какого-нибудь сладёны всё же случается запор, мама даёт ему пару ложек чистого рыбьего жира – и недуг проходит...

Для длительного хранения тундровики кладут ягоды в стеклянные банки или эмалированные вёдра, засыпают их сахаром и ставят в ямы, вырытые в вечной мерзлоте. Так они могут храниться и месяц, и более...

Моя мама была мастером консервации. Зимой она собирала *нянко* – рубцы (*cicatrix*) шедших на забой оленей. Они хорошенько вычищались, сушились, коптились над костром, пока не размякнут.

Летом в период сбора дикоросов тундровики предпочитают молодую, только начавшую раскрываться морошку. Переспелая ягода быстро мнётся и теряет красивый вид. Да и очищать её от тундрового сора несподручно.

Мама пересыпала собранные ягоды в высушенные, прокопчённые дымом олени *нянко* и заливала их рыбьим жиром. Кстати, точно так можно хранить *лынзермя* – голубику (*Vaccinium uliginosum*), и *ламду́й* – чернику (*Vaccinium myrtillus*). Когда ягоды кончаются, пропитанный рыбьим жиром и соком ягод рубец съедается, он очень вкусен.

Лишь в зрелом возрасте я поняла, что морошка запасалась в нашей семье не только для лакомства, мама нас ей лечила. Эта ягода – отличное спазмолитическое, противомикробное, мочегонное средство. А её листья хороши не только как основа для чая, но и помогают бороться с простудой.

Собирали мы и *тосэля* – водянику (*Empetrum*), именуемую среди других народов шикшей. Люди обычно не жалуют эту чёрную чудо-ягодку, но наша мама её почитала. Если нам удавалось набрать хотя бы ведёрко водяники, она радовалась и заливала добычу рыбьим жиром – летом в разгар путины у нас его всегда было много.

– Очень сильная ягода, – приговаривала моя мама, консервируя тосэля. – Она и лежачего на ноги поставит.

А вот соседки почему-то были равнодушны к этому дикоросу. Глядя на них, и я ленилась его собирать, но мама терпеливо наставляла: «В тундре нет ничего лишнего, всё, что в ней растёт, создано для человека!»

Выслушав рассказ о сборе чёрной ягоды, Борис Иванович добавил, что в ней много витамина С, а также органических кислот, дубильных веществ и минералов. Его удивили глубокие познания в области фитотерапии моей многодетной необразованной матери (ни русского языка, ни грамоты она не знала). Ну, а уж то, что она умело пользуется некоторыми навыками иглотерапии, прижигания и массажа, и вовсе поставило его в тупик.

– Откуда она всё это узнала? Кто научил? Здесь ведь не Китай, не Тибет...

– От мамы – моей бабушки. А та от своей родни по материнской линии. В тундре это обычная практика. Кому, как не матерям, учить своих дочерей готовке пищи, пошиву одежды, азам врачевания...

– Ну хорошо. А какими иглами пользуют-ся тундровые знахарки?

– Обычными, швейными. Ненецкая женщина никогда не расстаётся с иголкой. Что-то оторвалось, прохудилось – необходимые для ремонта принадлежности всегда должны быть под рукой. И если вдруг понадобится вскрыть нарыв или извлечь занозу (частая в походных условиях микротравма), без иглы тоже не обойтись.

Особая святая болезнь

Как-то раз, сидя в чуме у очага, мы беседовали о всякой всячине. Доктор периодически что-нибудь спрашивал у моей мамы, а я переводила.

– Инзеледа, спроси у Марии Максимовне ещё вот что, – попросил Борис Иванович, – в специальной литературе нет ни слова об обычаях, связанных с деторождением в тундре. А ведь эти знания очень важны для современных докторов, особенно для тех, кто работает в санавиации.

Услышав такое, я с головы до пальцев ног покрылась испариной. Разве про такое спрашивают? Совсем нет стыда!

– Пожалуйста, спроси её, – не унимается доктор. – Это же сама жизнь! Понимаю, что тема сакральная, но я обещаю ни с кем, кроме коллег, услышанное не обсуждать.

Я кое-как перевожу вопрос. Мне стыдно, но мамочка крепко призадумалась, потом заговорила.

– Для дела спрашивает... На бумаге напишет, потом кто-нибудь грамотный прочтает и новое для себя уяснит... Беременность – это не простая болезнь, святая, – многозначительно отметила она. – Про женщину, что вынашивает дитя, у нас говорят: *Едя' ниня мэ* – «Она перед особой болезнью». Когда дело уже идёт к родам, в стойбище привозят повитуху. Вообще, в тундре любая женщина способна принять младенца, но это ответственное дело, как правило,

К деторождению в тундре относятся очень ответственно

доверяют самым проверенным, авторитетным. Особенно если речь идёт о молодой, первородящей. А ещё желательно, чтобы рядом с ней были самые близкие родственники по женской линии. Обязательно свекровь и мать – они приходят со своими *Мяд' пухуця* – богинями, покровительницами рожениц, которые уже не раз помогали им и их предкам. На их чудодейственную силу надеются особо. И молодой муж всё время прохаживается возле чума; то собаку подзовёт, то с оленями поговорит. Таким образом он сигнализирует супруге, дескать, я рядом, ничего не бойся, всё будет хорошо. Вот так и выходит, что роженица со всех сторон окружена вниманием и любовью. И пламя её очага горит ясно, не дымит, потому что *Ту хада* – Дух огня – обещает матери и её малышу заветрашний день. А взрослые женщины у постели подопечной тем временем приговаривают, комментируя событие: «Огонь твоего чума с тобой. Душа твоего чума над вами, защищает от всего злого, чужеродного. На постели *цытарма* – вместилище души прадеда – он с нами. *Мяд' пухуця* – Богиня, покровительница рожениц – доброе ухо открыла, нашим словам внимает. Ласковым взглядом глядит...»

Хылвдась – и ожил младенчик!

Диалог моей мамы с доктором был настолько ярким, что хоть и прошло уже более полувека, отдельные моменты помнятся до сих пор.

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Обращаясь через меня к Борису Ивановичу, мама отметила, что от ощущений первых родов зависит дальнейшая жизнь женщины. Тело запоминает все особенности этого важного процесса. Если первые роды были лёгкими, кратковременными, то и в дальнейшем женщина будет легко разрешаться.

– А бывают ли осложнения? – не унимался мой старший товарищ.

– Порой случается, что ребёнок рождается как будто мёртвый – не дышит и не шевелится. Но это только на первый взгляд. Если повитуха не растеряется и поможет малышу проснуться, он встрепенётся, заплачет...

– А как помочь, как разбудить? – доктор придвинулся поближе к рассказчице, ожидая, что она не только опишет, но и покажет манипуляции знахарки.

– Испокон веку повивальные бабушки делали в этом случае *хылвдась* – покачивали малыша вверх-вниз – вот так, – мама показала доктору заученное до автоматизма движение. – А потом они делали *лысабтась* – покачивали младенца так, чтобы всё тельце колебалось. Вначале медленно, потом посильней. Не помогло – потряхивали его и – *петензь* – похлопывали по попке... Последний, самый главный метод – они прокалывали середину каждого пальчика с внутренней стороны. Делали это осторожно, буквально чуть-чуть доставая до крови. Между процедурами всё время повторяли покачивание. Ну, а если и это не помогало, прибегали к крайним мерам...

– Каким? – буквально взмолился исследователь.

– Укалывали кончик носа. Да-да! Это место особо чувствительно и у людей, и у животных. К примеру, удар по носу может остановить агрессию даже крупного зверя. И последнее, что происходило, быть может, в одном случае из тысячи – малышу укалывали серединку переносицы, между глаз. Если же всё это не помогало, новорождённого безвозвратно клали на *сея'ня'*, на *пады* – на обувной мешок матери. Правда, такое случалось исключительно редко, а в моей практике и вовсе не было.

«Люди, я здесь!»

В той давнишней беседе доктора интересовали сведения прикладного характера. Мне же,

пользуясь случаем, хочется заострить внимание на эмоциональной стороне вопроса. Ведь многое зависело не только от знаний повитухи, но и от её психологической закалки и выносливости. Нетрудно догадаться, как сильно уставали эти немолодые женщины. Положив младенца на животик, они всё время держали его на ладони, покачивали особым образом. При этом они неустанно поддерживали головку малыша, не сильно, чтобы не поранить, но достаточно цепко, чтобы он не упал. Глядишь, с бабушки уже пот градом летит, а она всё работает – как бы трудно ей ни было, от неё ждут живого малыша! И вот по проществу какого-то времени кожа крохи начинает розоветь, и уже улавливается еле заметное его шевеление. Повитуха хлопает «пациента» по попке – ну, всё, вздохнул! Между тем несчастная мать, стоявшая всё это время на коленях ничком, совсем истомилась. Теперь задача знахарки успокоить её, привести в порядок. Родня ласково переворачивает «больную» на спину, и ей кладут на грудь ребёнка.

Дитё и мать наконец-то снова вместе, они согревают друг друга и чувствуют себя единым целым. Постепенно сердце роженицы подстраивается под ритм детского сердцебиения. Даёт ему время прийти с собой в унисон, затем спокойно набирает ход, выводит его на определённую природой частоту. Вот тут и раздаётся детский плач: «Люди! Я здесь!» Малыша в это время никто не успокаивает: пусть наплачется, прочистит лёгкие. Лишь после этого он впервые прикасается к соску. Мать охватывает незнакомое горячее чувство, просыпается стремление защитит это беспомощное, во всём зависимое от неё создание, а боль и усталость постепенно забываются, уходят на второй план. А кроха, присосавшись, через молоко познаёт любовь своей матери. Самой вкусной на свете!

– Таких ребятишек называют *Хабэця*, *Мертвенький*, *Сярцена*, который резко крикнул; их имена свидетельствуют об обстоятельствах появления на свет.

Всему научит матушка-природа

– Откуда знаете, как принимать роды? – доктор Василенко, похоже, решил выпро-

силь у моей матери все военно-медицинские тайны. – Кто вас этому научил?

– Моя мама и... олени. Я ж дочь тундровика, видела, как мой отец помогает разрешиться важенкам. Но для этого надо иметь правильные руки, особенно если применяешь свои навыки на людях.

– А правильные – это какие?

– Они должны чувствовать не только ребёнка, но и боль матери. А ещё их хозяин должен быть глазастым, следить, чтобы спинка и головка новорождённого были правильной формы. И если что-то не так – поправить, пальцы при этом должны быть чуткими.

– Новорождённого моете?

– Да, для этого используется тёплый отвар *тюнаць* – берёзовой чаги (*Inonotus obliquus*).

– А чем вытираете малыша?

– Для этого есть *варав*, тончайшая, лучше всего берёзовая, стружка.

– А ещё какой варав бывает?

– *Нерка варав* – варав из ивы (*Salix*). Вот, смотрите...

Мама протянула доктору домашнюю заготовку. Борис Иванович с интересом ощупал пучок стружки, несколько раз приложил к

щекам, подивился мягкости и нежности полуметровых ивовых прядей.

– Даже жаль такую прелесть использовать в гигиенических целях! – подытожил он. – Не проще ли купить обычное полотенце?

– Полотенце надо постоянно стирать, а варав использовал и выкинул.

– Инзелета! А ты умеешь строгать *варав*?

– Как и все жители тундры. Маленькие девочки не раз порежутся специальным острым ножом, прежде чем освоят этот навык. А без *варав* в тундре не обойтись, он нужен и в качестве альтернативы полотенца, и чтобы сопляки детям подтереть...

P.S. Наши беседы с доктором Василенко продолжались достаточно долго, чтобы удовлетворить его интерес к этой теме. Собрав объёмный научный материал, он издал монографию «О народной медицине ненцев Ямала: Приуральский и Ямальский районы», защитил кандидатскую диссертацию по теме «Нетрадиционные методы лечения в современных условиях и история нетрадиционной медицины КМНС Ямала». Трудно найти человека, чей вклад в изучение и популяризацию старинных методов лечения северян был бы столь весом. 🐾

С детства наблюдая за домашними животными, многие тундровики осваивают азы траволечения

ФОТО: ОЛЕГ ДОР ВОРОНОВ / «ЯМАЛ-МЕДИА»

КАК РЫБУ «БРАЛИ ШТУРМОМ»

Там, где промысловики оказались
бессильны, выручили учёные

Ирина РАМИЕВА

г. Салехард

Восемьдесят лет назад на Ямале побывала научная экспедиция, круто изменившая судьбу матушки-Оби и её природных богатств. Шла Великая Отечественная война, страна остро нуждалась в продовольствии, и развитие рыбного промысла на отдалённых территориях виделось одним из решений этой проблемы. Правда, было одно но: в Москве очень приблизительно представляли себе объём северных запасов «живого серебра», а значит, не могли грамотно планировать его добычу. Это сильно ударило по водным биоресурсам, хотя годовые госзадания для рыбной отрасли региона за всю войну так ни разу и не были выполнены – по вполне объективным причинам.

ФОТО ИЗ АРХИВА ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЫСШЕГО РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТУ

Александр Пробатов указал, в каких частях Обской губы необходимо ослабить интенсивность рыболовства, а где, наоборот, требуется организовать промысел, и не только рыбы, но и морского зверя

Прояснить ситуацию поручили группе исследователей под руководством выдающегося учёного – ихтиолога, доктора биологических наук Александра Николаевича Пробатова. Увиденное он изложил в докладе, черновики которого ныне хранятся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).

«...Можно выловить здесь 500 000 тонн рыбы или миллион тонн, но это качественно непригодный продукт, который в Тюмени или ещё где-нибудь будет выброшен в помойку. Директор Новопортовского рыбозавода радуется, что у него кривая вылова рыбы идёт вверх, и ждёт поощрения. Но если посмотреть качество этой рыбы – она никуда не годится. Это даже не просто плохой продукт, это сгнивший продукт, который наваливают и таскают в каких-то грязных мешках... Всюду сиговые породы свалены в кучах, подтекают зловонные лужи. Такую непригодную рыбу грузят и отправляют в Салехард и дальше в Тюмень... Меня крайне интересует, куда она там девается? Лучше выловить 100–150 тысяч центнеров и как следует дать этот продукт, чтобы он стал гордостью обского рыболовства, чем выловить 500 000 центнеров, из которых 300 000 центнеров непригодной продукции... Богатством обского рыболовства яв-

ляются сиговые породы рыб: муксун, сырок, щёкур, пыжьян... Моё мнение: в низовьях Оби эти крупные сиговые породы рыб находятся на перелове, а некоторые – на грани перелова. Поэтому рассчитывать на увеличение их вылова не следует...»

Уловы удвоить, а лучше – утроить!

– За два года до экспедиции, в январе 1942-го, Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Уловы требовалось удвоить и даже утроить. К примеру, в 1943 году Ямалу следовало сдать 265 тысяч центнеров рыбы. Руководство округа взяло на себя дополнительное обязательство – «дать стране и фронту 35 тысяч центнеров сверх плана», – рассказывает младший научный сотрудник истории и археологии Научного центра изучения Арктики Ольга Рябкова. – Отмечу, что увеличение планов означало переход на круглогодичный промысел; до 1942 года основной лов шёл в период весенне-летней путины. Однако план в тот год не был выполнен, сдали всего 226 тысяч центнеров. Не хватало людей, орудий лова, соли, тары, речной флот находился в неудовлетворительном состоянии. Ещё одна причина – отсутствие знаний о сезонной миграции рыбы.

По словам собеседницы, эта проблема у всех была на слуху. Говорили о ней и весной 1943-го – на Шестой сессии Ямало-Ненецкого окружного совета депутатов трудящихся. В Государственном архиве ЯНАО хранится текст выступления общественного деятеля, заведующего окружным музеем Василия Семёновича Денисенко: «Нам нужно производить разведку и т.д. Нужно втянуть больше сил в это дело. До войны в зимнее время рыбу ловили мало. Поэтому о зимней дислокации рыб нам известно мало. Это главная причина, почему зимой мы ловим рыбу плохо. Неправильно говорить и то, что мы знаем летнюю миграцию рыбы. В Ямало-Ненецком округе работает четыре ихтиолога. Этого мало... Мы не знаем точного описания наших водоёмов. Пе-

Зимний лов получил развитие тогда же

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МКК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

В годы Великой Отечественной войны партийные призывы к рыбакам звучали по-военному: «Взять рыбу штурмом!»

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МКК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

ФОТО: ВЛАДИМИР ЕВЛАДОВ / ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Рыбный промысел на фактории Дровяная, 1936 год

ски, находящиеся вблизи населённых пунктов, известны, но перед нашим округом стоит задача – заняться изучением водоёмов».

На борту «Гидрографа»

Ольга Викторовна проследила путь исследователей буквально по дням. Итак, экспедиция прибыла в Салехард в июне 1944 года на пароходе «Карл Либкнехт». Отряд состоял из

трёх человек: руководителя Пробатова, инженера Агапова и лаборанта Сеницына. Прежде всего они занялись сбором информации о количестве рыбы, выловленной на песках Оби и Обской губы в разные годы.

Первого июля исследователи поднялись на борт мотобота «Гидрограф», который открывал навигационную обстановку на водных путях округа. Судно шло согласно плану технического участка – вся акватория Обской

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Так выглядел посёлок Новый Порт в сороковые годы прошлого века

губы, начиная от Ямальского бара. С разрешения капитана матросы «Гидрографа» и лаборант Сеницын отправлялись ловить рыбу на берег. Добытые хвосты измеряли и взвешивали, затем Пробатов вскрывал отобранные экземпляры для определения содержания их желудков, состояния икры или молок, снимал чешую. Исследованию подверглись сотни экземпляров ряпушки, сырка, пыжьяна, нельмы, омуля и других рыб.

Больше двух недель «Гидрограф» ходил по южной части Обской губы, так как северная и средняя части ещё не очистились ото льда, периодически судно стояло у Нового Порта. Мотобот, помимо обеспечения безопасности на водных путях, перевозил бригады промысловиков на пески. Так, в Новом Порту к экипажу судна и исследователям присоединились рыбаки из Нового Порта, которые должны были работать возле приёмного пункта «Котельниково». Отряд экспедиции пополнился опытным бригадиром рыбаков Я. И. Скворцовым.

В середине июля мотобот пересёк Обскую губу и остановился у мыса Трёхбугорного (Гыданский полуостров) возле устья Тазовской губы, рыболовецкая бригада отправилась к приёмному пункту «Котельниково» на лодках. Вместе с ними поехали Александр Пробатов и Максим Сеницын.

– «Гидрограф» вернулся за ними в начале августа, и отряд отправился исследовать акватории Обской, Тазовской губ, побережья Гыданского полуострова, пролива Малыгина. Дошли до мыса Головина – западной оконечности пролива Малыгина, затем судно повернуло обратно в Обскую губу, – показывает маршрут экспедиции Ольга Рябкова. – Уже был собран богатый исследовательский материал, но Пробатов решил продолжить. До Байдарцкой губы, где до этого не проводились ихтиологические исследования, отряд добирался по суше.

Учёный труд до ледостава

Четырнадцатого августа ихтиологи высадились в северо-восточной части полуострова у фактории Тамбей. Местные власти обеспечили их транспортом – караван из колхозных оленей возглавил бывалый кочевник Яптик, а его тринадцатилетний сын стал переводчиком.

Из Тамбея вышли в 23 часа 24 августа, к десятому сентября экспедиция добралась до фактории Морды-Яха. Здесь был всего один дом из трёх комнат. Самую большую занимали магазин и чайная, в двух других жили охотник Егор Юдин с женой (она работала пекарем) и заведующий факторией Дмитрий Юдин. Неподалёку находилось летнее стойбище ненцев-рыбаков, состоявшее из пятнадцати чумов. В первые же дни Александр Пробатов провёл для местного населения большое собрание, подробно рассказал о задачах экспедиции.

В сентябре в районе Морды-Яха начался ход омуля, а затем – наваги. Отряд привычно занялся анализом выловленной рыбы. Работа продолжалась до 21 октября, затем река покрылась льдом, и лов прекратился.

Экспедиция поворачивает на Полярный Урал

Теперь экспедиции предстояло вернуться в Москву. Путь был не близкий. От фактории до Салехарда – 900 километров по суше. Затем планировался перелёт в Омск или Тюмень, потом пересадка на поезд, чтобы уже

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНЦОВСКОГО

Фактория Тамбей – одна из старейших в округе и одна из самых северных. Находится на берегу Обской губы

с комфортом домчать до столицы страны. Однако на фактории Пробатову посоветовали отправиться в Воркуту. Она находилась примерно на том же расстоянии, что и столица национального округа, зато оттуда можно было добраться до точки назначения напрямую по железной дороге, открытой в декабре 1941 года. Впрочем, путь этот был сложнее, исследователям предстояло перевалить через Полярный Урал, и Пробатов крепко подумал, прежде чем решиться на такое...

В путь экспедиция отправилась 12 ноября, до ближайшей фактории Усть-Юрибей ехали шесть дней. Затем была фактория Лаборова неподалёку от реки Щучьей. Отсюда начинался самый трудный горный участок маршрута. В итоге дорога до Воркуты заняла пятнадцать дней.

Большую исследовательскую работу на Ямале Александр Пробатов продолжал до 1947 года, собрав уникальные материалы по юго-восточной части Карского моря. В 1947-м он опубликовал статью «Рыбное

хозяйство Обско-Тазовского и Ямальского районов (Карская научно-промысловая экспедиция)». В ней учёный подробно описал особенности арктического рыболовства, охарактеризовал имеющиеся техники лова и обработки рыбы, определил возможности сырьевых и рыбных ресурсов, дал рекомендации по развитию рыбной промышленности округа. К примеру, предложил расширить консервное производство в Салехарде и Тазовском, построить в опытном порядке две небольшие консервные мастерские в южной части Обской губы, выпуск консервов в округе довести до 10–12 миллионов банок в год, расширить сеть холодильников.

За большой вклад в развитие отечественной ихтиологии и подготовку специалистов Александр Пробатов награждён орденом Ленина, орденом «Знак Почёта», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, знаком «Отличник рыбной промышленности». 🇷🇺

ФОТО ИЗ ФОНДА МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

По результатам экспедиции были открыты новые заполярные промыслы: Котельниково, Напалково, Трёхбугорный, начался массовый экспедиционный лов рыбы в ранее недоступных водах низовья Обской губы

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ

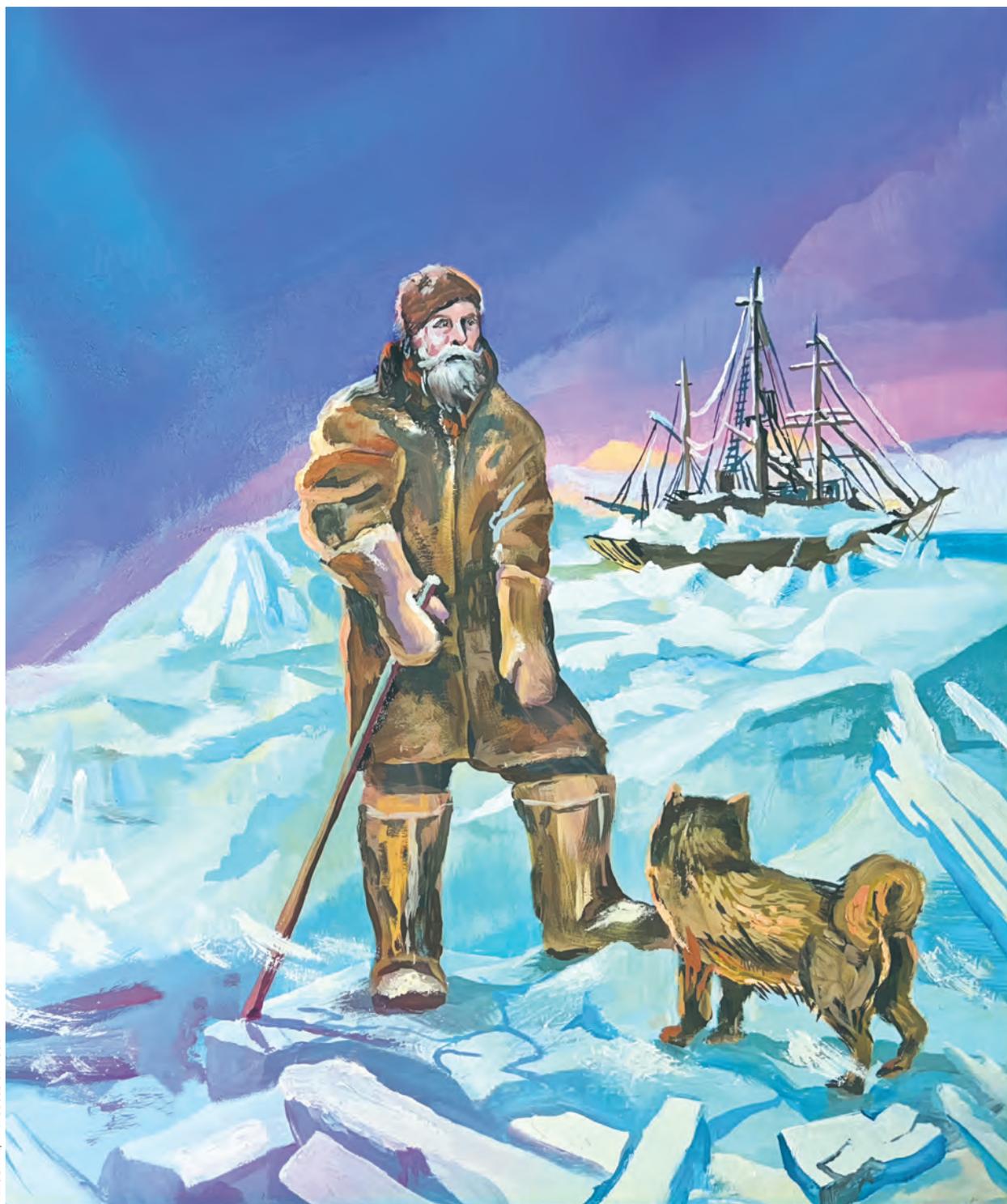

ИЛЛЮСТРАЦИЯ. ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

НЕНЕЦКИЙ КРЕСТНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Как обдорянин с представителями
августейшей фамилии переписывался

Вячеслав СОФРОНОВ

профессор, доктор исторических наук, член Союза писателей РФ

г. Тобольск

Ровно 170 лет назад в Придворном соборе Зимнего дворца произошло событие, поменявшее расхожее представление о взаимоотношениях монарших особ и аборигенного населения Русской Арктики. Казалось бы, а какие вообще могли быть связи между простыми кочевниками и представителями императорской фамилии? О чём они могли беседовать, что их связывало кроме рассказов друг о друге в изложении путешественников и должностных лиц?

Архивные документы являют нам немисли- мую с обывательской точки зрения картину: царь, жалующий ненецкого оленевода наград- ным оружием, Великий князь, добровольно принимающий на себя заботу о духовном здра- вии немолодого самоеда, и генерал-адъютант, пишущий из осаждённого Севастополя пись- мо в далёкую тундру. Все эти яркие образы – страницы жизни одного человека, чья судьба наилучшим образом иллюстрирует тезис о том, что Россия не столько покоряла, сколько объ- единяла народы, ныне населяющие её. А если добавить к этому сцену спасения известного мореплавателя тем самым крещёным тундро- вником, получится неплохой сюжет для при- ключенческого фильма или романа.

Крещается раб Божий...

В фондах Тобольского государственно- го историко-архитектурного музея-запо- ведника хранится документ, датированный 24 февраля 1854 года, скреплённый печатью Придворного собора Зимнего дворца.

Приведём здесь основную его часть:

Свидетельство

Данное в том, что в Метрической Кни- ге Придворного Собора Зимнего Дворца за

1854 год в первой части «о родившихся» под № 3 (мужского пола) значит: Алек- сандр 40 лет, Самоедского Старшины Та- юндомы Худина племянник Пайона Худин из инородцев, идолопоклонник, крещёный с Высочайшего соизволения в малой Церкви Зимнего Дворца сего года февраля 23 дня. При крещении восприемником соизволили быть: Его Императорское Высочество Ве- ликий Князь Михаил Николаевич и Ея Им- ператорское Высочество Великая Княгиня Ольга Николаевна.

Таинство крещения совершил Духовник Их Императорских Величеств Протопрес- витей Василий Борисович Бажанов с Пса- ломощиками: Николаем Гавриловым сыном Травлинским и Дмитрием Яковлевым сыном Братолюбвым¹.

Крещение человека, исповедовавшего ра- нее язычество, – обыденное явление дорево- люционной России. Больше того, известна масса случаев, когда на имя того или ино- го императора приходили прошения от его подданных с просьбой стать крёстным отцом их ребёнка. Государь обычно давал своё со- гласие на это. Однако в нашем случае ненец Александр Худин (Худи)² преодолел до кре-

¹ Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 13426/1-11. Переписка Березовского старшины Александра Худина. 1864 г.

² Более правильно употребление «Худи» – так именовался один из ненецких родов, потомки которого и в настоящее время проживают на Ямале. «Худиным» он стал в официальных документах в русской транскрипции.

шальной купели не одну тысячу вёрст и предстал перед православным священником не в провинциальном храме, а в церкви, от которой рукой подать до царских покоев. Спрашивается, что подвигло его проделать столь долгий путь? Не мог же он просто явиться во дворец к императору и объявить о своём желании принять Таинство Святого Крещения! Наверняка этому предшествовали некие события, которые и привели нашего героя в Санкт-Петербург. С большой долей вероятности это могло быть связано с его высоким статусом среди тундровиков. И лишь после предварительной беседы со священником Александр Худин был допущен до крещения.

Опыт первый, неудачный

Если мы слегка углубимся в историю православия на севере тогдашней Тобольской епархии, то на этот счёт известно, что ещё в 1600 году в царствование Фёдора Иоанновича крестился один из обдорских князей, прибывший в Москву «по делам управления вверенного ему народа». При этом ему дали православное имя – Василий, в честь чего через пару лет на полярном круте был заложен храм во имя Св. Василия святителя Кесарии Каппадокийского³.

В XIX веке по инициативе Тобольского архиепископа Евгения (Казанцева), занимавшего кафедру с 1826 по 1831 год, была открыта Обдорская православная миссия⁴. Возглавил её иеромонах Боровского Пафнутьева монастыря Калужской епархии Макарий (Боголепов)⁵. В помощники себе он взял ученика Тобольской семинарии Луку Вологодского, знавшего языки северных народов, и Никиту Соловьёва, приехавшего вместе с ним из Калуги. В Березове миссионерам было передано необходимое для богослужения оборудование, церковные книги и прикомандирован толмач. 20 июня 1832 года они прибыли в Обдорск, где и обосновались.

К исполнению своих обязанностей миссионеры приступили уже в первые дни пребывания в Обдорске. 28 июня ими был окре-

щён ненец по имени Пика⁶, а вслед за ним и другие туземцы из числа местного населения. Принять крещение соглашались главным образом аборигены, которые проживали в работниках у русских или зырян и не имели постоянной связи с соплеменниками. Но основная часть туземного населения поначалу отнеслась к действиям миссионеров настороженно. Кто-то даже отказался от поездок на Обдорскую ярмарку. Светские власти всерьёз забеспокоились, опасаясь отказа от сдачи ясака, а то и волнений⁷.

Обдорская ярмарка по обороту капиталов была одной из первых в Тобольской губернии

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ АЛЬБОМА МИХАИЛА ЗНАМЕНСКОГО «ОТ ТОБОЛЬСКА ДО ОБДОРСКА», 1862

³ Герасимов В. Н. Обдорск (исторический очерк). Тюмень. 1909. С. 35; Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. Ч. 1. М., 1990. С. 263.

⁴ Сулоцкий А. И. Миссионерства Березовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское // Сочинение в 3 т. Т. II. О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 791.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 9. Л. 35.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 9. Л. 61.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 109. Д. 1552. Л. 110 (об).

Время для начала миссионерской деятельности было выбрано действительно крайне сложное. По мнению доцента кафедры истории СоцГум Сергея Турова, это было связано с потеплением климата (восходящей фазой малого ледникового периода), которое привело традиционное хозяйство и социальную структуру аборигенов в упадок. Поголовье диких и домашних оленей сократилось, меньше стало и пушного зверя, чьи шкурки были основой натурального налога. В общем, не до духовных исканий было в ту пору коренному населению. Обнищание привело к усилению миграционных процессов в тундре и разного рода столкновениям⁸.

В феврале 1833 года Св. Синод направил в Тобольск предписание о закрытии Обдорской миссии, однако выполнено оно было только в 1836 году. Но проповедники-миссионеры ещё какое-то время оставались в Обдорске. За четыре года ими было окрещено не более двадцати человек⁹. Надо полагать, что именно в то время представители ненецкой родоплеменной знати во время посещения Обдорска беседовали с православным духовенством и дали согласие перейти в православие. Не нужно забывать, что смена религии давала им возможность занять главенствующее положение среди соплеменников и получить при этом определённые материальные выгоды. Кроме того, как можно заключить из приведённых ниже документов, Александр Худин (Худи) имел возможность напрямую обращаться к Великому князю и получать от него письма и даже подарки, что опять же повышало его статус среди тундровиков.

Патриарх дома Романовых

Особый интерес в «Свидетельстве» церкви Зимнего дворца вызывает личность Великого князя Михаила, игравшего далеко не последнюю роль в российской внутренней политике, родного брата будущего императора Александра II. Всё это говорит о том, сколь важную роль видела центральная власть в налаживании отношений с родоплеменной знатью аборигенного населения России, в том числе и на Крайнем Севере Западной Сибири.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ ИЗДАНИЯ «ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ» / А. Э. МЮНСТЕР. 1864-1865

Михаил Романов пользовался большим авторитетом в семье. По воспоминаниям современников, его тактичное вмешательство позволяло своевременно гасить семейные конфликты

ригенного населения России, в том числе и на Крайнем Севере Западной Сибири.

Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) был четвёртым и самым младшим сыном императора Николая I. С началом Крымской войны он находился при действующей армии. Кстати, отправляя своих сыновей, великих князей Николая и Михаила в Крым, император сказал: «Если есть опасность, то не моим детям избегать её!» В итоге оба великих князя получили боевое крещение при Инкермане. С 6 декабря 1862 года и в течение последующих двух десятков лет Михаил Николаевич был наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией.

12 апреля 1877 года началась война с Турцией, во время которой князь Михаил так же исполнял роль главнокомандующего. При его непосредственном участии турецкие войска были разгромлены, хотя в исторической литературе признаётся, что главная заслуга

⁸ Туров С.В. «Обдорская православная миссия 1832–1833 гг.: Неудачный опыт проповеди христианства среди обитателей тундры». Российская история, 2023, № 6, стр. 26–36.

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 9. Л. 118.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ ИЗ ИЗДАНИЯ «ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ РУССКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ» / А. Э. МЮНСТЕР. 1864-1865

Отец Василий часто занимался благотворительностью: на собственные средства построил храм и школу в своём родном селе Миротины, инициировал открытие Николаевской богадельни для престарелых священнослужителей военного ведомства, их вдов и сирот и так далее

в этом была в умелом руководстве русской армией генералов М. Т. Лорис-Меликова, И. Д. Лазарева и Н. Н. Обручева.

После гибели императора Александра II от рук террористов Михаил Николаевич был назначен председателем Государственного совета и в этой должности состоял до 1905 года. Современники называли его «патриархом дома Романовых», и многие считали, что именно после его смерти начался «развал династии»¹⁰. По словам генерал-губернатора Москвы В. Ф. Джунковского, «Его высокая фигура старого рыцаря производила обаятельное впечатление на всех, кто с ним имел соприкосновение. Он умел соединять величие с удивительной простотой. Он был очень добрый человек...»

Вот такой представитель дома Романовых стал крёстным отцом «самоедина» Худи.

А крёстной матерью племянника самодийского старшины, как указывается в «Свиде-

тельстве», была Великая княгиня Ольга Николаевна (1822–1892), дочь императора Николая I и императрицы Александры Фёдоровны. В 1846 году она вышла замуж за принца Вюртембергского Карла Фридриха Александра, ставшего в 1864 году королём Карлом I. Трудно сказать, завязалась ли у крестника переписка с крёстной матерью, во всяком случае, мы такими документами не располагаем.

Духовник Их Императорских Величеств

Хотелось бы вкратце изложить биографию человека, крестившего племянника «самоедского старшины». Речь о «духовнике Их Императорских Величеств Протопресвитере Василие Борисовиче Бажанове» (1800–1883). Оказывается, он был личностью довольно известной, по крайней мере, во второй половине XIX века. С 1827 года служил при церкви Санкт-Петербургского университета и в некоторых других учебных заведениях столицы. Его лекции имели широкую известность, а потому их посещал даже сам Николай I, который был не чужд «хождения в народ», благодаря чему о нём ходило на этот счёт множество шуток и анекдотов. Видимо, на императора выступления отца Василия произвели неизгладимое впечатление, поскольку вскоре он был приглашён на службу в малую церковь Зимнего дворца, а также стал духовником и преподавателем Закона Божия наследнику престола – Великому князю Александру Николаевичу. Для него Бажанов написал своё собственное сочинение «Об обязанностях христианина», ставшее впоследствии пособием для преподавания нравственного богословия как в духовных, так и светских учебных заведениях.

Уже будучи протоиереем в 1848 году, он был назначен духовником императора Николая I, а также протопресвитером Придворного собора Зимнего дворца и московского Благовещенского собора. В дальнейшем он вошёл в состав Св. Синода и был назначен главным священником гвардии и гренадёров. После смерти императора Николая I Василий Бажанов стал духовником императора

¹⁰ Соловьев Б. И. «Генерал-фельдмаршалы России». Ростов-на-Дону, «Феникс». 2000.

Александр Худи получил подарок и от Николая I

Александра II, а позднее Александра III. Принимал участие в проводимой Синодом работе по переводу Священного Писания на русский язык. Стал доктором богословия, почётным членом Императорской академии наук. Получил потомственное дворянство.

Вот такой «непростой» батюшка оказался священником, совершившим таинство крещения над племянником старшины с Ямала.

Кортик. Серебряный. От самого Царя

Но и это ещё не всё. Внимание к Александру Худину проявлял и сам император Николай I, о чём говорит сделанный им довольно ценный подарок и свидетельство от 8 марта 1854 года.

Свидетельство

В следствии засвидетельствования моего о преданности и усердии к пользам правительства племянника Худина Александра

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЕ соизволил пожаловать ему Александру серебряный кортик с таковою же португеею.

Вудостверении чего и дано сие свидетельство Александру за моим подписом и с приложением герба моего печати. С. Петербург.

Генерал Губернатор Западной Сибири и Командир отдельного Сибирского корпуса Генерал от Инфантерии (подпись неразборчива)¹¹.

Этот подарок можно истолковать как аванс «самоедскому» старшине за наведение порядка во вверенной ему «ватаге», как именовали в то время определённую общность кочевников.

Следует сказать, что подношения в виде серебряного кортика с португеей к нему являлись обычным актом проявления монаршей милости по отношению к верхушке различных этнических групп¹². Однако сам факт крещения Пайона Худи (Александра Худина) не остался одноразовым актом, поскольку между ним и Великим князем Михаилом какое-то время велась переписка, что говорит о том, что крестник царственной особы не только помнил о своём крёстном отце, но и испытывал к нему уважение.

Вот одно из писем от 23 декабря 1854 года, написанное в Обдорске.

*Ваше императорское Высочество
Всемилоостивейший Отец мой
Михаил Николаевич!*

Милостивое внимание особы Вашего Императорского Высочества явленного мне в восприятие мне от Святой Купели крещения глубоко запечатлелись в душе моей. Не имея слов выразить перед особой Вашего Императорского Высочества чувство благодарной признательности, которым проникнута душа моя, за то счастье, которое я чувствую под руководством Святой Православной Веры, осмеливаюсь поднести Вашему Императорскому Высочеству 400 горностаев. Прими драгоценный Отец

¹¹ Пост генерал-губернатора Западной Сибири на тот момент занимал боевой генерал Гасфорд Густав Христианович (1794–1874).

¹² [Электронный ресурс] Первалова Е. В. Обдорские князья Тайшины / Ямальская археологическая экспедиция: Первалова Е. В., 2000. <http://yamalarchaeology.ru/index.php?module=subjects&func=printpage&pageid=106&scope=all> https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_250968/?ysclid=1z14aorspy65941234

мой столь малый подарок, он есть плод искренней благодарности одного из детей Твоих. Тем приятнейший для сердца Твоего, что родственники мои и народ моей ватаги сближаются с понятиями Христианской Веры и что некоторые из них почти готовы принять ее.

Моля Бога о сохранении драгоценных мной дней жизни Вашей, желаю счастья именоваться сыном Вашего Императорского Высочества,

Обдорской волости старшина Александр Худин.

Привет из осаждённого Севастополя

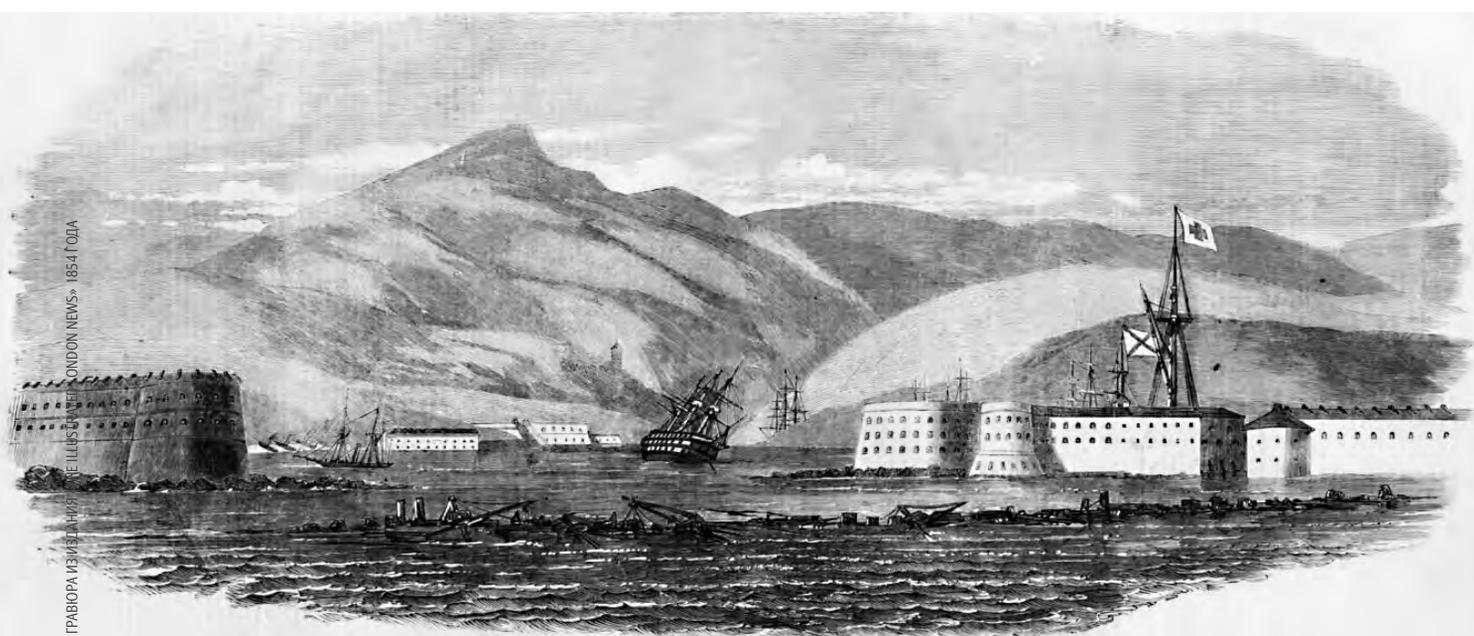
Получив благодарственное письмо, Великий князь Михаил, находясь в осаждённом Севастополе, распорядился об ответном послании. Отметим, оно составлялось в один из самых драматичных моментов Крымской войны. В ночь с 13 на 14 февраля между Михайловской и Николаевской батареями топили линейные корабли и фрегаты Русского флота. Защитники города-крепости пошли на крайнюю меру, чтобы создать вторую линию подводных заграждений, препятствующих свободному проходу врага в бухту Севастополя. Русские солдаты и матросы плакали, английский адмирал в

ярости рвал на себе волосы, а где-то в каземате или штабной палатке под грохот артиллерийской канонады рождалось письмо в далёкий Обдорск.

Любезный Александр Худин!

Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Михаил Николаевич отец твой крестный получил письмо твое от 24 декабря 1854 года, здесь в лагере под Севастополем, и приказал мне от имени Его благодарить тебя за чувства твои к Нему и за подарок, который Его Высочество на этот раз принимать изволит с признательностью, но вперед хочет чтобы ты ограничивался одним приветствием, не входя в бесполезные издержки. Его Высочеству весьма приятно было видеть из письма твоего, что родственники твои и народ твоей ватаги, глядя на тебя, сближается с Божественным учением Бога и спасителя нашего и тот день, в который Его Высочество узнает, что они все по примеру твоему приняли Святое крещение, будет для Него одним из радостнейших дней Его жизни.

Прощай, любезный Александр Худин, продолжай делами своими и сердечными чувствами, подобными выражениям в письме твоем, доказывать родичам твоим, что ты христианин не по одному только названию и вполне достоин милости высокого твоего

ПРАВОРА ИЗ ИЗДАНИЯ THE ILLUSTRATED LONDON NEWS, 1854 ГОДА

Оборона Севастополя стала кульминацией Крымской войны

Отца крестного для укрепления твоего, благословляющего тебя образом Спасителя у сего прилагаяемым.

Генерал Адъютант Философов.

14 февраля 1855 г. у Северного Укр. (крепления) Севастополя.

Знатные подарки для знати

Вслед за тем и генерал-губернатор Гасфорд счёл необходимым лично от себя преподнести Александру Худину подарок в виде серебряного кубка, приложив притом перечень всех своих орденов и медалей.

Свидетельство

Его высокопревосходительство Господин Генерал Губернатор Западной Сибири, в уважение усердной службы к пользам кабинета

им. Д. И. Менделеева (Тобольск). По его словам, ненецкий род Худи в дореволюционный период был известен тем, что его старейшинам поручался сбор ясака с местного населения для последующей сдачи властям. Упомянутый серебряный кубок до сих пор хранится в одной из семей этого рода, как память о тех временах, когда его представители являлись родовой знатью, с которой считался не только тобольский губернатор, но знали о них и при царском дворе.

Обмен любезностями и служебными посланиями продолжился и в 1859 году, когда нашему герою выдали разрешение на проживание в Архангельской губернии.

Билет

Объявитель сего Тобольской Губернии Березовского округа Обдорской волости

Зачем Александр Худи ездил в Архангельск, так и осталось неизвестным

Его Императорского Величества изволил подарить самоедскому старшине Обдорской волости Александру Худину серебряный кубок. Во удостоверение чего и дан сей за подписом и с приложением казенной печати.
Город Березово марта 21 дня 1858 года.

Вот что сообщил по поводу этого подарка уроженец Ямала Леонид Лар, декан художественно-графического факультета ТГСПА

Самоедин Александр Михайлов¹³ Худин уволен Обдорским участковым Заседателем на жительство в Архангельскую Губернию сроком от ниже писанного числа впредь на 11 месяцев; со льготою на 1 месяц. По прошествию сего срока он Худин обязан явиться в Обдорскую инородную управу, в противном случае с ним поступлено будет по законам.

Дан сей билет от Обдорского участкового Заседателя с приложением печати Обдорского отделения генваря 19 дня 1859.

Заседатель Онцилович.

Трудно сказать, с какой целью обдорский старейшина направился в довольно отдалённый регион. Тут можно высказать лишь предположение: или это была поездка по личным мотивам (посещение родственников, коммерция), или же он был приглашён туда кем-то из представителей власти.

По следам спасённой экспедиции

А вот, пожалуй, самый необычный, не считая свидетельства о крещении в церкви Зимнего дворца, документ. Это расписка, выданная известным мореплавателем Павлом Павловичем Крузенштерном.

«1862 года октября 5-го в следствии просьбы Самоедину Худиний Валпачи Хниена сына крещенного Самоедина Александра Хундина (так в оригинале, – прим. автора). Даю сие заверение в том, что он изъявил готовность доставить от Белужьего Носа что находится в Карской земле до селения Обдорска половину команды разбиившейся во льдах Шхуны Ермак, за что ему выдано мною 31 рубль серебром. В чем я свидетельствую подписом своим и приложением казенной печати, также печати моего герба.

5 октября 1862 Лейтенант П. Крузенштерн».

Об экспедиции Крузенштерна и спасении экипажа шхуны «Ермак» написано немало. Коснулся этой темы и журнал «Северяне» – в № 2 за 2021 год была опубликована статья известного краеведа Геннадия Зайцева. Из неё следует, что богатый оленевод Сейч Сэротэтто оказал терпящим бедствие полярникам всесто-

ронную помощь, несколько месяцев содержал и кормил их, а потом ещё и обеспечил оленным транспортом. Эта история дошла до императора, и он наградил отважного ненца серебряной медалью «За усердие» для ношения в петлице на ленте ордена Святого Станислава и почётным кафтаном из Кабинета Его Императорского Величества.

Благодаря расписке, выданной сыну Александра Худи, мы видим, что Сейч Сэротэтто был не единственным из числа тундровиков, кто пришёл команде Крузенштерна на помощь. Сам волостной старшина, конечно, не мог оставить службу и пуститься с аргишем в поездку за сотни вёрст, поэтому и делегировал доставку половины команды мореплавателей своему сыну. За что тот и получил весьма внушительную по тем временам денежную сумму.

Надо сказать, что и Сэйч Сэротэтто поступил схожим образом, доверив сопровождение спасённых им людей близкому родственнику. Вот что об этом пишет Геннадий Зайцев «...по крепкому льду в Обдорск их повёл брат Сейча – молодой Паднана Сэротэтто. Не было его два три года. Уже все думали, что он умер. Но его привезли на лошадях прямо к стойбищу. Паднана рассказал, что был в самом большом городе Луце (русских), по-видимому, губернский город Тобольск или Екатеринбург. Сейчу он привез медаль и кафтан, документ о награждении, что давало тому право собирать ясак, разбирать жалобы и т. д. Ненцы говорили про него, что он тундровой царь. Паднана Сэротэтто выучился русскому языку, мог даже писать».

Хоть и непонятно, как именно в этой истории взаимодействовали представители родов Сэротэтто и Худи, но их совместное участие в спасении экипажа «Ермака» подтверждается документально.

Вот так и покорялись высокие широты

А вот и последний документ, имеющий отношение к нашему герою.

9 июля 1880 г.

Получено в Канторе двора Государя Великого князя Михаила Николаевича от обдорского са-

¹³ Свое отчество «Михайлович» Худин носит по имени своего крёстного князя Михаила.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ УЧАСТНИКА ЭКСПЕДИЦИИ ШАРЕНБЕРГА / ИЗ АРХИВА ГЕННАДИЯ ЗАЙЦЕВА, ОСНОВАТЕЛЯ ЯМАЛЬСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЯ

ФОТО: PUBLIC DOMAIN

Павел Крузенштерн (слева) вместе с командой 9 сентября 1862 года покинул шхуну «Ермак», застрявшую во льдах Карского моря. Выжил путешественник благодаря помощи ненцев

моёдского старшины Александра Худина черная лисица для представления Его Императорскому Высочеству через Исаака Сидорова Рочева.

Собственно, на этом можно и закончить рассказ о том, как судьба свела обдорской волости старшину Александра Худина (Худи) с представителями императорской фамилии.

Хотелось бы отметить, что это не единственный пример, когда местные аборигены помогали, а то и спасали жизни попавших в беду путешественников, успешно взаимодействовали с русскими промышленниками, влюблялись в представителей пришедшего населения, женились, достигали высот в науке и культуре. Потому и удалось нашим предкам освоить столь значительное пространство азиатского континента, что не делали они существенного различия между русским и коренным населением. А в ряде случаев аборигены находились в более привилегированном положении и продолжали жить по своим собственным законам и традициям. Всё это лишний раз опровергает известное высказывание о России как «тюрьме народов»¹⁴.

Так что освоение арктических побережий велось в том числе и с помощью местного населения, которое не только тому способствовало, но и во имя которого эти исследования проводились. 🌐

¹⁴ Автор этого выражения в книге «Россия в 1839 году» (впервые издана в Париже в 1843 г.) француз маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857), писатель и путешественник, посетил Россию в 1839 г.

В ЖУРНАЛИСТИКУ «ПРИЕХАЛ» НАЛЕГКЕ

Татьяна МУШТАЕВА

г. Салехард

Сергей Волков всегда хотел быть журналистом. Он трижды пытался поступить в МГУ, три года был вольным слушателем на факультете в киевском институте. Но заветная мечта сбылась лишь на Севере. В ноябре легенда ямальской журналистики отмечает юбилей.

Ему не было и двух, когда немцы оккупировали Киев.

– Мама рассказывала, что танки стояли у нашего дома в первый же день оккупации – 19 сентября 1941-го. Солдаты ходили по квартирам. Зашли к нам. Забрали все стулья и ковёр со стены. Расстелили его прямо возле танка, уселись и начали пиво пить, – говорит Сергей Павлович. – Потом резко сорвались с места и уехали. А стулья остались. Мама сразу занесла их домой. Этого момента я, конечно, не помню. Всё по рассказам родных.

Папа вернулся!

Семья Волковых тогда жила недалеко от железнодорожного вокзала, где был комендантский район. В комнате площадью 13 кв. метров ютилось семь человек, собака по кличке Альма и кошка Линда.

– Когда город бомбили, мама накрывала меня подушками и всем, что было под рукой, и приговаривала: «Если бомба и попадёт, Серрёжа останется жив». Но потом подумала, что же со мной будет, если все остальные погибнут? И больше не делала подушечных бомбоубежищ.

В памяти у ветерана отпечатались два момента из военного детства. Первый – когда он с бабушкой ходил в соседний квартал, чтобы покормить собачку. Второй связан с кинотеатром, в котором работала мать.

– Ей часто приходилось брать меня с собой. Однажды в зале я увидел офицеров с

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ВОЛКОВА

Сергей Волков (в верхнем ряду) с мамой, братом и двоюродной сестрой, г. Киев, 3 июня 1953 года

интересными головными уборами. Это были венгры.

Память включилась уже после войны, в тот день, когда домой вернулся отец.

– Мы сидели. И вдруг дверь открылась, за ней военный. Все остолбенели, а потом начали кричать: «Вернулся!»

Павел Волков ушёл на фронт в начале войны. До этого служил под Равой-Русской. Там мог попасть в плен, но пронесло. Ещё дважды повезло выбраться из окружения под Львовом и под Киевом. Но позже удача изменила. В свой день рождения, 13 июня 1942-го, он «попал» в «Харьковский котёл». Его взяли в плен и отправили в Норвегию...

Именно папа повёл маленького Серёжу в первый класс.

Позже семья переехала из Киева в Буск (Львовская область) – там нашлась работа для отца. Бывшим пленным тяжело жилось, поясняет Сергей Павлович. Зато потом на главу семейства «посыпались» медали.

Первый материал и судьбоносное знакомство

Первая статья Сергея Волкова была опубликована в феврале 1960 года в «Вечернем Киеве». Название у неё было громкое: «Теперь я знаю, как ответить американцу». Она была посвящена Американской национальной выставке, которая проходила в парке «Сокольники». Её посетили первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв и президент США Ричард Никсон.

– Это было грандиозное событие. Даже у мавзолея не стояли такие очереди. На вы-

Любимым писателем журналиста в детстве был Михаил Зощенко. В саду у родственников, 1950-е годы

ставку меня провела знакомая, – вспоминает Сергей Павлович. – Тогда я ходил на курсы по русской живописи при музее.

Будущий журналист подготовил два варианта статьи и отправил в редакцию.

– Гонорар за материал был по тем временам огромный – 140 рублей! Сразу пригласил в ресторан друга и девушку...

До этого Сергей Волков пытался поступить на заветный факультет в Московский государственный университет. Не приняли. По условиям нужно было иметь два года стажа, у него до этого срока не хватало четырнадцати дней. Потом предпринял ещё две попытки. Провалил экзамены. Но времени не терял – был вольным слушателем на факультете журналистики университета имени Тараса Шевченко.

– Хотел поступать и в четвёртый раз, но друга, с которым планировали учиться вместе, забрали в армию. Решил, что дождусь. А отпуск 1962 года посвятил путешествию по Крыму. На своих двоих с рюкзаком за плечами обошёл весь полуостров, – рассказывает собеседник. – Жил на 70 копеек в день, питался кефиром и пряниками...

Через год снова Москва. Будущего северянина пригласили в легендарный ВГИК (Всероссийский государственный институт кинематографии. – Прим. ред.) после того, как он написал и выслал сценарий. Жил в общежитии, даже в киношном фе-

Сергей Волков с друзьями на улице Чкалова. Здесь когда-то жили его предки. Конец 1950-х годов

стивале успел поучаствовать. Но плохо написал сочинение.

– Психанул я тогда и отправился... в Томск. Там был сильный институт. Общагу с клопами помню до сих пор, – смеётся Сергей Павлович. – Все экзамены сдавал хорошо, пока не поспорил с преподавателем по истории. Сравнил времена Иосифа Сталина с эпохой Ивана Грозного. Что тут началось! Влепил он мне двойку. Думаю, ё-моё, что делать? Деньги уже на исходе, настроение на нуле.

Сначала подрабатывал на овощной базе. Впервые попробовал конскую колбасу. Но голод утоляли в основном кедровыми орехами – они были дешёвыми. Потом новоиспечённые студенты позвали его с собой на отработку в деревню Куляры.

– Хотел заработать на десятитомник Гоголя. Он продавался в букинистическом магазине и стоил 10 рублей. Но так и не купил. Сейчас эти издания оценивают в миллион! – говорит собеседник.

Вместе с филологами он убирал лён. Именно здесь познакомился с Толей Омельчуком, Васей Попок и Лёшей Михайловым. С тех пор связь друг с другом не теряли – переписывались.

Почувствовал вкус профессии

Через какое-то время от Алексея пришло письмо: «Нас с Васей выперли из института. Устроились на радио в Дудинке. Приезжай».

– Ну и отправился я к ним налегке. Даже перчаток не взял, хотя был октябрь. Дудинка встретила сурово – с температурой минус 47 градусов. В Москве было плюс 17. Чуть свою последнюю руку не отморозил, – шутит собеседник. – Редактор Константин Коробов решил сразу же отправить меня в командировку. Говорит: «Куда хочешь – в Караул или Воронцово?» Первое название мне совсем не понравилось. «Воронцово. Красиво звучит!» – отвечаю. Командировка выдалась кошмарная и весёлая одновременно – охотника, о котором нужно было подготовить передачу, не оказалось на месте, пришлось ехать за ним с проводником в соседнюю деревню на собачьих упряжках. Пока общался с героем, мой каюр успел напиться. Ночью мы заблудились на льду Енисея... Командировка продлилась 20 дней!

В то время, когда новоиспечённый журналист собирал материалы, в редакции развернулась нешуточная борьба. «Ветераны» хотели избавиться от редактора, да и делить гонорары с новичками не собирались. Они оклеветали начальника – мол, плагиатом занимается. Никаких доказательств этому не было, но молодёжь поверила.

– Правда, эти «мастодонты» тоже остались в дураках. Думали, Константин испугается увольнять сразу восемь сотрудников. Но он не испугался. И 24 декабря 1966 года вся наша компания стала безработной.

Возвращаться домой Сергею Волкову не хотелось. Он только почувствовал вкус профессии. Решил, что лучший вариант – отправиться дальше на Север. Целых пять месяцев молодой человек провёл в посёлке «Москва-279 А», или Мысе Косистом. Обучал долганских детей чтению и математике.

С учениками у школы-интерната на Мысе Косистом, 1966 год

Раньше в продуктовых магазинах Салехарда не было такого изобилия товаров, как сейчас. Магазин «Снежинка», 1972 год

– Было трудно. Зимой солнца нет, постоянные морозы и ещё чёрная пурга, когда на улицу вообще не выйти. Помню, школьник открыл входную дверь, а её вырвало и унесло. В тех краях холод зверский. Однажды чуть обморожение не получил. Пошёл за консервированными ананасами, навстречу женщина: «У тебя лицо всё белое. Быстрее отогревайся!» Чувствую, правда. И рукой пошевелить не могу. Когда добрался до дома, начал отходить – боль была адская. Натирался чем мог. Даже в консерву спирт налил. Ананасы превратились в желе – такие вкусные были.

Заграничные коллеги и магнитофон Кобзона

Вновь с друзьями Василием и Анатолием наш герой встретился в Салехарде на окружном радио. Кадров тогда катастрофически не хватало.

По воспоминаниям ветерана, город произвёл на него большое впечатление. Он весь в прямом смысле был деревянным: много бараков, вместо асфальта – доски.

– Здесь все друг друга знали. Машины можно было по пальцам пересчитать. За скорой помощью числился автомобиль, один был у нас в редакции и, конечно, «Волга» в райкоме партии. Но и ими пользовались нечасто: зимой улицы заносило так, что невозможно было пройти. Зато после Мыса Косистого салехардская зима мне показалась тёплой, как лето в Сочи, – смеётся Сергей Павлович. – Мы с друзьями жили в комнатке в офицерском доме на улице Горького (сейчас – Республики).

Постепенно друзья обзавелись семьями. Сергей Павлович стал папой. Главной целью теперь было прокормить семью.

– Всегда в доступе были оленина и куропатки. Рыбой нас «подкармливал» рыбоконсервный комбинат – мы часто делали о нём репортажи. А вот сгущёнку можно было достать только по большому благу. Так что праздничным блюдом у нас были бутерброды с килькой.

В редакции трудились четыре корреспондента. Почти всегда мотались по командировкам.

– Когда к нам приехали коллеги из Чехословакии, были в шоке – как мы умудряемся охватывать такую большую территорию. Позже до нас добрался журналист из известного журнала National Geographic. Американец. В джинсах, с крутым фотоаппаратом. Особенно его заинтересовала наша Анастасия Лапсуй, взял у неё интервью.

С американским корреспондентом произошла забавная история.

– Его везде сопровождал строитель Николай Казариз и приставленный кэзгэбэшник. На прощание американский корреспондент решил подарить Колиной дочке журнал. Но кэзгэбэшник одёрнул: «Не положено». Тот: «Как это не положено?» Берёт ручку и подписывает журнал: «Наташе от такого-то». «Теперь положено?»

За годы работы интересных случаев и встреч было очень много. Сергей Павлович общался с Евгением Евтушенко, Виктором Черномырдиным, Иосифом Кобзоном и многими другими известными людьми.

– Иосиф Давыдович приезжал в Салехард на рассвете своей славы – в конце 1960-х. Концерт проходил в здании ОДКНС (Окружной дом культуры народов Севера. – Прим. ред.). Сейчас на этом месте загс. Посмотрев зал, певец посетовал, что акустика не та. Один из моих коллег очень обиделся и ответил ему такими словами, которые неприято публиковать, – смеётся собеседник. – После концерта Кобзон пригласил большую компанию, в том числе и редакцию, за стол. А утром обнаружилось, что пропал его японский магнитофон.

На «больничном» сделал фильм

Он был свидетелем многих исторических событий в регионе: наблюдал за бурным строительством городов, открытием месторождений. объехал округ вдоль и поперёк, общался с первопроходцами и обычными ямальцами: оленеводами, рыбаками.

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ВОЛКОВА

Сергей Павлович всегда поддерживал связь с одноклассниками. На фото – встреча выпускников, г. Киев, 1986 год

ИСТОРИЯ. ЛИЧНОСТИ. СУДЬБЫ | ЮБИЛЕЙ

В 1979 году к журналисту обратились режиссёр Юрий Мирошниченко и оператор Леонид Казавчинский с предложением стать сценаристом документального фильма «Дорогами Харасавэя», заказанного Новосибирской студией кинохроники.

– Мы были знакомы, вместе поступали во ВГИК. Я с удовольствием согласился им помочь, но была одна проблема – редактор не хотел отпускать в командировку. Пришлось «заболеть» и уйти на больничный. Так сделал фильм.

Конечно, позже начальник обо всём узнал. И когда в следующий раз Волков попросил его об отпуске, чтобы съездить в Тбилиси, где праздновали сто лет со дня рождения Сталина, сказал: «Даю тебе отпуск с 21 декабря». А день рождения как раз 21-го. «Как я доберусь за один день из Салехарда до Тбилиси?» – поинтересовался журналист. «Это твои проблемы».

Однако и здесь ямалец добился своего – заранее копил отгулы, которые полагались донорам крови. В Грузию съездил. Шуму тогда было! Теперь шутит: «Так я проливал кровь за Сталина».

В этом он весь – если что-то задумал, обязательно исполнит. Два года назад ветеран

побывал на Таймыре, даже встретился с одной из своих долганских учениц. Этой весной посетил Красноярский край, где праздновали столетие известного писателя Виктора Астафьева. Сергей Павлович был знаком с ним лично.

– Хотелось побывать в селе Овсянка, где Астафьев провёл детство и последние годы своей жизни, – поясняет собеседник. – Очень жалею, что не съездил к Виктору Петровичу, пока он был жив.

С Астафьевым журналист пересёкся в 1970 году, когда тот приезжал в Салехард.

– Мы сидели за столом в доме у коллеги Вадима Летова и разговаривали. Я всё записывал на магнитофон. Писатель был не только отличным рассказчиком, но и внимательным слушателем. Помню, что он много говорил о своей поездке в Голландию (Нидерланды), о книгах. Вынимал блокнот и что-то записывал, читал стихи. Жаль, что кассета не сохранилась.

Сергей Волков и сейчас частый гость ямальских редакций. С «Северянами» его связывают долгие годы дружбы. Неугомонный и любознательный, он продолжает делиться с журналистами своим опытом, наработанными материалами и новыми идеями. 📍

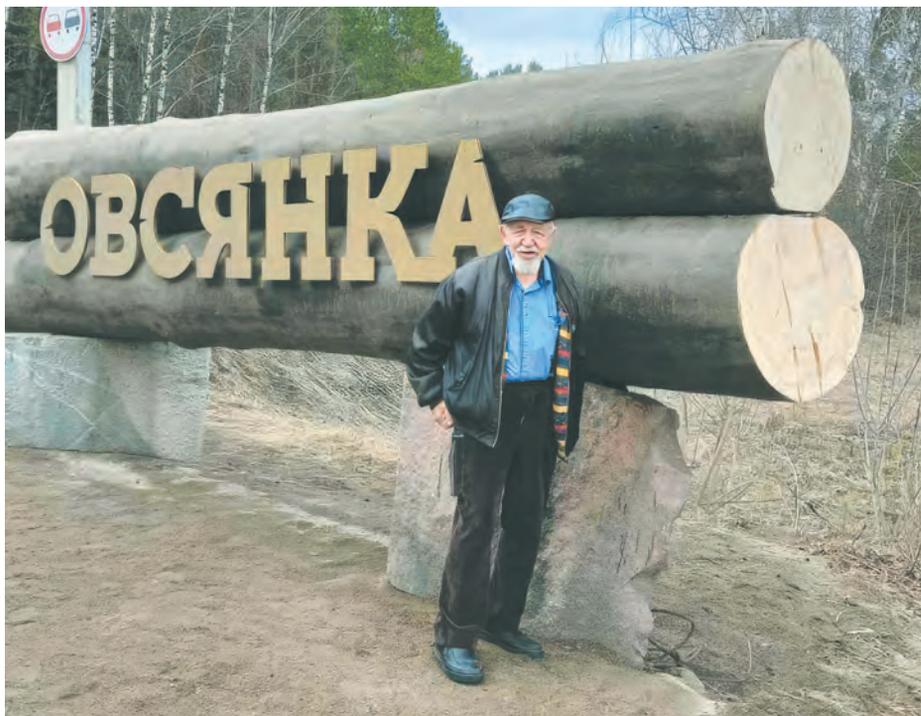

ФОТО ИЗ АРХИВА СЕРГЕЯ ВОЛКОВА

.....
Ямальцам Сергей Волков известен как ведущий авторской программы «Встречи», героями которой стали более 500 человек: первопроходцы, лётчики, геологи, оленеводы и многие другие.
.....

Первая статья Сергея Волкова была опубликована в 1960 году, на пенсию он ушёл в 2020-м. Шестьдесят лет в журналистской профессии!

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

ИЛЛУСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

ТАК РОЖДАЛИСЬ ГРАНДИОЗНЫЕ ПРОЕКТЫ

Владимир ЗОЛЬНИКОВ

г. Салехард

В 1976 году в «Главтюменьгеологии» организовали два производственных объединения: Обское в Сургуте и Ямальское в Лабитнанги. В «Ямалнефтегазгеологию» вошли все северные экспедиции: Таркосалинская, Уренгойская, Надымская и Ямальская на Мысе Каменном. Позже были созданы новые: Гыданская, Верхне-Надымская, Тамбейская. Некоторое время даже существовала Салехардская НГРЭ. Генеральным директором «Ямалнефтегазгеологии» был назначен Василий Подшибякин.

Продолжение. Начало в № 3, 2024 г.

Многие спрашивают, каким он был. Я работал под его руководством двадцать один год, и, на мой взгляд, человеком он был неординарным, с большой харизмой. Характер имел твёрдый, волевой, решительный. Но нередко бывал груб с подчинёнными.

Василий Тихонович имел непререкаемый авторитет не только на своём предприятии,

но и в главке, и у окружного руководства. И это обстоятельство часто негативно отражалось на его заместителях. Они попадали под удар, когда нужно было отвечать перед советскими и партийными органами. Наказывали не первого руководителя, а зама, за дела, которые не входили в его обязанности.

«Отец родной, не выгоняй!»

В те времена ещё не работали вахтовым методом. Специалисты буровых и вышко-монтажных вахт жили на местах, отдыхали в базовом посёлке. Большинство в общежитиях. Телевидение сюда ещё не пришло, в свободное время обитатели общаг развлекались как могли: смотрели кинофильмы в клубе; кто-то травил байки из экспедиционной жизни – хорошие рассказчики ценились и пользовались авторитетом; кто-то выпивал.

«Дядя Вася», так директора между собой называли подчинённые, систематически ходил по общежитиям и гонял загульные компании. Очевидцы рассказывали, как однажды он в очередной раз застукал выпивоху-прогульщика. Тот, упав на колени, запричитал:

Будучи главным инженером, Владимир Андреевич внедрил немало методов по техническому и технологическому перевооружению поисково-разведочных работ

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

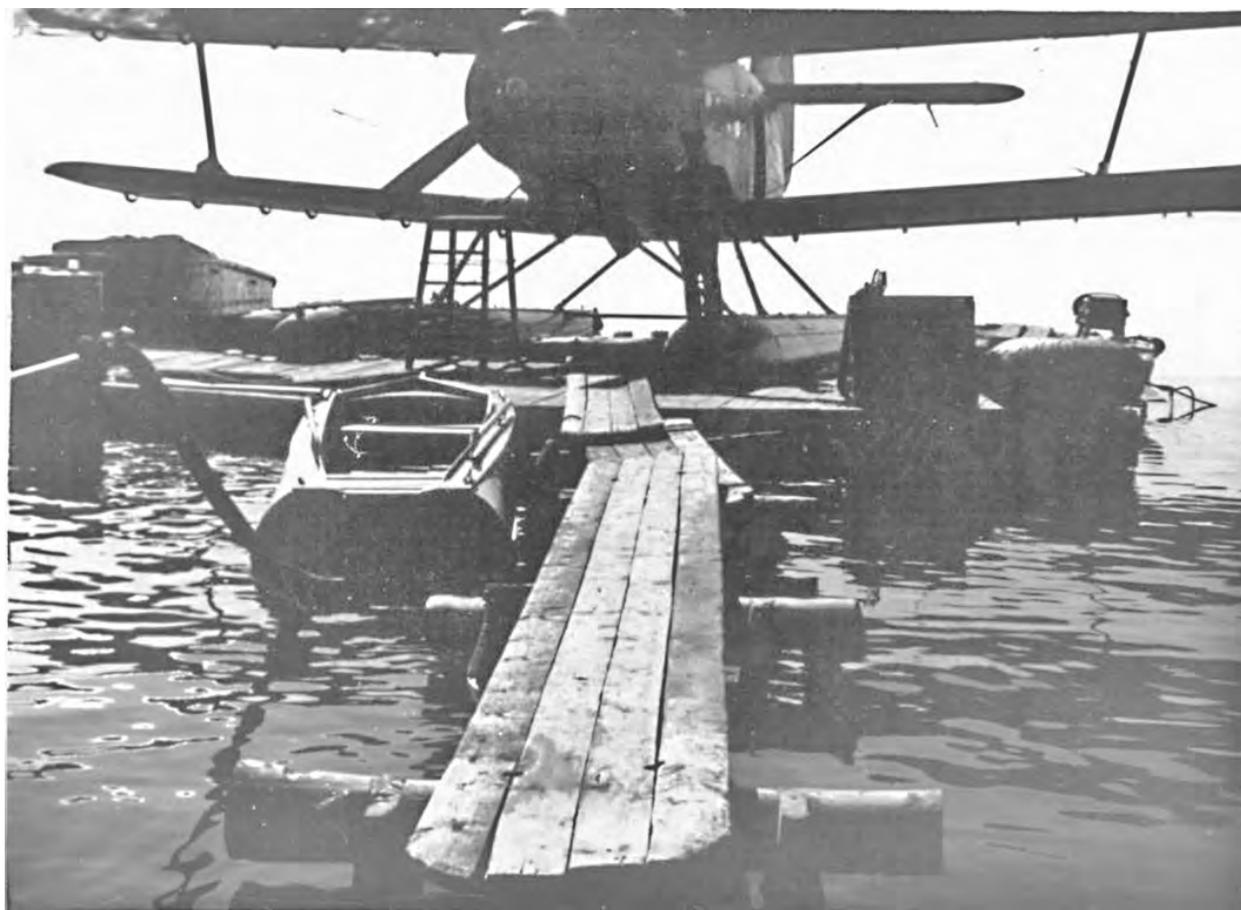

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

Геологи часто летали на гидросамолёте от Салехарда до буровой Надымской НГРЭ, 1970-е годы

– Тихоньч, отец родной, не выгоняй, погибну без буровой. Клянусь, не буду больше пить, не выеду с буровой, прикую себя к ротору!

В другой экспедиции тоже забавный был случай. Хороший, но запойный специалист-итээровец бурно отпраздновал свой день рождения. Вызвали его к начальнику «на ковёр». В приёмной с интересом поджидали коллеги. Тот вышел расстроенный:

– Только вчера отметил день рождения, а сегодня мне объявили выговор за прогулы. Начальник сказал, что это в последний раз. Велел написать заявление на отпуск на две недели за свой счёт.

Коллеги грохнули смехом на всю контору.

Подарок от строгого начальника

Василий Тихонович был большим любителем собирать грибы. В выходной день он садился за руль своего уазика и ехал по за-

ветным местам вдоль заброшенной железной дороги. Знал, где растут белые. Иногда он приглашал меня с собой. Помню, уже в конце сезона выбрались в лес. На следующий день Василий Тихонович должен был отправиться в командировку в Тюмень, хотел увезти местных грибочков. Но насобирал совсем немного. Тогда я отдал ему свою корзину с «уловом». Сказал, что потом может просто выбросить её – уже старая. Так он из поездки мне новую привёз:

– А с чем мы с тобой в следующий раз поедим? – говорит.

В охотничий сезон Василий Тихонович любил походить по окрестностям с ружьишком и пострелять уток. Правда, в Салехарде он уже не охотился. А вот в Среднем Приобье – бывало. Как-то рассказывал про охоту с сыновьями – тогда дичи и всякой живности возле геологических посёлков хватало. Упоминал и Газ-Сале, где занимался подлёдным ловом. Говорил, что там зимой у населения в сараях рыба была сложена поленницами.

Мы каждый день проводили селекторное совещание, где заслушивали сводки от экспедиций, тут же оперативно решались вопросы. Василий Тихонович после таких совещаний, особенно в выходные дни, любил поговорить на отвлечённые темы: о событиях в стране, о политике, пошутить, побалагурить, мог что-нибудь рассказать о своей работе на паровозе (после окончания ремесленного училища в 1945 году он работал помощником машиниста, потом машинистом на железной дороге, – прим. ред.).

Бывало, директор срывался – кричал. Со стороны могло показаться, что у него не выдержит сердце. Но настроение менялось, как только он выходил из селекторной, – тут же расплывался в улыбке. Может, он намеренно выплёскивал свои эмоции на руководителей экспедиций, чтобы нагнать страх за невыполнение плана.

Когда «дядя Вася» был в хорошем расположении духа, то с улыбкой напевал популярную песенку «Вася – стилига из Москвы». Похоже, она ему очень нравилась.

Подшибякин был большим энтузиастом по использованию газа в качестве топлива в поселковых котельных и на буровых. Его добывали из разведочных скважин, которые мы запускали в режиме опытно-промышленной эксплуатации (ОПЭ). Завозить тысячи тонн угля и дизтоплива было очень накладно как в финансовом плане, так и для транспорта.

Технолог Надымской нефтегазоразведочной экспедиции Николай Севодин на связи с базой, 1981 год

Впервые Подшибякин внедрил это в посёлке Газ-Сале. С тех пор газ использовали во всех экспедициях «Ямалнефтегазгеологии», кроме Надымской – здесь была нефть. Причём директор заставлял делать это по старинке – хозспособом, без всякой проектной документации, за что приходилось отвечать главному инженеру экспедиции при проверках Госгортехнадзора. Но зато в жилье геологов и производственных помещениях тепла хватало.

Супруга Владимира Зольникова Нина (в центре) тоже много лет посвятила геологии. Гьданский полуостров, 1970-е годы

Тонули, мёрзли и «падали» с небес

Для оперативного обеспечения полевых бригад всем необходимым мы использовали авиацию. Летом – вертолёты. Поначалу Ми-4, затем появились Ми-8 и Ми-6. Зимой для экономии – самолёты Ан-2. Летать по буровым мне приходилось чуть ли не каждый день. А сколько приключений пережито на этих тудрягах-бипланах!

Помню, однажды при посадке задней лыжей зацепились за газопровод. Лыжина оторвалась, газопровод оборвало, и из него рванул газ. Хорошо, что не взорвался...

В другой раз испортилась погода – видимости никакой, сплошная белая пелена. За ориентир пилоты взяли кромку Обской губы, где были поросли леса. Двигались так низко, что несколько раз на сопках цепляли лыжами за верхушки ёлок. Подлетаем к базе, командир говорит мне:

Владимир Зольников:

«При встречах со школьниками всегда говорю, геолог – профессия интересная, но трудностей в ней больше, чем романтики: это работа в экстремальных условиях, походный быт, тундра без намёка на дороги и противостояние природным силам».

– Посмотри, как я сейчас буду садиться по приборам.

Снижаемся, а по курсу прямо в лоб склад ГСМ нашей базы! Командир резко рванул штурвал на себя и каким-то чудом мы не врезались в ёмкости с горючим. Оказывается, сидели поперёк посадочной полосы. Вот такие приборы были. А пилот – настоящий ас. После этого мы с ним очень подружились.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

На месторождениях геологам иногда приходилось быть и спасателями, и пожарными. В сухую летнюю погоду ягель горел как порох. «Когда огонь подходил близко к буровой, мы грузили в вертолёт пожарный инвентарь и вылетали. На месте раскидывали шланги, включали водяной насос буровой установки». Пангодинское НГКМ, 1980 год

В экстренных случаях мне часто приходилось выезжать на буровую и по зимнику. Как-то после забурки «нулёвки» на Р-81 Ямсовейской площади поступила команда отправиться на северную площадь, где неудачно складывались дела с планом. Мороз стоял минус 61 градус. Восточнее, в Тарко-Сале, было ещё холоднее – минус 66 градусов. По регламенту авиация не летала, если температура опускалась до минус 50 – гидравлические жидкости и масло застывали. Решил отправиться в путь на гусеничном тягаче АТС-59.

По приказу объединения выходить в рейс в одиночку было запрещено, но пришлось – времени поджидать напарника не дали. АТС-59 – военная техника с железной кабиной. Водители как могли утепляли её, но это не

«При бурении разгрузочных скважин вокруг аварийного кратера при выбросе газа был большой риск сжечь мобильный станок, могли пострадать люди. Приходилось сдёргивать станок от скважины и поджигать газ. После этого из земли торчали обсадные трубы с горящими факелами, возникала «долина огнепоклонников» – так мы её называли», – вспоминает Владимир Зольников.

помогало. А ехать нужно 350–400 километров, причём ночью – днём следы на зимнике не видны. Не проехал и трети пути, как почувствовал, что кровь в жилах стынет и леденеет, хотя одет был в шубу и унты. Даже сознание стало затуманиваться...

Под утро чуть живой добрался до базы. Сам выйти из кабины не смог, меня вынули и под руки завели в контору. Позднее подумал, а если бы двигатель по пути заглох или другая поломка случилась? Всё бы закончилось печально.

Неоднократно я оказывался и в ледяной воде. Только на Надымской площади дважды. Как-то в мае месяце при нелётной погоде ходил на старую буровую, чтобы узнать о запчастях. Вечерело. Хотелось сократить путь, поэтому пошёл напрямую через протоку, прыгая по плывущим льдинам. Одна из них раскололась, и я с головой ушёл под лёд. Чудом выкарабкался на берег. Пока бежал до своей буровой, одежда превратилась в ледяной панцирь и гремела.

Второй случай произошёл в октябре при ледоставе. Мы с тампонажником Володей Устюговым переправлялись через озеро на двухместной резиновой лодке. На середине нашу «Уфимку» захлестнуло волной, и мы оказались в ледяной воде. Поплыли, держась за борта. Под берегом пришлось ломать перед собой лёд. Едва добрались до суши. До сих пор помню эти ощущения: будто миллион иголок вонзается в тело и сердце стучит быстро-быстро, как у зайца.

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОЛЬНИКОВА

На фоне аварийного фонтана на скважине Р-55 в Харасавэе. Горячий газ растопил вечную мерзлоту, и буровая вышка ушла в образовавшийся кратер. 1986 год

Геройство – издержка профессии

Однажды, когда был главным инженером экспедиции, шёл с буровой в жилой посёлок мимо склада ГСМ с несколькими сотнями тонн дизтоплива. Вдруг вижу, от ёмкостей метнулся человек, а из горловины одной из них, пульсируя, вырывается пламя. Мелькнула мысль: если мгновенно не потушить, то какая катастрофа сейчас произойдёт! Не раздумывая, скинул с себя телогрейку, накинул на горловину и лёг на неё, чтоб перекрыть приток воздуха. Но горловина была широкая и языки пламени, обжигая, вырвались из-под меня. Я старался закрыть руками прорехи в горловине, и через какое-то время всё постепенно затихло.

Прежде чем воспользоваться медицинской аптечкой, по свежим следам выяснил, что за человек убежал от горящей ёмкости. Это был прикомандированный сварщик. Неизвестно почему он оказался у склада. С его слов, якобы выронил из кармана сварочный молоточек и от искрения произошло возпламенение. Я усомнился. Доверия к сварщику не было – он недавно освобожден из мест заключения, но отстранять его от работы я не стал. Без сварщика на буровой вся работа остановится.

Полевые геологи часто оказывались в смертельной опасности: горели, тонули, за-

мерзали, попадали в аварии. Но мы никогда не претендовали на геройство, считая, что всё это издержки профессии.

«Приветы» из прошлого

В тундре мы часто находили что-нибудь интересное. Например, на Гыдане на мысе Хасрё обнаружили памятник гидрографу Петру Напалкову. Монумент с массивными столбами, морскими цепями и тяжёлой плитой в голой тундре выглядел грандиозно. Со слов оленеводов, его поставили дети Петра Яковлевича, проживающие в Ленинграде и побывавшие здесь на гидрографическом судне. Позже с интересом почитал об этом человеке. После установления советской власти в Омске он стал начальником картографического отделения Обь-Енисейского гидрографического отряда, много лет проводил полевые наблюдения по берегам Обской губы. С 1933 года работал в Западно-Сибирском гидрографическом управлении Главсевморпути. Мыс Хасрё когда-то носил его имя. Переименовали его после того, как Напалкова репрессировали и расстреляли.

Много интересных находок было и на побережье Обской губы. Во время отлива встречались обломки судов, такелажа, поплавок, обрывки пеньковых канатов, спасательные круги и прочее. А ещё скелеты белух. Однажды увидели труп морского зайца – лахтака.

На привале. Владимир Андреевич вспоминает: «Мы отправились на выдачу точки под первую скважину на Сандибе и решили немного отдохнуть – солнце пригревало». 1982 год

Даже «экспонаты» военных лет были – замытые в песок деревянные бочки и ящики с проштампованной датой, остовы рыбацких избушек. По-видимому, в этих местах добывали рыбу для фронта.

В надымской тундре на озере вблизи «железки» обнаружили большую морскую шлюпку.

Иногда к нам на буровые захаживали хищные гости. Песцы частенько очищали помойку возле столовой, всякий раз успевая удрать от собак. Те потом привыкли к таким «соседям» и перестали их гонять. Рядом с нами паслись куропатки, кормились почками на кустарниках. Недалеко стаями проходили полярные волки. Близко к буровой они не подходили, видимо, опасались.

«Сделали» будущее Ямала

В свои лучшие времена объединение «Ямалнефтегазгеология» в год достигало 250 тысяч метров проходки горных пород. Нашим коллективом были открыты многие ямальские месторождения. К 1992 году в состав объединения входило десять структурных подразделений, в которых работало 8,5 тысяч человек.

Период перестройки был для геологов тяжёлым. Мы выполняли геологоразведочные работы по госзаказу. Выполненные объёмы нам не оплачивали. Задолженность по зарплате доходила до года, только иногда давали денег «на хлеб». Не принесла результатов и поездка Подшибякина к председателю Совмина СССР Николаю Рыжкову. В итоге геологию как отрасль ликвидировали через банкротство, все разведанные месторождения были переданы государству, а высококлассные профессионалы оказались безработными. Сбережения, накопленные ими за многолетний труд, пропали по воле младореформаторов.

Наверное, единственное, почему мы смирились с перенесёнными тяготами, – осознание того, что благодаря нашей работе на Ямале сформировалась надёжная минерально-сырьевая база, ставшая гарантом динамичного развития экономики и энергетической безопасности России. Наблюдая сегодня за реализацией грандиозных проектов на Южно-Тамбейском и Утреннем газоконденсатных месторождениях – «Ямал-СПГ» и «Арктик СПГ-2», у истоков которых стояло наше объединение, мы гордимся своей работой. 🇷🇺

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЛАДИМИРА ЗОПЬНИКОВА

На совещании главных инженеров Главтюменьгеологии в посёлке Мыс Каменный, 1991 год

СМУКИ, ИЛИ АЛЬМА-МАТЕР ЯМАЛЬСКОГО ИСКУССТВА¹

Марина КАШМАКОВА,
ведущий архивист Госархива ЯНАО
г. Салехард

ФОТО ИЗ ФОНДОВ МКВ ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Эту звучную аббревиатуру и сегодня, думается, помнят не только жители окружной столицы, но и большинство ямальцев. Именно так называлось Салехардское межокружное училище культуры и искусств с 1987 по 2005 год.

¹ Материал подготовлен по документам Государственного архива ЯНАО

Старейшее ямальское образовательное учреждение несколько раз меняло название, но СМУКИ – одно из самых известных и закрепившихся в памяти многих салехардцев.

Точка отсчёта

Свой путь училище начинало в далёкие 1930-е годы как политпросветшкола. Тогда идея просвещения населения далёких национальных окраин витала в воздухе. Людям нужно было разъяснить принципы построения нового государства, основы и правила новой жизни. Причём просвещение было разным: от экономического, медицинского до культурно-образовательного.

С учётом географии и особенностей жизни кочевого населения Севера были придуманы культбазы, красные чумы и дома нацменов. Как и по всей стране, на Ямале открывались избы-читальни, пункты ликвидации безграмотности (ликпункты), библиотеки, клубы. И для работы в них нужны были специалисты.

Тогда многие приехали сюда из центральных регионов страны строить новый мир, но необходимы были и свои кадры. Возможность обучать специалистов прямо в Салехарде появилась после 10 декабря 1930 года – дня образования Ямальского (Ненецкого) национального округа.

В этот период по всей стране открываются советские партийные школы (совпартшколы), в которых есть отделения для подготовки культпросветработников. Такая же появилась в начале 1930-х годов и в столице округа. В фондах МВК имени И. С. Шемановского есть фотография, датированная 1935 годом, на которой запечатлены её слушатели. А уже в 1938-м будет набран первый состав Салехардской политпросветшколы. Это подтверждает другая фотография из фонда окружного музея. На ней запечатлены первые учащиеся – 46 человек.

Так и остался бы 1938 год датой образования Салехардского культпросветучилища, если бы не война... Почти сразу после её начала политпросветшколы в стране были ликвидированы. Преподаватели и большая часть выпускников уходили на фронт. Вероятно, в 1941 году состоялся первый и единственный выпуск Салехардской политпросветшколы.

В фондах Государственного архива хранится документ о её ликвидации – «Решение исполкома Ямало-Ненецкого Окросвета депутатов трудящихся от 18 августа 1941 года». Председателем ликвидационной комиссии был Михаил Броднев, возглавлявший тогда окружной отдел народного образования. Срок закрытия политпросветшколы – 15 сентября. Четыре освободившихся помещения были переданы под вновь организуемый детский сад, под квартиры учителям, средней школе, Салехардскому интернату и окружному отделу народного образования.

И только после Победы в Салехарде вновь открыли политпросветшколу. Факт документально засвидетельствован в протоколе № 9 заседания исполкома окружного Совета депутатов трудящихся от 7 мая 1945 года. Новое учреждение должно было открыть свои двери 1 октября для 60 человек. Срок обучения – три года. Протокол подписан тем же Бродневым. К тому времени Михаил Митрофанович стал председателем окружного исполкома.

Эта дата и стала точкой отсчёта в истории Салехардского училища культуры и искусств.

Прежде всего здесь начали готовить агитаторов-пропагандистов. В первый год было принято 25 коми-зырян, 15 ненцев, 5 представителей народа ханты, в списках также

Каждый раз переименование училища было связано с историческими этапами развития страны. На фото – комплекс зданий Салехардского культпросветучилища, 1971 год

значатся селькупы, татары, один украинец и эвенк.

Для обучающихся открыли студенческую столовую. Мало того, власти обязали выдавать удвоенные нормы мяса и рыбы. В документах было сказано и о ремонте общежития, оснащении инвентарём и постельными принадлежностями. Окружному отделу торговли предписали выделить «хлопчатобумажной ткани 2000 метров, носков и чулок 120

пар, ниток 60 юрков, валенок 60 пар, кожаной обуви 60 пар, шапок 60 шт., рукавичек 60 пар, ваты 100 кг».

Все учащиеся находились на полном государственном обеспечении: проживание, питание, одежда, учебники и школьные принадлежности предоставлялись им бесплатно. После окончания школы их отправляли работать в красные чумы, дома нацменов, культбазы, избы-читальни, библиотеки и другие учреждения

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВОМ ЯНАО

Выступление коми-хора культпросветшколы, 1960-е годы

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВОМ ЯНАО

Ямала и соседнего Ханты-Мансийского округа, чтобы просвещать, обучать и организовывать культурный досуг.

Известные выпускники...

В конце 1940-х – начале 1950-х основным типом средних культурно-просветительных учебных заведений в стране станут культурно-просветительные училища или школы. Ещё раз изменит своё название альма-матер ямальского искусства. В документах она начнёт обозначаться как Салехардская межокружная культурно-просветительная школа, сокращенно культпросветшкола, а с 1961 года – культурно-просветительное училище. 16 сентября 1982 года ему присвоят имя выдающегося ненецкого писателя Леонида Лапсуя. А в 1987-м переименуют в Салехардское межокружное училище культуры

Семён Няруй – самобытный композитор и талантливый педагог, собиратель и хранитель ненецкого фольклора, автор более двухсот песен на ненецком и русском языках, пьес для оркестра народных инструментов.

На фото – с ученицей. 1986 год

и искусства им. А. В. Лапцуя – знаменитое СМУКИ...

На Ямале нет такого учреждения культуры, где не работали бы выпускники или преподаватели знаменитого училища. Один из самых известных – Иван Юганпелик, большой поэт, человек удивительной и трагической судьбы. Он окончил культпросветшколу в 1948 году. Позже в селе Гыдояма несколько лет заведовал сельским клубом, руководил Гыдоямской культбазой, работал в Тазовском райкоме комсомола, а с 1953-го в Салехарде в окружной газете «Красный Север».

В 1960-е годы имя поэта Юганпелика гремело на Ямале. Однако свои первые стихи он написал ещё на фронте, куда ушёл добровольцем в 17 лет. Пройдя все тяготы и ужасы войны, получив тяжёлое увечье, остался без

ноги, Иван Антонович вернулся домой с медалью «За отвагу». Он прожил долгую жизнь и оставил в наследство потомкам свои стихи, песни, поэмы.

Кровно связана с училищем и судьба первого ненецкого композитора, Заслуженного работника культуры РФ Семёна Няруя. Врождённая музыкальность предопределила его судьбу и привела в Салехардское культурно-просветительное училище, которое он окончил в 1968 году. Дальше было музыкальное училище в Тюмени, Ленинградская консерватория, а в 1971-м Семён Николаевич вернулся в родные пенаты в качестве преподавателя.

И знаменитые преподаватели

С историей училища связаны судьбы и других выдающихся педагогов. Их вклад в развитие культуры Ямала столь значителен, что в Госархиве открыты их личные фонды.

Так, в 1970 году преподавателем учебного заведения по классу баяна стал будущий композитор Юрий Юнкеров, выпускник Дзержинского музыкального училища и Горьковской консерватории им. М. И. Глинки. Будучи автором более 200 песен на стихи ямальских поэтов, он собирал, записывал, расшифровывал фольклорные и авторские произведения коренных малочисленных народов Севера, нотировал их, издал более двадцати песенных сборников. Юрий Юнкеров навсегда вписал своё имя в историю Ямала, став в 2010 году автором музыки к гимну Ямало-Ненецкого автономного округа.

В 1975 году начал свою педагогическую деятельность на Ямале в качестве преподавателя рисунка, живописи, истории культуры Владимир Ушаков, выпускник Краснодарского художественного училища и Омского педагогического института им. А. М. Горького. Ныне его картины украшают стены многих учреждений и хранятся в частных собраниях Венгрии, Японии, Канады, Финляндии, Швейцарии, Германии. Лучшие работы учеников мастера представлены в альбоме «Север России. XXI век», подготовленном Комитетом по проблемам Севера и Дальнего Востока Госдумы РФ.

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВОМ ЯНАО

Студенты 4-й группы художественного отделения Салехардского культпросветучилища. 1976 год

ФОТО ПРЕДОСТАВЛЕНО ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВОМ ЯНАО

Студентки у хореографического станка, 1968 год

С 1976 года в Салехардском межокружном культурно-просветительном училище работал Владимир Гуца, выпускник Московского госинститута культуры и будущий

директор департамента по культуре, искусству и кинематографии Ямала. Создатель популярнейшей, известной своими зажигательными выступлениями агитбригады «Данко». Став управленцем, он инициировал ряд крупных творческих программ и проектов, которые повлияли на формирование культурного имиджа региона.

В 1980 году коллектив преподавателей пополнил Александр Пустосёлов. Будущий художественный руководитель оркестра русских народных инструментов приехал на Ямал после окончания Московского музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Он стал автором обработок народных песен, национального фольклора, сочинений для оркестра, домры, фортепиано.

P.S. В 2008 году, спустя 63 года после создания, училище культуры и искусств им. Л. В. Лапцуня было реорганизовано и вошло в состав ГОУ СПО ЯНАО «Ямальский многопрофильный колледж». 📍

СЕВЕРНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Светлана ГРЕБЕНЩИКОВА

г. Новый Уренгой

В Новом Уренгое я недавно, всего третий год, но уже кое-чему научилась. Например, говорить «там, на земле», подразумевая всё, что южнее нас; заказывать билеты загодя, иначе можно остаться без них; плотно-плотно закрывать шторы, когда наступает полярный день. До этого несколько раз судорожно принималась собираться на работу в три часа ночи, думая, что безбожно опоздала: солнце всю светит!

К полярной ночи привыкнуть труднее, конечно, но она здесь не совсем ночь: в самый короткий световой день солнышко хоть часа на три, да показывается.

А вот к холоду привыкнуть сложнее. Даже не так, не к холоду – на моей родине, в Курганской области, морозы тоже бывают будь здоров – а к тому, что зима длится так долго.

Суровое детство

Работаю в школе. В первый год моего пребывания на Севере занималась как-то с пятиклассником как репетитор. По ходу задания мне нужно было, чтобы он вспомнил слово «весна». Я его наводящими вопросами направляю:

– Вить, ну вот смотри: сосульки капаят, снег тает... Что это?

– М-м-м... – задумывается Витя. – Июнь, наверное?

Я тогда посмеялась вместе с ним, мол, удачная шутка. А теперь могу сказать, что это шутка лишь отчасти.

С первыми холодами достаю из шкафа пуховик, и вижу, что на нём пристёгнута...

георгиевская ленточка. И вдруг ясно вспоминаю.

В прошлом году 9 мая снег уже таял, но ещё лежал сугробами, так что на праздник у Вечного огня пришлось одеваться по-зимнему. Возвращаясь с митинга, увидела, как возле подъезда возится девчушка лет пяти-шести, что-то раскладывая на лавочке. В руках яркие предметы. Подхожу поближе... Да ма-а-атушка ты моя! Ребёнок формочками для песка лепит снежные куличики. Видимо, формочки были подарены для лета, но пока его, этого лета, дождётся!

Рассказала сестре, она смеётся:

– Суровое северное детство!

Удачи тебе, Вова!

Однажды звонит мне коллега, спрашивает:

– Светлана Сергеевна, репетиторство берёте? Нужно мальчика на ЕГЭ натаскать. Сам не могу – всё под завязку забито.

Отчего, думаю, не взять – возьму. Коллега телефон мамы мальчика скинул и умыл руки. Созваниваемся.

– Здравствуйте, а вы на дом выезжаете или Вова к вам ехать? – это мама мальчика.

– Здравствуйте, нет, ко мне не надо, я сама езжу, – это уже я.

– Ой как хорошо! – радуется мама Вовы и надиктовывает адрес: улица Ангарская, дом такой-то, квартира...

О такой улице, думаю, я ещё не слышала, видно, плохо пока город знаю. Ну, Ангарская, наверное, от реки Ангары – вполне себе северное такое название...

– А где это? – интересуюсь. Сама прикидываю: первый раз на такси доеду, потом по местности сориентируюсь, как лучше на автобусе добраться.

– Около первой поликлиники, – охотно объясняет Вовина мама.

– А, – соображаю, – это где «семёрка» ходит?

– Не-не-не, – не соглашается она, – там ходит «единичка» и «шестёрка»!

Странно, думаю, «единичка» вроде совсем в другую сторону идёт... Ну ладно, разберёмся. Взяла я на всякий случай ещё и телефон Вовы, договорились начать занятия с завтрашнего дня и распрощались.

На завтра вызываю такси от школы через приложение – знаете, где называете адрес и сами назначаете цену. Назначила 200 – никто не едет. Добавила до 250 – согласился один. Сажусь, называю адрес ещё раз, шофёр в некоем недоумении:

– Это вообще где? На Северке или Южке? Вот спросил. А я знаю?

Надо пояснить, что Новый Уренгой условно поделен (рекой) на северную и южную части, в обиходной речи – Северка и Южка.

– Минутку, – говорю, – сейчас уточню, – и набираю Вова.

– Вова, – после обмена приветствиями прошу я, – сориентируй нас с шофёром, мы сообразить не можем, куда ехать.

– Доедете до Академгородка, – объясняет Вова, – там будут пятиэтажки, а за ними – наша одиннадцатизэтажка. Когда подъедете – позвоните, у нас домофон не работает, я вас встречу.

Передаю эту информацию шофёру и вижу, как у того глаза куда-то под кепку закатываются.

– Э-э-э... – шофёр подзавис. – Это на Северке или Южке?!

– Вова, – спрашиваю я в не отключённый пока телефон, – а это на Северке или Южке?

– Э-э-э... – теперь, похоже, завис Вова. – Не понял...

– Ну, что ты не понял?! – начинаю я сердиться. – В Уренгое живёшь и не знаешь, на Северке ты или на Южке?!

– А-а-а, я не в Уренгое живу... – сказал растерянно Вова.

– В смысле – не в Уренгое?! – теперь пришла моя очередь зависнуть. – А где?!

– В Волгограде...

– Твою... – непедagogично сказала я после паузы. – Вова, ты извини, тебе придётся другого репетитора искать. Удачи тебе!

Телефон у меня достаточно громкий, и шофёр наш диалог слышал. Как же мы с ним хохотали!

Ларчик просто открывался: коллега приехал в Новый Уренгой как раз-таки из Волгограда. Он очень хороший учитель, поэтому его телефон передавали из рук в руки. Так его номер к Вовиной маме и попал. Никому и в голову не пришло уточнить город: первая поликлиника есть в каждом городе, первый и седьмой маршруты автобусов тоже. Надеюсь, с другим репетитором Вова повезёт больше. Удачи тебе, Вова! 📞

«ВОДА В КРАТЕРЕ ОСТЫВАЕТ, ПОДНИМАЕТСЯ ТУМАН, ТИХО...»

**Пока геологи тушили гигантский газовый фонтан,
в зимней тундре зазеленели берёзки,
а река наполнилась варёной рыбой**

Евгений СОБОЛЕВСКИЙ

г. Ноябрьск

Открытие Губкинского нефтегазоконденсатного месторождения оказалось оглушительным в буквальном смысле слова. А также стихийным, жарким, опасным – эпитетов для этого события найдётся множество. Для большинства непосредственных его участников всё случившееся в 1965 году на берегу реки Пякупур стало одним из ярчайших событий в жизни. В их числе мой отец Владимир Викентьевич Соболевский, главный инженер Главтюменьгеологии и руководитель работ по ликвидации огненного фонтана на скважине Р-101 – крупнейшей аварии в истории геологии.

В Тюменскую область он приехал после окончания Грозненского нефтяного института в 1952 году. Его карьера началась в Заводоуковской нефтеразведке, которая вместо залежей «чёрного золота» нашла минеральную воду, она до сих пор используется в бальнеологических целях. Затем были Южно-Челябинская, Мало-Атлымская, Тобольская нефтеразведки, а также Ханты-Мансийская и Шаимская экспедиции. Отец везде отвечал за инженерную службу.

Сюжет для «Сибириады»

К концу 1950-х тюменскими геологами было пробурено более десяти опорных скважин. Одна из них в 1953 году дала Березовский газовый фонтан. Но нефти не было.

В 1955 году, когда закладывали Мало-Атлымскую скважину, мои родители более года жили в Малом Атлыме. По их воспоминаниям, мама там даже огород посадить успела.

В 1959 году в Москве разуверились в перспективах дальнейших нефтеразведочных работ и занялись поиском другого приложения сил. Горячие головы уже грезили новыми проектами, планировали построить рав-

нинную Нижне-Обскую ГЭС с площадью водохранилища почти в четыре Байкала – минимум. Начали вырубать леса в предполагаемой зоне затопления, готовить общественное мнение к глобальным переменам. Вполне ожидаемо развернулась масштабная битва между сторонниками и противниками этого мегапроекта. «...всё это звучит довольно убедительно, обосновывается цифрами, ссылками на авторитеты. Однако я не вынес из этого института («Гидропроект», – прим. автора) уверенности, что игра стоит свеч, что Нижне-Обскую ГЭС надо строить... Особенно настораживает площадь затопления и подтопления. Гидропроектницы называют минимальную цифру 113 тысяч квадратных километров. А вот учёные из СОПСА (Совета по изучению производительных сил Госплана СССР) говорят, что может быть намного больше», – писал в декабре 1963 года в окружной газете «Красный Север» Юрий Петрачук.

Пока шли споры, нефтеразведка добуривала последние, уже начатые скважины. И вот в самый драматичный момент, когда на совещании в тюменском главке зачитывали приказ о прекращении разведоч-

ных работ, пришла телеграмма о появлении Мало-Атлымской нефти. Действие приказа приостановили, а после открытия Шаимской группы отменили. Этот сюжет есть в финале фильма Андрея Кончаловского «Сибиряда».

Долгая-долгая командировка

Мне было два с половиной года, когда отца перевели из Шаимской экспедиции, которая находилась в Чантырье, в областной центр, где он возглавил инженерную службу Тюменской комплексной геолого-разведочной экспедиции, а позже – производственный отдел Главтюменьгеологии. В 1965 он стал главным инженером управления. Мне было уже шесть лет, мы жили в самом центре Тюмени на Республики, 48 (в этом же доме находился геологический главк). Отец был в постоянных разъездах, командировках, проводя ежемесячно недели по две на отдалённых объектах. Часто на буровых случались всякие аварии, и их устранение было в сфере его ответственности. Помню, как вскоре после новоселья он исчез на полгода, тушил грандиозный Пурпейский фонтан. Кажется, отец был единственным из ликвидаторов, кто находился там безотлучно. Его коллеги Николай Григорьев и Константин Савин, приезжая на побывку в Тюмень, заходили к нам домой и передавали приветы от отца. Рассказывали о грандиозности пожара и о сложности его тушения. Лишь позже я осознал весь масштаб события, в котором довелось участвовать моему отцу.

А начиналось всё так...

В 1964 году на основании геофизических данных в 80 километрах от Тарко-Сале на берегу реки Пякупур была заложена разведочная скважина Р-101. Проектная глубина 3200 метров.

Бурение начали 13 января 1965 года. Пробурили примерно 700 метров. Ночью с 10 на 11 февраля дежурная вахта начала подъём бурильной колонны для замены сработанного долота. В ходе этих работ примерно в четыре часа утра начались внезапные силь-

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЕЩЕНИЯ СОБОЛЕВСКОГО

Владимира Соболевского называют первооткрывателем сибирской нефти, автором многих усовершенствований технологии разведочного бурения

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЕЩЕНИЯ СОБОЛЕВСКОГО

Именно Соболевский впервые применил в Западной Сибири турбинный способ проходки скважин. На его счету 20 изобретений и около 50 публикаций

ные газопроявления, перешедшие в открытое фонтанирование газа. Как мне позже рассказывал отец, персонал успел погасить топку котельной и заглушить все двигатели.

ФОТО ИЗ ФОНДА ГЕОЛОГА АНДРЕЯ ОСЛОПОВСКОГО / ПРЕДОСТАВЛЕНО МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Здесь газовый фонтан в период половодья. Но даже тогда подойти близко к пламени было невозможно – одежда начинала дымиться

После этого люди спешно эвакуировались на безопасное расстояние. К тому моменту газовый фонтан вздымался над буровой на добрые пятьдесят метров, а из скважины вылетали куски породы до десяти сантиметров. Рёв стоял страшный...

Прошло чуть более получаса, и близ буровой образовалось два газовых грифона, а летящие в разные стороны камни, ударяясь о металлические части вышки, высекали искры, и в 07:30 фонтан воспламенился!

Пульсирующее пламя вздымалось на высоту от ста до двухсот метров. Всего за десять минут оно разрушило буровую, её остатки осели и исчезли на дне образовавшегося кратера. Туда же, в тартарары, провалились каротажная машина, цементировочный агрегат и другое оборудование.

Отца назначили руководителем работ по ликвидации фонтана. В его команду вошли Н. И. Савин (главный механик главка), Н. И. Григорьев (буровой мастер), П. Г. Кожевников (буровой мастер), В. С. Пономарёв, Б. А. Фомин, А. Е. Шпаченко, Н. Е. Мухачёв, А. Е. Ахминеев, В. К. Березовский, А. И. Бритик, Р. Д. Тативосов и другие... Начальник Главтюменьгеологии Юрий Георгиевич Эрвье принимал самое деятельное участие в ликвидации Пурпейского газового выброса и регулярно прилетал на место аварии.

Рождение огненного оазиса

По воспоминаниям отца, горящий фонтан являл собой грандиозное зрелище.

По краям его периодически возникали огненные смерчи. Подойти ближе двухсот метров к огню было невозможно – начинала дымиться одежда. Летом ликвидаторы отмечали, что огненные смерчи выжигали гнус.

Кратер шириной 600 метров соединился с рекой Пякупур и даже изменил её русло. Пламя достигало в диаметре восьмидесяти, а в высоту более ста метров. Стоял страшный шум, земля дрожала. К изумлению ликвидаторов, в пятидесятиградусные морозы близ фонтана наступила весна – распустились листья на берёзках, а скованный льдом Пур растаял на шестьдесят километров вниз по течению. В нём можно было даже купаться и... питаться – на поверхность то и дело всплывали тушки варёной рыбы.

Суточный дебит фонтана достигал 15 млн кубометров газа. Достаточно, чтобы обогреть целый город.

А не попробовать ли ядерный взрыв?

С самого начала приоритетным способом ликвидации аварии стало бурение наклонной скважины, через которую надеялись задушить фонтан.

Место аварии посещали различные государственные и партийные начальники. В какой-то момент они усомнились, что команда Главтюменьгеологии способна ликвидировать такую аварию. Пригласили ведущих специалистов страны, но на способ тушения это уже не повлияло.

Надо сказать, что обычные пожары на нефтяных и газовых скважинах (их к тому времени было ликвидировано достаточно) почти всегда имели устье, из которого извергался газ или нефть. Обычно их просто заливали мощными струями воды или сбивали пламя реактивными установками. Этот же фонтан явил настоящую мощь ямальских недр – он был не только необычайно силён, но и защищён кратером. Вот почему воздействовать на его устье не было никакой возможности. К слову, в Узбекистане на Урта-Булакском месторождении уже горел почти такой же по мощности газовый фонтан. Его погасили лишь в сен-

ФОТО ИЗ ФОНДА ГЕОЛОГА АНДРЕЯ ОСЛОПОВСКОГО / ПРЕДОСТАВЛЕНО МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

Огонь был виден издалека.
С ним боролись целых шесть месяцев!

тябре 1966 года с помощью подземного ядерного взрыва. На Ямале проблему решили иначе...

То пожар, то половодье...

Две тысячи тонн необходимого для тушения оборудования доставили в Тарко-Сале тяжёлыми транспортными самолётами Ан-12 салехардского авиаотряда и далее к месту аварии – винтокрылыми гигантами Ми-6. Перед этим срочно удлиннили земляную взлётно-посадочную полосу тарко-салинского аэродрома.

Было несколько обстоятельств, осложнявших ликвидацию фонтана. Прежде всего не была известна глубина газоносного пласта.

ШТРИХИ ВРЕМЕНИ | ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАТАСТРОФЫ

По ряду признаков Юрий Эрвье предположил, что он достаточно близок к поверхности.

Для изучения геологического разреза, глубины залегания и мощности пласта, решили сначала пробурить оценочную (вспомогательную) скважину, а затем по полученным данным – наклонную. Через неё же планировали глушить фонтан жидкостью. Соединение наклонного ствола с аварийным должно было произойти путём гидроразрыва непроницаемой породы выше кровли газового пласта.

Оценочную скважину необходимо было бурить как можно ближе к аварийной. Но из-за большого кратера, наполненного кипящей водой, и постоянных газопроявлений это было весьма рискованно.

24 апреля 1965 года бригада под руководством Николая Григорьева приступила к реализации плана. Особое внимание уделялось противовыбросовым мероприятиям. 20 мая бурение закончили. С глубины

740–750 метров получили фонтан газа при пластовом давлении 72,16 атмосфер и при температуре 22,5°C. Сам сеноманский пласт был вскрыт на глубине 695 метров.

Наклонную скважину бурили по трёхинтервальному профилю, причём из-за сравнительно небольшой глубины скважины набор кривизны следовало осуществлять с высокой интенсивностью.

Во время подготовки к этому этапу работ начался весенний паводок, затопивший всю округу. Часть оборудования, бурильные и обсадные трубы оказались под водой. Половодье бушевало двадцать дней, а когда вода спала, стало ясно, что кратер увеличился в диаметре и подошёл к основанию вышечного лебедочного блока.

Вода, чернила и ювелирная точность

После укрепления фундаментов забурили наклонную скважину. Когда длина её

ФОТО ИЗ АРХИВА ЕВГЕНИЯ СОБОЛЕВСКОГО

Для тушения пламени на место аварии доставили две тысячи тонн необходимого оборудования

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАТАСТРОФЫ | ШТРИХИ ВРЕМЕНИ

ствола достигла 700 метров, начались газопроявления. Через пять метров решили закончить проходку и провести гидроразрыв в интервале 706–708 метров (650 метров по вертикали). Затем в скважину подали воду. Поглотив 25 тысяч кубов жидкости, пламя поутихло, но вскоре вошло в прежнюю мощь. Ликвидаторы забеспокоились: а вдруг промахнулись и вода попросту уходит в сторону! Тогда Юрий Эрвье предложил оригинальный способ проверить наличие связи между наклонной и аварийной скважинами – туда закачали чернильный раствор, который позже подкрасил пену в кратере горящего фонтана. Эффективное соединение подтвердилось. Закачку воды продолжили, и в конце августа фонтан заглох. Отец сообщил об этом в Тюмень, но всего через несколько часов фонтан ожил с прежней силой. Старший инженер Рафаид Тативосов выстрелом из ракетницы поджёг фонтан...

Был уже конец северного лета. Перспектива близких морозов (они затруднили бы закачку воды) вынудила ликвидаторов предпринять отчаянную попытку задавить фонтан буровым раствором. Его закачали в скважину весь, без остатка, и лишь после этого фонтанирование прекратилось. Все ожидали, когда кратер вновь оживёт, но минула ночь, забрезжил рассвет, а фонтанирования всё не было. Помня о том, как поспешили в прошлый раз, решили с победным рапортом повременить и продолжить наблюдение. Прошли ещё сутки, и лишь после этого отец отправил в Тюмень новую радиограмму: «Вода в кратере остывает, поднимается туман, тихо, фонтан ликвидирован».

Один из самых разрушительных открытых фонтанов, Пурпейский, был побеждён 28 августа 1965 года. А газеты, по обыкновению, умолчали о самом драматичном и сообщили только об открытии нового месторождения газа. 🌍

Озеро, образовавшееся после тушения фонтана

ФОТО ИЗ ФОНДА ГЕОЛОГА АНДРЕЯ ОСЛОПОВСКОГО / ПРЕДОСТАВЛЕНО МВК ИМЕНИ И. С. ШЕМАНОВСКОГО

ТЮМЕНСКИЙ МИЛЛИАРД

Виктор МУРЗИН

г. Москва

Не поднять его нам, не поставить,
Не закрыть на задвижку-замок.
Он гудит, он ревет нарастая,
Миллиардный тюменский поток¹.

Он – бессонные ночи разведки,
Профиль, скважины и каротаж.
Он – геологов точные метки
Там, где есть газonosный этаж.

Эти трубы, каркасы из стали,
Эти краны, абсорберы, дэг² –
Тоже он... И над каждой деталью
Потрудился не зря человек.

Ни одна ЭВМ в полной мере
Рассчитать не сумеет его.
Разве можно в потоке измерить
Жизнь, где столько забот и тревог?

Не кубический метр, не рубль
Мы сегодня кладём на весы, –
Торжество человеческих судеб,
Доведённых до точки росы³.

Он гудит, он ревет нарастая,
Миллиардный тюменский поток.
Его грубая песня ласкает
Всех, кто путь указать ему смог.

1984

¹ Речь идет о рекордной суточной добыче газа по Тюменской области.

² Аббревиатура диэтиленгликоля – ингибитора, который применяется для осушки природного газа.

³ Предельное содержание влаги в природном газе. Главный показатель качества подаваемого в трубопровод углеводородного сырья (прим. автора).

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: ЛЮБОВЬ БУТУЗОВА

И СОВСЕМ ОНА НЕ КОЛЮЧАЯ... ЭТА ПРОВОЛОКА...

Вячеслав СОФРОНОВ,
профессор, доктор исторических наук, член Союза писателей РФ
г. Тобольск

Мой род насчитывает пять поколений «сидельцев». Так уж сложилось... Началось всё с Николая I в 1850 году, когда один из моих далёких предков был направлен на поселение в Тобольск (за что, смею пошутить, весьма признателен самодержцу Николаю Александровичу). Иначе много бы в моей судьбе сложилось иначе. Кстати говоря, предок мой оказался в одном этапе с Фёдором Михайловичем Достоевским, но в Тобольске пути их круто разошлись.

И женился тот ссыльный-поселенец на дочери такого же ссыльного. И нарожали они семь или восемь детей. Таких же непокорных и свободолюбивых, а потому стоит ли удивляться, что черта эта передалась их детям, а по большому счёту всему нашему роду. В разное время, как по заказу, подвергались арестам, а то и заключению все остальные мои предки, включая отца и деда.

Но, что интересно, сам я никогда не ощущал на себе клейма ссыльных пращуров, может, потому, что едва ли не половина моих земляков-ровесников пережила примерно то же самое.

Уже потом, став чуточку мудрее, принялся размышлять и взвешивать: столь ли велики были на самом деле грехи моих предков и могла ли их судьба сложиться иначе? Наверное, могла бы, будь они не столь своевольны и независимы. Да ещё если бы законы моей отчизны были не столь суровы, когда за малейший проступок, ослушание начальства ты мог оказаться на скамье подсудимых. Так или иначе, но дед и отец были реабилитированы, но годы, проведённые в заключении, наложили на них свой не проходящий со временем отпечаток. Передался ли мне их настрой к власти и её верховным правителям – несомненно. Иначе и быть не могло.

Измеряя мир шагами

Родословные корешки моего деда крепко зацепились за древние вятские веси и, хотя

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

Георгий Софронов прошёл много испытаний, но до конца дней оставался несломленным

родители покинули родную Кукарку задолго до его рождения, земля та давала знать о себе и за тысячу вёрст от места восхода семени с неё увезённого.

А отлична та земля тем, что каждый вятский мужик с топором обходится гораздо сноровистей, чем, скажем, с ложкой. Да та же вятская игрушка, она едва ли не всему

свету известна. Что тут ещё скажешь? И потому работники вятские хаживали пешим ходом на заработки по всей необъятной матушке Руси, оставляя свои затеси едва ли не в каждом сельце, куда их судьба забрасывала. Бывало, что и до сибирских острогов, и до ямальских стойбищ добирались.

Вот и дед мой оказался в самую разбитную пору Гражданской войны в Забайкалье, где сумел-таки окончить горное училище и обзавестись дипломом горного инженера, а в придачу – спеца по землеустроительным и топографическим работам. Тоже строил, только уже вычерчивая разные земельные

чертежи и планы. И зашагал он широко с геодезической рейкой на одном плече – и теодолитом на другом. Сперва по Уралу, потом по Сибири, а там и на седом Ямале оказался уже женатым, при детях и без постоянного угла. Один год в один район направят, а как все работы проведёт, ещё дальше: Салехард, Надым, Тарко-Сале, Яр-Сале. И так пока до самого берега Карского моря не дошагал, а дальше уже пешему человеку хода нет...

Может, потому в жуткую пору репрессивного беспредела и миновала его лихая судьба, заканчивающаяся обычно коротким штампом в личном деле: «без права переписи».

Георгий Николаевич (первый справа в верхнем ряду) с супругой Ольгой Ивановной (первая справа в нижнем ряду) в городе Тара Омской области, 1920-е годы

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

ски». Вроде бы пронесло. А там уже и вторая за век война с германцем грянула – Великая Отечественная. Угодил он на «трудовой фронт», или как ещё тогда говорили – в «трудармию». Где-то под самым Питером шанцевым инструментом орудовал. Обычно в такие части брали репатриированных немцев с Поволжья или иных политически неблагонадежных. Как он туда угодил? Может, стойкая беспартийная принадлежность, а то и вольные высказывания, сообщённые «куда следует» верноподданым соседом или сослуживцем, сыграли свою роль. Судить не берусь...

Не удалось мне и у самого деда спросить, в чём именно он ненадёжным показался советской власти, да вряд ли он мне, мальцу, сумел бы это толком объяснить. Но солдатский рядовой паёк семье платили, значит, какая-никакая, а вера к нему была. На том и держались. Без пайка совсем худо пришлось бы моему подростку-отцу и его малолетнему брату, оставленным на попечении их матери, моей будущей бабушке-учительнице.

Так и дождались они Дня Победы без особой надежды остаться в живых.

В те времена далёкие...

На второй год фронтовой жизни признали у деда неизлечимую болезнь и комиссовали подчистую. В теплушке до Тюмени почти месяц везли, а оттуда дошагал он без сна и остановок до Тобольска, где обосновалась его семья. Видать, вятский корень и землемерская закалка не подвели, в очередной раз выручили рядового бойца.

Дошёл до дома – и прямиком на операционный стол. Залатали, зашили, определили на службу в местный отдел земельного устройства. И опять всё с той же мерной рейкой по полям и перелескам – но уже не по ямальским, а Тобольского плоскогорья. Зато теперь хоть надолго от родной семьи и домашнего крова не отрывался.

Так, глядишь, и доработал бы он до пенсии, если б кто-то из сослуживцев не позавидовал его неумности и отчаянному труду даже во время заслуженного отдыха. Оказывается, во время отпуска всем, кто на государственной службе состоял, полагалось дома сидеть или чем иным заниматься, но только

не работой. А дед мой ещё и других, кто помоложе, подбивал к неурочному труду, чтоб лишнюю прибавку к жалованию получить.

Когда их «подпольную организацию» разоблачили, то кто-то из шибко сердобольных показал, что дед как-то по доброте душевной разрешил вдове их умершего ветеранаработника подводу дров увести из поленицы, предназначенной для печей госучреждения. Кому какое дело, что малые дети вдовы той могли преспокойно от сибирского холода помёрзнуть. Кража госимущества! Вредительство!

Прокурор за такое самоуправство запросил срок аж в двенадцать лет! Адвокат напирал на безупречную службу и на дедову инвалидность, как я потом из судебного дела узнал, в архиве мной обнаруженного. Помогло, но не очень. Удалось лишь четвертинку срока отщипнуть.

Ямальские будни.
Игорь и Юрий Софроновы, 1930-е годы

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

На обратной стороне фото написано: «Дом полярной станции, или «Западное государство», как говорили «некоторые», где соединились люди разных характеров в довольно дружный коллектив, что не поддаётся на съедение. Вспоминайте дни, проведённые здесь, и помните, что будете всегда желанным гостем». Гыдаямо, 26.03.1937 года

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

Электростанция Гыдаямо. Справа комбинированный дом, слева – «красный уголок». 1937 год

Назначенное судом наказание оказалось весьма весомым – восемь годков лагерей. Может, и то сказало, что отец мой, дедов сын, в то время тоже срок отбывал. Будучи капитаном, изловил он у себя на пароходе вора и не сдал его властям, а несколькими иным способом объяснил тому, что воровать нехорошо.

Тот оказался человеком опытным и заявил «куда следует». Когда судно вернулось из рейса, на тобольском причале его уже ждали люди в форме. Отцу припаяли два

года за самоуправство и недоносительство. По известной статье. А ему шёл всего-то двадцать третий годок.

Из Сибири в Сибирь

Однако вернусь к рассказу о деде. Хоть и мал я тогда был, но помню, как пришли за ним двое служивых при винтовках, а он в это время за домом сидел. Ждал, видать. Конвойные мужики в дверь стук-стук. Бабушка на порог вышла и говорит тем, с ружьями на плечах: «Мужа дома нет, приходите позже». Хотела, значит, оттянуть минуту расставания.

А я, несмышлениш, как раз во дворе играл, решил всезнайство своё показать и ляпнул: «Бабушка, ты, наверное, не знаешь, дедушка на лавочке за домом сидит...» Куда тут деваться, забрали деда, увели.

Ни слова тогда бабушка мне не сказала за ту правду мою. Но вот я-то её до конца жизни помнить буду. На то она и правда, что с какого бока ни глянешь, а всё разная; двух одинаковых правд мне видеть ещё не приходилось. Потому иной раз и не знаешь: промолчать или рассказать всё как есть.

Не могу назвать точно год той очередной семейной трагедии, да и что он даст? Они

в ту пору все одного цвета были – серые, один на другой похожие, ни один праздник их краше не делал. Но вот после смерти «вождя» народ вроде бы как оживился, смелее говорить начали, без прежней опаски, но всё одно с оглядкой. Появилось новенькое словечко – «амнистия».

Видно, бабушка об эту пору и написала письмо, да не кому-нибудь, а прямиком самому Климу Ворошилову. И ведь помогло! Пришла телеграмма с багровыми литерными буквами по всему тексту, с левого нижнего угла на верхний правый: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ. Не в каждую семью, где такое же горе жило-обитало, почтальон принес с трепетом в руках такую грамотку, почитай, что царскую.

Но это ещё не праздник, дед всё одно в лагере на казённых харчах свой срок отсидивает. Ждать, пока там власти во всём разберутся, бабушка не стала. Не смогла. Характера она была отчаянного и, если что решила, делала сразу и мигом. И в день собралась в поездку. И меня с собой прихватила. А было мне тогда или пять, или шесть лет. Надеюсь, власти к ребёнку отнесутся с большим вниманием, нежели к ней, жене обычного заключённого. Сколько их тогда возле лагерных ворот через заборные щели смотрело внутрь сталинских казематов! Не счесть.

Ползком под вагонами

Три дня мы плыли до Тюмени на пароходе. Потом паровозом, половину пути на крыше вагона. Внутри мест не было. Вся страна словно с катушек сорвалась и поехала, покатила кто куда. Добрались до Екатеринбурга. И, хотя великолепно знаю, как он в ту пору назывался, но лишний раз повторять фамилию того, кто раскатал Русь по брёвнышкам, обратил в пепел, не хочу и не стану.

Но самое кошмарное началось на привокзальных путях, где составы стояли без всякой нумерации многослойной гусеницей и отправлялись по третьему свистку без всяких объявлений по громкоговорителю, которых или совсем не было, или они, как водится, просто не работали. Наш поезд стоял на семнадцатом пути, и подступиться к нему не было никакой возможности, потому как то один, то другой состав приходил в движение, и нужно было пережидать, пока вся вереница вагонов утомительно медленно прогрохочет перед тобой.

Шустрый народ мигом приноровился к этой несусветной путанице и полез напрямик под вагонами, таща за собой узлы, чемоданы, маленьких детей, рискуя попасть под колёса начавшего двигаться состава. Бабушка последовала их примеру и потащила меня за собой. Иногда по несколько минут пере-

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

Юрий Софронов,
отец автора,
был капитаном парохода
«Вогулец», 1950 год

жидали, когда пройдёт соседний поезд, надеясь, что наш не тронется. Тут мне, наверное, впервые в жизни стало по-настоящему страшно. Но молчал. Даже закричи я тогда в голос, кто б услышал? Чем бы помог? Бабушку напугал бы, только и всего. Потому на четвереньках, а иногда и ползком пробирался чуть не час через всю эту железнодорожную катавасию, пока не оказались возле наших теплушек, сцеплённых вместе четырёх вагонов.

На полу солома, пассажиров всего несколько человек, и все бабы с узлами и баулами. Молчаливые и неразговорчивые. Ехали недолго, всего одну ночь, а к обеду уже оказались на небольшой станции, где нас встретил военный патруль и указал, куда идти в сторону лагерных ворот. Я глянул на бабушку: всё лицо в копоти, хоть и протирала его несколько раз платком. А половина волос почему-то вдруг стала белой. Думал, отмоются волосы, тоже испачкались, но те седые прядки так и остались у ней воспоминанием о поездке на свидание к мужу.

Детство, зона, обыск

Сам лагерь находился в горах, меж двух сопек, и всего четыре-пять барачных-полуземлянок для зеков, наверняка числом не более двух сотен. При входе у лагерных ворот меня впервые в жизни обыскали. Полушутя хлопнули рукой по груди, по животу и чуть выше колен спереди, а потом проделали то же самое, заставив повернуться спиной к охраннику. Велели ждать возвращения отряда с работы в какой-то избушке и по территории не ходить.

Прошёл час или два, и со стороны леса послышалось непонятное побрякивание. Выглянул в окно и увидел вереницу одинаково одетых людей, что медленно, по трое в ряд шли к наполовину открытым воротам. Бабушка не успела схватить меня за руку, и я выскочил из избушки, побежал туда, к серой людской массе, надеясь, что сейчас меня подхватит на руки дед. Но лагерная овчарка так злобно тявкнула на меня, что на какое-то время я потерял речь и потом ещё долго с трудом выговаривал буквы. Следом подбежала бабушка, поймала меня за руку, прижала к забору, велела стоять и не шевелиться.

Деда я узнал исключительно по улыбке: до того он был худой и какой-то весь почерневший, обугленный, но его голубые глаза смеялись, и он незаметно от охраны кивал мне головой.

И здесь каждого заключённого несколько охранников так же, как и меня, троекратно охлопывали, но только двумя руками. Делали они это так неуловимо ловко и быстро, будто сбивали невидимую грязь и пыль с арестантских телогреек, и те делали шаг вперед. Меня буквально заворожило и это зрелище отлаженной работы рук одних и снисходительный взгляд сверху вниз других, обыскиваемых. Было во всём этом что-то магическое, театральное, когда один человек заботливо ощупывает другого.

Терпи, коль мужик

Деду подойти к нам сразу не разрешили. Встретились в столовой, где меня почему-то привлёк здоровенный повар в большом белом колпаке на голове и с огромной поварёшкой в здоровущих волосатых руках. Я, надо полагать, тоже ему понравился, потому как он широко мне улыбался, да и потом, пока мы ели, постоянно подмигивал. Заметили это и другие заключённые и что-то шепнули деду, он зло отмахнулся, а мне строго велел смотреть в другую сторону и от него потом никуда не отходить. Мне же повар показался вполне безобидным и даже настроенным дружелюбно, о чём и попробовал сказать деду. В ответ на что он ответил, что глупые доверчивые мальчишки могут легко попасть в поварской котёл и никто их никогда уже не найдёт.

Потом нам всем втроём разрешили прогуляться вдоль лагерного забора, в изобилии увитого колючей проволокой. Я осторожно тронул её пальцем и от боли отдернул руку. До того шипы у неё были острые. А дед покровительственно посоветовал: «Ты варежку на руку надень или набрось чего сверху, тогда она колотья и не будет... Или уж терпи, коль мужик...»

Я не понял тогда этот его совет, но потом, через много лет, воспроизводя раз за разом в памяти эту его фразу, догадался: любая ко-

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

Вячеслав Софронов (слева) с братом и отцом, 1957 год

лючка страшна, если будешь хватать ее голый рукой, с маху. Но уж если попал за колючую проволоку, не хнычь и вида, что тебе больно, не показывай. Боль – вещь временная. Надо лишь сперва перетерпеть, а придёт срок, и свыкнешься с любой болью, привыкнешь, словно и нет её вовсе.

А дед той же осенью вернулся домой и первым делом ободрал колючую проволоку на заборе, которую зачем-то прилепил туда наш сосед, наверное, чтоб разделить наши участки. Сосед, видевший это самоуправство, ни слова не сказал. Тем более, как узнал много позже, он тоже ставил свою подпись под письмом тех «сознательных товарищей», обвинивших деда во внеурочном приработке.

Колючая проволока не самое страшное испытание в жизни, главное, чтоб она внутри тебя не проросла, отделив от всего остального мира острыми шипами... 🙏

ФОТО ИЗ АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА СОФРОНОВА

На фото – младший брат автора, родители и дедушка, 1950-е годы

ИСХОД

Юрий КУКЕВИЧ

г. Салехард

Середина 1980-х. Памир. Высота 5200 метров. Мы с женой сидим чуть ниже вершины, на улице благодать – градусов 20 тепла, внизу под горой протекает Пяндж – одна из самых крупных рек Таджикистана, а следующая гора – это уже Афганистан. До Салехарда отсюда по прямой более трёх тысяч километров. К этой мысли ещё предстоит привыкнуть, как и к горным пейзажам. Так что происходящее пока воспринимается как мультик.

А занесла нас так далеко дружба – нечаянно встретили на улицах Душанбе одноклассника Ларисы. Сашка, командир спецчасти связистов, пригласил нас на пару дней к себе в горы. Сначала мы летели до Куляба на старом, разбитом Ан-2, а потом на вершину горы по серпантину тоже на не очень молодом Газ-66.

Пара слов о дороге. Полёт в горах на лёгком биплане противопоказан слабонервным,

а тем, у кого слабый вестибулярный аппарат, его просто невозможно вынести. При взлёте самолёт был забит под завязку, даже один настоящий баран занял место на дорожке возле хозяина.

Памир – это целая горная страна, чуть ниже Гималаев, и поэтому такие самолёты там летают по ущельям. Короче, слева горы, справа горы, посередине мы. Восходящие потоки от нагретых 50-градусной жарой скал

ФОТО: CYRILLE REDOR / SHUTTERSTOCK / FOTODOM

С той поры много воды в Пяндже утекло...

то выстреливают самолётиком вверх, то резко бросают его вниз. Причём это не какие-то там воздушные ямы, это целые ямищи и пропасти.

Прём вверх – перегрузка, как при старте космического корабля, желудок где-то в районе ушей, потом резко наступает очень долгая невесомость, и внутренние органы беспорядочно перемещаются по телу, пытаюсь отыскать собственное место. В салоне блевали все, даже баран, а меня одного не пробивало. Свой гигиенический пакет я отдал любимой жене и зажмурил глаза, чтобы не видеть всего, что творилось вокруг. Хотелось ещё и заткнуть уши.

В аэропорту Куляба нас встретил грузовик с водителем-бойцом, и мы лихо покатали к ближайшей горе. Перед самым подъёмом боец остановил своего мустанга, попросил нас выйти, поднял кабину и долго кодовал над двигателем. Потом намочил в ближайшем ручье холстину и бережно укрыл ей мотор.

– Что-то случилось? – спросил я.

Он сумрачно ответил:

– Да ничего. Мотор немного барахлит.

Мы сели в машину: я в кузов, жена в кабину и... рванули. Другого слова просто не подберёшь. По какому-то доморощенному

ФОТО ИЗ АРХИВА ЮРИЯ КУКЕВИЧА

Юрий Кукевич – легенда ямальской журналистики, поэт, публицист и общественный деятель

серпантину, ничем и никак не оборудованному в смысле указателей и ограждений, мы вознеслись в гору. Несмотря на свежий горный воздух и рериховские пейзажи вокруг, я чувствовал себя гораздо хуже, чем в самолёте. Очередной резкий поворот, колесо проскальзывает по краю пропасти глубиной километра два с половиной, а потом опять поворот, и из дыры в обрыве рядом с моим носом высовывается какая-то гюрза или кобра, опять пропасть, опять стена камня. Это до того меня умотало, что, когда на моём ко-

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

лене оказалась пчела, я почему-то её не выбросил за борт, а прижал рукой и даже боли не почувствовал, в таком боевом состоянии находился.

Но вот мелькнул серебристый шар, потом другой, в них, наверное, размещались антенны связистов, и мы облегчённо вздохнули: приехали!

На следующее утро я напугал всю воинскую часть. Ничего особенного, решил с утра пробежаться до вершины, она метрах в 150–200 была от ворот КПП. За мной бежал и орал одноклассник жены, потом офицеры, старшины, сержанты и рядовые бойцы. Я достиг цели и с недоумением смотрел на всё это бегущее воинство. Оказывается, они пытались меня спасти от горной болезни, на высоте мало кислорода. Честно говоря, я этого не ощутил. Пришлось объяснять, что у нас на ямальском Севере кислорода ещё меньше, чем у них в горах, и мы все привыкли, ничем не боеем.

Итак, высота 5200, вижу Пяндж, горы красивые, как в кино. Где-то внизу вижу мост через ущелье, какой-то кишлак, и от кишлака в нашу сторону поднимается ленточка пыли.

По ту сторону границы..

Думы о былом часто приводят людей к диаметрально противоположным выводам

ФОТО: ЮРИЙ ТУТОВ

Сашка улыбается:

– Это Хамид едет, везёт нам шашлык, я для вас заказал.

Через некоторое время рядом с нами останавливается грузовик, из него выходит лихой водила, черноглазый Хамид. Видно, что с Сашкой они давно знакомы.

– Наливай, – коротко бросает он ему.

Хамид лихо хватанул стакан и даже глазом не моргнул, а потом, ловко запрыгнув в кузов, передал в руки бойцов двух аккуратно освежёванных баранов, из которых, весело гомоня, тут же начали делать шашлыки.

Мы ещё посидели с Хамидом, так сказать, ближе познакомились. Видно было, что и мы с женой вызвали у него симпатию, и он стал усиленно приглашать нас прямо сейчас в гости в тот самый кишлак, который еле виднелся внизу.

– Как обрадуется моя Фируза, когда я вас привезу! Какой плов мы сварим!

Отступая немножко назад, надо сказать, что мы не раз испытали на себе восточное гостеприимство, бывали даже на свадьбе настоящей таджикской. Это требует отдельного большого рассказа. Не знаю даже, с чем сравнить, может быть, только с грузинским безудержным гостеприимством. Непривычный человек может даже ошалеть от знаков повышенного внимания к нему.

Долго и вежливо пришлось отказываться от приглашения. Да и не хотелось на ночь глядя беспокоить неведомую нам Фирузу. Вечернее солнце ярко освещало гору на другом берегу реки, и я сам неожиданно для себя спросил:

– Скажи, Хамид, а если оттуда, – я кивнул в сторону Афганистана, – придут братья и скажут: «Пошли, Хамид, газават!» – что ты с Сашкой будешь делать?

Хамид призадумался. Сашкино лицо расплылось в улыбке, он победно взглядывал на меня – сейчас Хамид скажет об их большой и вечной дружбе.

Хамид думал-думал, а потом спокойно и твёрдо выронил:

– Я его зарежу, – и тут же его лицо скривила жалобная гримаса, и с полными слёз

глазами он еле выдохнул, – а потом долго плакать буду...

Я не раз вспоминал эти слова, когда в Таджикистане в начале девяностых началась гражданская война.

Следует заметить, что те проблемы, которые привели к утрате полного доверия к КПСС и развалу СССР на восточных окраинах огромной страны, приобрели фантазмагорически страшный характер. Партийные должности на востоке просто покупались, существовали твёрдые расценки на должность секретаря райкома или горкома, взяточничество, которое в России тихо пряталось по тёмным углам и кабинетам, здесь было просто на виду, и никто этого не стеснялся. Что говорить про каких-то там разных начальников, когда в магазине или парикмахерской никто никогда не давал денежной сдачи. Дал – и пропало. Сколько дал, столько и пропало. Толпы молодых людей оставались без работы, а скорее всего, не хотели горбатиться на хлопковых плантациях за гроши. В воздухе витали какие-то грозные флюиды. И приезжая в очередной раз сюда, мы уговаривали тещу с тестем уехать с нами на Ямал. Тесть, офицер в отставке, бывший командир тяжёлого ракетного дивизиона, отрубал все наши попытки коротко и по-военному.

Маленькая надежда на нормальный исход появилась у меня, когда в 1991 году в пору развивающейся гласности на затхломе политическом горизонте Таджикистана появились совершенно другие лидеры. Молодые, интеллигентные, интеллектуальные, совестливые. Я готов был подписаться под каждым их тезисом. Заскорузлые секретари всяких там парткомов ничего не могли противопоставить их напору, эрудиции, их ясной моральной позиции. Эти секретари, по-моему, не понимали даже смысла большинства слов, с которыми к нам обращались учёные младореформаторы. В отличие от нашего большого ЦК, гикнувшего сразу после августовского путча, ЦК КП Таджикистана дотянул до

1992 года, а потом тоже рухнул без всякого пуга. И что же в итоге? Пришли к власти те самые ребята, которые так всем нравились. И оказались неспособны вести хозяйство. Союз развалился, пропали все обязательства, ничего не поставлялось, и реформаторов просто раздавила жестокая действительность. Нашлись и силы, которые усугубили положение. Был создан народный фронт в том самом Кулябе, куда мы летали, и толпы людей под началом полковых командиров подобно вьетнамским партизанам двинулись в великий поход на столицу по горам и по долам.

Мы в Салехарде не находили себе места, телевизионные новости были всё тревожнее, а любимый тесть всё твёрже советовал нам не сеять панику и не поддаваться гнусной «империалистической» пропаганде. Переезжать на полярный круг он ни в какую не хотел.

Когда я получал очередной полный отлуп в телефонной трубке, долбанул пушечный выстрел, долетевший из далёкого Душанбе.

– Это что такое?! – заорал я нечеловеческим голосом.

Тесть спокойно ответил:

– Это танк по школе стреляет.

Школа была в пятидесяти метрах от их дома. В городе уже шла война с применением тяжёлой техники и артиллерии. Так же спокойно я сказал тестю:

– Скоро буду у вас, готовьтесь к отъезду.

Не буду рассказывать всё, что я увидел по приезду, иначе это превратится в отдельную повесть, но жуткие картины, увиденные в Душанбе, до сих пор стоят перед глазами. Горящие автобусы и троллейбусы, люди с оружием на всех улицах, непрерывная стрельба днём и ночью, убитые продавцы из ближнего хлебного магазина, тела в брошенном посреди двора «москвиче»...

Противоборствующие стороны именовали себя «вовчиками» и «юрчиками», как

ФОТО: ЮРИЙ ТУЛОВ

Долгое эхо гражданской войны

будто вышли из какого-то детского мультфильма, но кровь-то лилась настоящая.

Я подошёл к группе таких бойцов и спросил:

– За что воюем?

Они смотрели на меня опустошёнными глазами, и один молодой в камуфляже совсем не страшно сказал на почти чистом русском:

– Иди отсюда – пристрелим, – но по его равнодушному голосу я понял, что это простая дежурная фраза для всех любопытствующих, ни в кого они не собирались в данный момент стрелять из своих запылённых «калашей».

Через пару дней мы благополучно уехали, вернее, улетели из охваченной гражданской войной страны.

Квартиру свою, машину и всё хозяйство тесть передал соседу-таджику на сохранение. Когда через год мы с ним вдвоём вернулись, чтобы продать недвижимость и вывезти имущество, всё было в полной сохранности. Молодой сосед оказался человеком чести.

За минувший год город изменился, я сначала не мог понять, в чём дело, а потом дошло – он стал серым, куда-то пропали обычные для востока яркие краски. И ещё одна немаловажная деталь – на улицах гораздо меньше стало встречаться славянских лиц. Политика молодого государ-

ства была, помимо прочего, нацелена на мягкое и не очень мягкое выдавливание, скажем так, некоренного населения. Все прелести этого подхода мы незамедлительно и испытали. Трёхкомнатная квартира в новом пятиэтажном доме была продана по цене плохого сарая члену нового правительства, ценой каких-то непомерных взяток мы добыли товарный вагон, куда загрузили дорогую сердцу тестя жигулёвскую «шестёрку» и кое-какой скарб, и поехали вдвоём в этом вагоне сюда, на ямальский Север. Честно говоря, я умолял тестя всё распродать и улететь налегке домой, но разве старого человека уговоришь вдруг обнулить свою жизнь?!

За день до отъезда ко мне заглянул сосед, тот, который сберёт всё для тестя, и принёс новенький автомат с откидным прикладом, калибра 5,45.

– Возьми, в дороге пригодится, ты не понимаешь, что вас ждёт.

Автомат для меня вещь привычная, но, конечно, я отказался. Найдут такую игрушку – и кому ты что потом объяснишь? И сколько раз я жалел об этом отказе, один Бог ведает.

Мы проехали через Туркмению, Узбекистан, Казахстан и, конечно, «родной» Таджикистан. Этот долгий путь через ещё недавно родную для Союза Среднюю Азию я не забуду никогда.

Наш эшелон, состоящий из товарных вагонов, вывозящих остатки имущества и

его несчастных хозяев, кто только не пытался грабить! Никогда я не слышал столько угроз и никогда сам их не расточал в таком количестве и с таким яростным накалом. На каждой станции и полустанке вагон пытались взять штурмом. Хорошо, что мой мудрый тесть сам сделал запоры на дверях. Сломать эти брёвна можно было только танком. А вот его у новоявленных басмачей не нашлось. Зато было всё остальное. Я не выпускал из рук здоровенную палку, ей тёща когда-то шевелила бельё в выварке и нечаянно оставила в своей стиральной машине.

Расскажу только об одном случае. В узбекский Самарканд мы прибыли днём и ждали отправки при открытых дверях. Вдруг в эти двери впрыгнули сразу пять человек, один махнул какими-то красными корочками у меня под носом и на бегу произнёс:

– Служба безопасности.

Почему на бегу? Да потому что они все ринулись теревить чемоданы и ящики, стоящие в вагоне. Ближайшего ко мне облезлого «секьюрити» я огрел тёщиной дубиной по бочине и неожиданно для себя заорал:

– Я сейчас вас всех взорву! – за секунду до этого у меня и в мыслях такого не было, да и гранат тоже не имелось.

Эффект был поразительным. Непрошенных гостей как ветром сдуло. Изумлённый я выглянул из вагона – все лежали вдоль насыпи мордами в песок.

ФОТО ИЗ АРХИВА ЮРИЯ КУКЕВИЧА

Наши дни. Юрий Кукевич с супругой Ларисой и внуками

Невольно вырвался вопрос:

– Вы чего так?

Не поднимая головы, обладатель красных корочек спросил:

– Гранату бросать будешь?

– Нет, не буду.

– А вот вчера один бросил...

Видимо, вчера какой-то собрат по несчастью не вынес этого бесконечного мучения и облегчил нам путь на Родину.

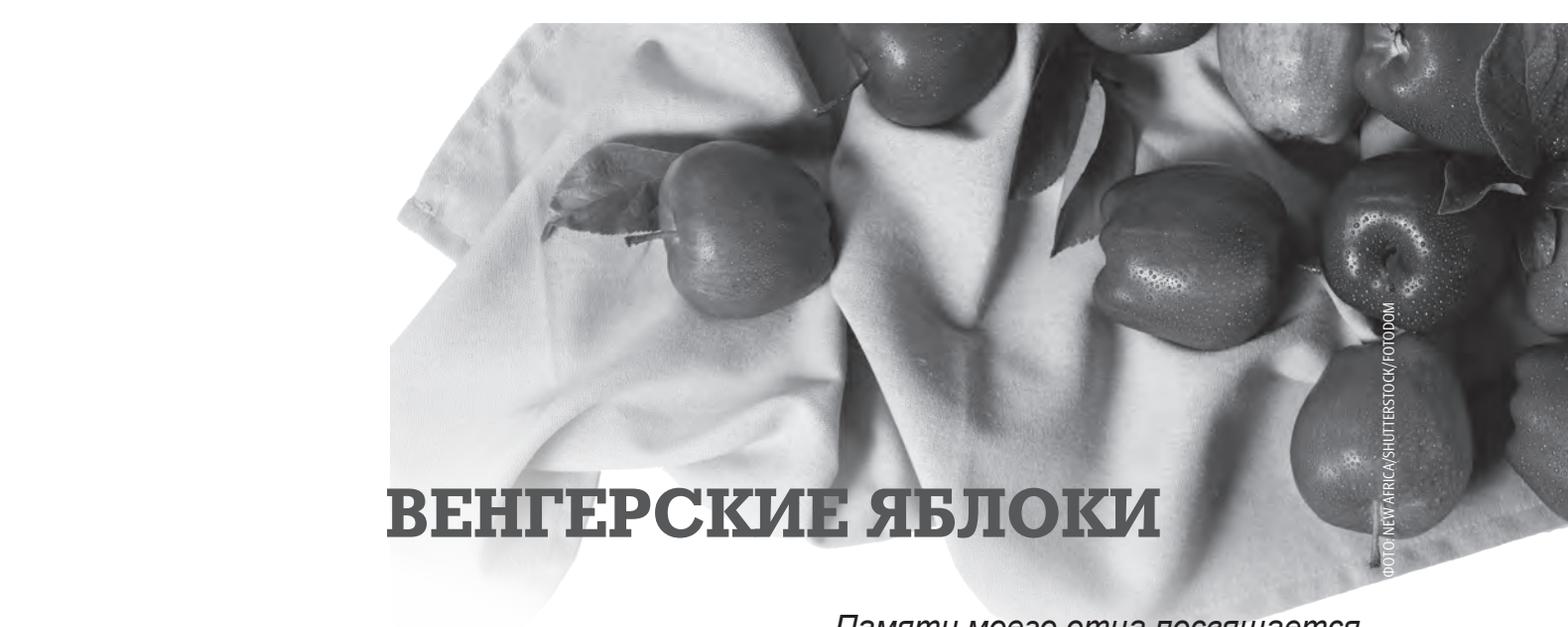
Границу России мы пересекли в Оренбуржье. Я вышел из вагона и подошёл к бабушкам, стоящим вдоль пути, у них в руках были какие-то кастрюльки, банки, так хотелось горяченького после десяти дней сухомятки. И они наперебой стали давать мне варёную картошку, солёные огурцы, всякую другую снедь. Когда же я достал из кармана деньги, чтобы расплатиться, то никто у меня не взял ни копейки.

– Да ты что, сынок?! Мы же вам помочь хотим, мы же знаем, что вас выгнали отсюда, вот хоть покушайте...

Озверение последних дней куда-то улетучилось, в горле встал ком, я ничего не мог сказать, я просто заплакал, и заплакали вместе со мной все эти старушки. 🇷🇺

ФОТО ЮРИЯ ТУЗОВА

ВЕНГЕРСКИЕ ЯБЛОКИ

Памяти моего отца посвящается

Галина БАЛОГ

с. Катравож, Приуральский район

В начале 1970-х годов из Салехарда до ближайших посёлков добирались на тракторах или лошадях. Об асфальте и маршрутных такси сельчане и не мечтали. А уж поездка на личном авто с ветерком и вовсе казалась чем-то фантастическим. Именно тогда моя мама привезла папу в Катравож знакомиться с родителями.

– Дарья Васильева! Вы дома? – В окошко стучала юная Варвара, сельский почтальон. Привстав под открытой форточкой на цыпочки, она громко сообщила о цели визита:

– А я вам извещение от дочки вашей, Вали, принесла. Вызывает она вас на телефонные переговоры, звонить будет в три часа. Собирайтесь, а то опоздаем. Я вас у порога подожду...

– Мама, здравствуй! Как у вас дела? Как папа? – звучало на том конце провода.

– Всё хорошо, доченька, – чуть волнуясь, теребила кончики платка Дарья Васильева. – Папа дома, у него кашель, он почти никуда не ходит, постоянно смолит свою трубку и смотрит в окно. А ещё по утрам водит лошадь к проруби на водопой.

– Мама, завтра в Катравож поедет трактор с комбикормом, я с Адальбертом приеду, меня пригласили работать на звероферму, – радостно выпалила Валентина.

– Адальбертом? Кто это?

– Мама, Адальберт – это мой будущий муж, он венгр!

– Негр? – всполошилась сельчанка. – Ой, дочка, может, не надо «негора» привозить?

– Мама, не негр, а венгр! Он родом из Венгрии, понимаешь? Ну всё, время кончается, ждите нас, к вечеру приедем!

На следующий день в Катравож въехал «пассажирский» транспорт – выдавший виды МТЗ с молодыми в прицепе. Жених лихо спрыгнул на землю, спустил на руках спутницу и взвалил на плечо полную коробку венгерских яблок. Бордово-красные продолговатые плоды были на северах в диковинку и поражали всех своим удивительным медовым вкусом. Откусишь такое, и воздух наполняется густым ароматом яблоневого сада... Так начиналась история моих родителей Валентины и Адальберта!

Обида довела до Лабытнанги

У каждого приезжего своя история пути на Север. У папы она совсем простая. Жил – не тужил в Мукачёво Закарпатской области, но как-то раз поссорился с родителями и в сердцах решил махнуть на край земли. Сел в поезд и прокатился до конечной станции. Вышел, прочитал вывеску: «Лабытнанги».

Он практически не говорил по-русски, но мог понять, о чём речь. На Севере он подружился с Николаем, который отлично владел венгерским, а познакомившись с мамой, с удивлением обнаружил, что хантыйский язык, на котором она общается со своими родителями, похож на его родной.

Разговаривать с папой на русском маме было и смешно, и тяжело. Тогда она решила назвать его в Катравож. Понимала, что благоприятная языковая среда поможет ему быстрее освоить великий могучий.

Сразу по приезде родители устроились работать на звероферму, отец – технологом на кормокухне, мама – звероводом. Папа был очень общительным и доброжелательным человеком, он легко сходилась с людьми и поддерживал дружбу несмотря на расстояния. Приглашал из дальних краёв и возил товарищей на рыбалку, таскал с ними щук размером с подростка, а уж когда ездил на плав, всегда возвращался с богатым уловом белорыбицы. В те времена Обь кипела от живого серебра, так что и муксун, и нежнейшая нельма всегда были на нашем столе.

Друзья же отца в знак благодарности привозили с юга щедрые гостинцы: мёд, грецкие орехи и, конечно же, венгерские яблоки – глянцевого, красно-наливного, со вкусом сотового мёда. Они – такая же неотъемлемая часть моих детских воспоминаний, как мандарины на Новый год.

Стал Альбертом «Высоцким»

– Рая! У тебя когда откроется склад для книг? Я уже всё прочитал, что брал на тех выходных.

– Адальберт! Не склад книг, а библиотека! И лучше говорить: «Прошедшие выходные».

– А, я поняла, суббота откроешь, значит?

– Да, Адальберт, ты правильно понял, в субботу открою. Новые книги как раз поступили: Достоевский, Чехов, Карл Маркс. Ты их ещё не читал.

Папины диалоги с сельчанами были смешны и очень милы...

Да, он часто ходил в библиотеку и приносил много книг. Читал их долгими вечерами, иногда даже вслух, а мама его поправляла и объясняла то, что он не мог разобрать в тексте.

Он по природе был мудрым человеком, людям с ним было интересно общаться, он много рассказывал и грамотно рассуждал, и чем больше читал, тем лучше становилась его русская речь. За чаем он любил пересказывать

ФОТО ИЗ АРХИВА ГАЛИНЫ БАЛОГ

Сложное венгерское имя в Катравоже сократили до «Альберта». Адальберт Балог во время службы в армии

нам книжные истории, а мы с удовольствием слушали. За голос с хрипотцой сельская молодёжь звала его дядя Альберт Высоцкий.

Шло время, менялись уставы и правила окружающей жизни, менялась обстановка в стране, росла наша семья, нас уже семеро ребятшек. В начале 1990-х было трудно, тесно, а порой и горько, но всё-таки отец всегда старался, чтобы у нас хоть иногда были венгерские яблоки.

Предчувствие

У многих людей есть свой ночной кошмар – липкий, повторяющийся, изнуряющий. Был он и у папы. В нём он и моя старшая сестра Илона стояли на краю гибели. И ничего в нём нельзя было изменить, даже последних отчаянных возгласов:

– Папа-а-а... Процца-а-ай!

– Илона, держись, я тут!

Отец просыпался от этого видения весь в поту и тяжело дышал.

Зарплату выдали «квартирой»

– Сегодня зарплаты опять не будет, в конторе сказали, чтобы на этой неделе уже не ждали, – мой трудолюбивый родитель был очень расстроен.

Огорчилась и мама:

– Как же так, Адальберт? Пришла баржа с овощами и фруктами, нужно закупить капусту, яблоки, а денег у нас уже почти нет...

Нынешней молодёжи такой диалог, наверное, покажется излишне драматичным или даже надуманным, но нет в нём фальши. В период «лихих девяностых» задержка, а то и полная невыплата зарплат коснулась жителей всех регионов страны. Северяне старшего поколения, конечно же, помнят и продукты по талонам, и то, как на эти талоны в магазинах горох с пшёнкой выдавали. Было и такое, что с работягами рассчитывались натуральной продукцией.

На нашей звероферме, которая с начала 1930-х годов снабжала пушниной весь Советский Союз и страны ближнего зарубежья, вместо рублей люди получали песцовые шкурки. Вот только что с ними делать, кому продавать, когда вокруг сплошное безденежье? Кто мог – увозил их на Большую землю, менял на продукты, одежду.

Отцу не повезло – попал под сокращение и остался без работы. Мама же продолжала трудиться почти до полной ликвидации предприятия. Но нет худа без добра, в счёт долгов по зарплате руководство зверофермы передало нам, как многодетной семье, трёхкомнатную квартиру! Моим старшим братьям и сёстрам уже не надо было ютиться в интернате, в просторном жилище разместились все.

Повсюду тогда царил безработица, народ всё чаще искал забвения на дне бутылки, кос-

нулась эта напасть и нашей семьи. В один из таких «весёлых» дней отец познакомился с капитаном корабля, у которого в команде работал его земляк. Когда отец впервые спустился много лет услышал от незнакомца родную речь, у него на глазах выступили слезы. Они долго обнимались как родные братья, которые не виделись много лет. Так папа познакомился с будущим лучшим другом нашей семьи, дядей Шони. С его появлением в нашей жизни вновь появились настоящие садовые венгерские яблоки. Их нам дядя Шони щедро отправлял в посылках.

Опасная поездка

Однажды всё та же почтальонша Варя принесла отцу письмо от его матери. В это трудно поверить, но все двадцать лет, что прошли после того броска на Лабытнанги, они были в затяжной ссоре. Наконец строгая женщина оттаяла сердцем и, простив сына, позвала его в гости. Отец полетел к ней с моей младшей сестрёнкой, её внучкой. Домой вернулся вдохновлённый, взял себя в руки, избавился от «весёлой» зависимости и устроился в школу завхозом. Купил свиней, корову, телят. Жить стало интереснее и легче.

После полной ликвидации зверофермы мама тоже перешла работать в школу. Старшая сестра Илона поступила в Салехардское педагогическое училище, жизнь текла своим чередом.

Папа был ответственным работником, ему доверяли важные документы, закупку и за-

Катравож всегда славился хорошей рыбалкой

воз продуктов для школьной столовой, часто отправляли в командировки. На обратном пути он не раз в одиночку доставлял зарплату для всех работников школы.

В ноябре 1993 года его вновь направили в окружной центр. Уже стояли морозы, реки сковало льдом, но в некоторых местах Оби под тонким льдом ещё таились полыньи.

В тот день моя старшая сестра, встретившись с отцом в Салехарде, напросилась с ним домой на выходные. Папа поддался её уговорам, уж очень сильно скучала она в студенческой общаге по родным. «Пусть отдохнёт от городской жизни, молока вдоволь напьётся, наестся домашней сметаны, творога», – рассуждал он.

Но у судьбы в этот день были свои планы.

Перед отъездом папа с Илоной зашли в магазин, закупили сладостей, небольших подарков для нас, ребятни, и, конечно же, много яблок.

Когда они выехали из города, на реке началась позёмка, потом пошёл крупный густой снег, видимость таяла на глазах...

Жизнь стала другой

– Илона, мы проваливаемся! Прыгай, прыгай! – едва заслышав под «Бураном» треск льда, отец что есть сил закричал.

Через мгновение в зимних сумерках, в парящей полынье отчаянно барахтались два человека – отец и дочь.

– Папа, я тут, папа!

– Держись, Илона! Я сейчас...

– Папа-а-а... Проща-а-ай!

Илона попала в воронку и через пару секунд скрылась в воде. А отец ещё держался. Тело сводило от ледяной воды, уже не было сил двигаться. Достав охотничий нож, он вонзил его в кромку полыньи и кое-как выбрался из воды...

Они успели отъехать от города всего на три-четыре километра. Из последних сил отец побрёл обратно в город, чтобы позвонить домой и сообщить Валентине, что их дочь погибла.

Эта трагедия всколыхнула множество людей. Несколько дней шли поиски, в них участвовали и водолазы, но всё безрезультатно. Илону так и не нашли.

Вернувшись из больницы, папа стал совершенно другим человеком. Его смоляные чёрные

волосы покрыла седина. Всё чаще он был угрюмым и тихим. По утрам слышался его хриплый кашель, а ещё он стал часто и много курить.

Шло время, но боль моих родителей от утраты дочери не стихала. Отец стал часто болеть. Он быстро уставал, и ему требовался отдых. Мы росли, вот уже старшие братья друг за другом отслужили в армии, вернулись домой. Ещё одна сестра окончила школу и тоже поступила в педагогический колледж.

В начале 1998 года папа стал замечать, что его головные боли усилились и таблетки уже не помогают. Кашель стал затяжным и перекрывал дыхание. Его направили на обследование в Тюмень. Оттуда он вернулся с диагностированной онкологией и новым отношением к жизни. Теперь он старался уделять нам всё своё внимание, подолгу сидел с нами за столом, рассказывал что-то интересное, давал советы, шутил и цитировал книги и любимые фильмы.

В августе 1998 года папы не стало. Вместе с ним ушла и наша пора венгерских яблок, но память о них и их медовый вкус на всю жизнь остались в наших сердцах. 🍏

С папой, мамой и сестрёнками, начало 1990-х

ФОТО ИЗ АРХИВА ГАЛИНЫ БАЛОТ

НОВОГОДНЕЕ ЧУДО

Олег СЕЛЕДЦОВ

г. Краснодар

На деревья, застывшие в платях морозных,
На уснувшей планеты озябшее тело
С неба сыпались томные снежные звёзды.
И ловить языком мне тот снег захотелось.

Захотелось того, что не в срок, что не в праве.
Скинуть шляпу и выбедить глупые кудри,
И забытые крылья бесшумно расправить,
И, не слыша советов начальственно мудрых,

Плыть по небу без целей и притязаний,
Над цикличностью будней, над жизненным торгом,
И забыть про седины, награды и званья,
Задыхаясь от снежного в хлопьях восторга.

Очутиться внезапно, обыденно просто
На священном Байкале и славном, и грозном,
И поверить, как в детстве, не глядя на возраст,
В новогоднее чудо и Деда Мороза.

